ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

Отпечатано
в 1-й Образцовой типографии
Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.
Гиз 17684. Главлит № 74358.
Тираж 4000.

А. ДЕБОРИН

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

(Заключительное слово на дискуссии в Институте научной философии 18 мая 1926 г.)

В Институте научной философии в течение апреля и первой половины мая шла ожесточенная дискуссия между двумя резко обособившимися направлениями в лагере марксистов. Несмотря на то, что разногласия в нашей среде получили уже раньше определенное отражение в литературе, дискуссия в Институте возникла по «случайному» поводу. В связи с докладом одного из аспирантов некоторыми ораторами — в том числе А. А. Богдановым, Л. И. Аксельрод и Варьяшем — была сделана попытка увязать прения по докладу с текущим философским моментом. Особое озлобление наших противников вызвала появившаяся к тому времени в «Правде» рецензия т. Сапожникова на изданную Тимирязевским научно-исследовательским Институтом книжку «Диалектика в природе». Автор рецензии совершенно справедливо подверг резкой критике фрейдизм вообще и фрейдистский уклон т. Варьяша в частности. Это обстоятельство дало нашим противникам повод выступить с жалобами на якобы безответственные выступления так называемых деборинцев, на порчу литературных нравов и проч. Само собою разумеется, что я поднял брошенную нам перчатку и в небольшой речи охарактеризовал ревизионистскую физиономию противной нам группировки, показав, что под видом борьбы с «неогегельянством» и с «схоластикой» так наз. деборинской школы на самом деле ведется борьба против марксизма и что в этой борьбе ныне об'единились махисты, фрейдисты и механические материалисты, образовав единый фронт.

Это мое выступление послужило сигналом к широко развернувшейся дискуссии по основным вопросам марксизма. Главными ораторами со стороны наших противников выступали тт. Аксельрод, Варьяш, Тимирязев, Перов, Сережников и Ческис. С нашей стороны в дискуссии приняли активное участие тт. Стэн, Троицкий, Луппол, Сапожников, Карев, Вайнштейн, Дмитриев, Максимов, Егоршин, Милонов и Баммель. В качестве стороны «заинтересованной», мне несколько неудобно входить здесь в оценку выступлений представителей как той, так и другой стороны.

Считая, что наша дискуссия, привлекшая много «посторонней» публики, имеет несомненно всеобщий интерес, я охотно пошел навстречу предложению редакции «Летописей» поместить на страницах журнала мое заключительное слово по дискуссии. Я старался, по возможности, восстановить мою речь полностью. Что касается примечаний, то в них я даю цитаты, заготовленные мною для подкрепления моей точки зрения, но оглашенные в заседании, за поздним временем, только частично.

Мне предстоит подвести итоги почти двухмесячной дискуссии по основным, кардинальным вопросам философии марксизма. За последние годы у нас в марксизме сложились две группировки: одна, по моему глубочайшему убеждению, ревизионистского характера и другая группировка, стоящая на почве революционного, ортодоксального марксизма, которая стремится продолжать традиции наших великих учителей и тем самым двигать вперед марксизм.

Естественно, что это об'ективное положение вещей должно было раньше или позже обнаружиться в наших прениях, что и случилось за последние недели.

В начале дискуссии представители противоположного лагеря выступали с клятвенными уверениями, что, в сущности говоря, никаких разногласий среди марксистов не существует, что вот есть чистые голуби, незапятнанные ангелы, с одной стороны, а с другой — злые духи, как Деборин с его единомышленниками, друзьями и учениками.

Но в ходе прений, которые носили вполне свободный характер, когда каждый мог говорить, сколько ему угодно, — а когда люди много говорят, они проговариваются, — в ходе прений выяснилось, что у нас действительно существуют две резко обособленные группировки, так что теперь, в конце дискуссии, я могу заявить определенно, с полным сознанием ответственности за то, что говорю, что группировка, возглавляемая тт. Аксельрод и Тимирязевым, носит определенно ревизионистский характер.

Я постараюсь это доказать, постараюсь выяснить это на целом ряде фактов. Для этой цели нам придется привлечь и некоторых иностранных авторов, чтобы показать, что между нашими ревизионистами и западно-европейскими ликвидаторами марксизма существует в ряде вопросов полная солидарность.

Это я постараюсь показать в дальнейшем, а сейчас мы обратимся к тем вопросам, которые у нас стояли.

I

Возьмите первый пункт, который здесь служил предметом дискуссии, на основании которого Л. И. Аксельрод построила силлогизм насчет моего «неогегельянства». Это — вопрос о реальности вида и класса. Реален ли вид, реален ли класс или не реален? Вот вопрос, который она нашла в одной моей статье. Я даю на этот вопрос положительный ответ. Я предварительно делаю чисто логический анализ и доказываю, что диалектическая теория понятий отличается от формально-логической теории абстрактного понятия и что, исходя от Гегеля, Маркс, Энгельс и Ленин стояли на почве так называемого конкретного понятия. Затем перехожу к вопросу о виде. Если вы возьмете статью Ленина «К вопросу о диалектике» в «Большевике» (5—6 номер прошлого года), то вы там найдете в общем те же основные мысли. Я дословно привел в своей статье соображения Ленина. И вот люди, которые считают себя ортодоксальными марксистами, оказывается, понятия не имеют о том, что проблема конкретного понятия составляет основу, предварительный, исходный пункт всякой возможной диалектики. Но это слишком отвлеченный вопрос, и я боюсь утомить собрание.

Я перейду к более конкретному вопросу. Исходя из учения о конкретном понятии, я и подвергаю разбору вопрос о реальности вида, так как моя статья была посвящена диалектике естествознания в связи с «Диалектикой природы» Энгельса. По вопросу о понятии мы имели вполне определенные заявления Маркса, Энгельса, Ленина и отчасти Плеханова. Казалось бы — наши противники обязаны были сопоставить то, что я говорил, с тем, что говорят наши учителя, и с точки зрения последних критиковать мою работу. Но они этого не сделали, потому что это было бы не в их пользу.

Итак, являются ли вид, общественный класс, общество реальностью или нет? Так как я, естественно, считаю, что вид, класс — реальности, существующие в действительной жизни, то на этом основании я, как вам помнится, был об'явлен средневековым реалистом. Таким образом, наши противники солидаризировались с П. Струве, который в своей работе «Хозяйство и цена» об'явил К. Маркса средневековым реалистом на таком же, примерно, основании.

Я примыкаю отчасти к той трактовке этого вопроса, которую дает К. А. Тимирязев. Всякий, кто знаком с работами Тимирязева, знает, что у него в его книге «Исторический метод в биологии» имеется специальная глава, посвященная вопросу о том, является ли вид, биологический вид, реальностью или абстрактным понятием. И вот характерно, что, когда тов. Варьяш стал шарить по моим статьям, он, зная, что я привожу выписку из труда К. А. Тимирязева, имел смелость заявить, что я извратил К. А. Тимирязева и что Тимирязев, мол, стоит на другой точке зрения. Он мог бы это доказать, но, видите ли, он не захватил с собой книги Тимирязева, — забыл, а з а б ы л о н н а р о ч и т о, потому что не мог бы ничего доказать. Таким образом, он сознательно вводит в заблуждение аудиторию. Впрочем, такие казусы с ним часто случаются.

Союзник Варьяша, А. К. Тимирязев, также считает вид абстрактным понятием. А. К. Тимирязев, который относится с таким трогательным пиэтетом к памяти своего отца, не потрудился заглянуть в работу своего отца, прежде чем прийти сюда с своими возражениями. Он об'явил Дицгена путаником за то, что тот признавал вид реальностью. Но ведь в числе «путаников» оказался и его отец — К. А. Тимирязев. Маркс и Энгельс не совсем одобрительно отозвались о некоторых местах в некоторых работах Дицгена. Но надо сказать все-таки, что когда А. К. Тимирязев выступает с снисходительным похлопыванием по плечу Дицгена, с указанием на то, что Дицген был путаник, то это производит тяжелое впечатление: Тимирязев говорит о путанице у Дицгена! Маркс и Энгельс знали, где у Дицгена путаница и где глубина мысли. А т. Тимирязев этого не знает и не ему выдавать Дицгену или кому-либо другому аттестаты.

Проблема реальности класса является в настоящее время в известном смысле центральным «спорным» пунктом для всех врагов и ликвидаторов марксизма вроде Зомбарта и де-Мана.

Товарищ Перов, который здесь, вероятно, присутствует, — химик и в качестве химика он свысока относится к нашему брату. Теперь такая мода пошла, что кто занимается частной дисциплиной, считает себя на вершине науки; многие естественники считают себя в праве хлопать по плечу тех, кто занимается общими проблемами. Но есть естественники и естественники, не все похожи на Перова. Есть даже такие биологи, — я могу привести вам биолога Козо-Полянского, — которые считают, что формула биологического эволюционизма может быть превосходно выражена с помощью диалектической формулы, данной мною. А моя формула гласит: «Организмы не стоят изолированно друг от друга, а находятся в непрерывной связи друг с другом и образуют живое целое, переходя друг в друга и сливаясь в синтетическое единство» — органический мир.

Это то же самое, что говорится в другой моей статье, где я доказываю, что в и д есть реальность.

Хотите послушать, что говорит Климент Аркадьевич Тимирязев по этому вопросу? Он говорит: вот Шлейден считает, что так как «лошадь», как таковая, не существует, то стало быть вид есть абстрактное понятие. «Это верно, — говорит К. А. Тимирязев, — по отношению к вариации в пределах этого понятия. Но отвлеченность общего понятия «лошадь» по отношению к обнимаемым им конкретным частным случаям не уничтожает того реального факта, что лошадь, как группа сходных существ, т.-е. все лошади, резко отличается от всех групп сходных между собой существ, каковы: осел, зебра, квагга, и т. д. Эти грани, эти разорванные звенья органической цепи, не внесены человеком в природу, а навязаны ему самою природою. Этот реальный факт требует реального же об'яснения». (К. А. Тимирязев, «Исторический метод в биологии», стр. 72.)

К. А. Тимирязев, исходя из правильной постановки вопроса, приходит к следующему выводу: «Итак, на вопрос, поставленный нами в заголовке: естественно-исторический вид — отвлеченное понятие или реальный факт? — мы должны ответить двояко, соответственно двоякому смыслу, который, очевидно, связан с этим словом. Вида, как категории строго определенной, всегда себе равной и неизменной, в природе не существует; утверждать обратное значило бы действительно повторять старую ошибку схоластиков-«реалистов». Но рядом с этим, и совершенно независимо от этого вывода, мы должны признать, что виды — в наблюдаемый нами момент — имеют реальное существование, и это факт, ожидающий об'яснения». (Там же, стр. 73.)

Значит, наука должна исходить из этого факта, а нам говорят: вид есть отвлеченное понятие, существующее лишь в голове, и начинают нас обвинять в средневековом реализме, не понимая, о чем идет речь.

В связи с вопросом о реальности вида, мимоходом, между прочим, желая подчеркнуть точку зрения марксизма, я и говорю, что, подобно тому, как Дарвин установил вид, как реальный факт, на основе теории эволюции, так и марксизм рассматривает общественный класс, как реальность, как реальный факт, на основе исторической эволюции. Вид есть, само собою разумеется, биологическая категория, общественный же класс — категория социологическая, но как вид, так и класс составляют реальности, а не «идеи».

Но в каком смысле вид — реальность? Вот тут начинается полное непонимание нашими противниками этого вопроса. Если бы нашелся такой дурак, который сказал бы, что вид существует в форме индивида, одного экземпляра, что вид есть индивидуальность или что класс существует в виде отдельного лица-класса, — то это был бы средневековый реализм. Но когда я говорю, что класс есть коллектив, — а я так именно и говорою, что это есть живой коллектив, — то я вас спрашиваю, как можно против этого спорить?

Я говорю дальше: это живой коллектив, который борется, развивается и т. д.; поэтому я вас спрашиваю: что же рабочий класс — разве он не возник при определенных общественных условиях или не живет как целое, не борется как класс, как коллектив? По-моему, это факт, против которого спорить нельзя.

Марксизм учит, что вся предшествующая история есть не что иное, как история борьбы классов (в классовом обществе, разумеется); поэтому если вы говорите, что классов не существует, что класс — только понятие, только абстракция, то выходит, что эта самая абстракция устраивает и забастовку

в Англии, и революции в России и проч. Стало быть, с вашей точки зрения, класс, это — идея, которая существует только в голове. Но это чистейший идеализм, будто идея устраивает забастовки, захватывает власть в свои руки и пр.

Я не занимался в своей работе вопросом, как складывается класс, какова форма связи между членами класса, — это вопрос особый; я хотел только подчеркнуть, что класс является не только понятием и не только агрегатом индивидов, а коллективом, реальным коллективом, живым целым. Если вы вспомните учение Маркса о классе, — а это есть целое учение — если вы вспомните, что Маркс говорит, что пока класс состоит из раздробленных отдельных единиц, он еще не класс в настоящем смысле слова, что тогда он только класс «в себе», что этот класс «в себе» развивается до «класса для себя» и проч., то вы поймете всю ту болтовню, которую разводили здесь наши противники.

Если, дальше, мы захотим проверить еще на некоторых примерах, как Маркс смотрит на вопрос о понятии, то я могу вам прочитать несколько любопытных цитат из различных работ Маркса.

Вот что Маркс говорит во втором томе «Капитала». Я нарочно привожу эти ценные места, и если вы вдумаетесь в эту цитату, то увидите, что эта цитата имеет колоссальное теоретическое значение. Тут интересно, между прочим, проследить, как он подходит к диалектическому движению форм и т. д.

«Представление о капитале, как самовозрастающей стоимости, охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть, кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам в свою очередь заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое. Те, кто полагают, будто стоимость приобретает самостоятельное существование лишь в абстракции, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция in actu. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает и увеличивается. Так как мы имеем здесь дело прежде всего просто с формой движения, то мы не принимаем во внимание те революции, которые капитальная стоимость может претерпевать в процессе своего кругооборота; однако ясно, что, несмотря на все революции в стоимости, капиталистическое производство существует и поддерживает существование лишь до тех пор, пока капитальная стоимость подвергается увеличению, т.-е. пока она, как достигшая самостоятельного существования стоимость, совершает процесс своего кругооборота; следовательно, до тех пор революции, которым подвергается стоимость, тем или иным способом преодолеваются и нейтрализуются». «Таким образом, эти периодические революции в стоимости подтверждают то, что они, казалось бы, должны были опровергнуть: именно, что стоимость, как капитал, приобретает самостоятельное существование, которое она сохраняет и упрочивает посредством своего движения» [1]).

---

[1]) К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 81—82 (курсив мой).

Стало быть, для Маркса капитал есть определенная форма движения и подвержен всем диалектическим законам. Но это между прочим. Это — тема, чрезвычайно интересная сама по себе, но здесь мы не можем на этом вопросе останавливаться. Нас интересует проблема стоимости. И вот оказывается, что стоимость существует не только в абстракции, а выражает реальные отношения, что с формально-логической трактовкой понятия нельзя подходить к проблеме стоимости.

В другом месте Маркс говорит: «Однако каждый индивидуальный капитал представляет лишь обособившееся, так сказать индивидуальное, существование, часть всего общественного капитала, подобно тому, как каждый отдельный капиталист представляет лишь индивидуальный элемент класса капиталистов».

Вы видите — при известном желании Маркса можно обвинить в средневековом реализме, что и было сделано уже в свое время П. Струве и что повторяют за Струве наши критики. Возвратимся, однако, к вопросу о классе. В «Восемнадцатом брюмере» Маркс говорит о французском крестьянстве следующее: «Таким образом, наибольшая часть французской нации составляется путем простого сложения одноименных величин, вроде того, как мешок картофеля из отдельных картофелин. Поскольку миллионы семей существуют в экономических условиях, благодаря которым они по своему образу жизни, по своим интересам и образованию отличаются от всех других классов и даже враждебны им, они сами образуют класс. Но поскольку между малоземельными крестьянами существует только локальная связь, поскольку тождественность их интересов не создает никакой общности, никакого национального об'единения, никакой политической организации, они не образуют класса» (курсив мой).

Маркс, как видите, вовсе не стоит на той точке зрения, на которой здесь стояли и которую здесь развивали наши противники. Они стояли на точке зрения Зомбарта, который ныне доказывает, что класс составляет лишь механический аггрегат отдельных индивидов. Эта точка зрения согласуется с механическим материализмом, но не с марксизмом, не с диалектическим материализмом. Буржуазии выгодно распылить рабочий класс на отдельных индивидов... Спрашивается, на чью мельницу льете вы воду?

Л. И. Аксельрод попыталась ухватиться за фалды тов. Бухарина. Посмотрим же, как он трактует эту проблему. Тов. Бухарин в своей книге «Теория исторического материализма» специально останавливается на вопросе об обществе и классе. Он трактует класс как реальную совокупность, а не как механическую сумму индивидов.

Класс, общество, лес есть сложное целое, состоящее «из до известной степени самостоятельных элементов», говорит т. Бухарин. Когда мы говорим об обществе или классе, — продолжает он, — то мы должны помнить, что «здесь об'единение составных элементов не есть только мысленное (только логическое) об'единение». «В самом деле, вот перед нами лес с его кустами, деревьями, травой и т. д. Разве здесь не дано об'единение в жизни? Конечно, дано. Лес даже не простая куча разных элементов. Ибо все его частички непрерывно воздействуют друг на друга или, как говорят, находятся в непрерывном взаимодействии».

Если это верно по отношению к лесу, то оно тем более верно по отношению к обществу или классу. В дальнейшем т. Бухарин совершенно правильно подчеркивает, что различия между сложными телами и простыми телами надо понимать не абсолютно, а диалектически, т.-е. в определенных границах, условно и проч. Ибо в природе нет абсолютной «простоты», нет простых «единиц». «Тем не менее наши различия годятся в известных пределах: отдельный человек есть простое тело, а не совокупность по сравнению с обществом; он есть сложное тело, есть реальная совокупность по сравнению с клеткой и т. п.» (Н. Бухарин, «Теория исторического материализма», стр. 89—90).

Таким образом, буржуазно-индивидуалистическая точка зрения наших противников может их привести к тому, что индивид — тоже не реальность, ибо он состоит из огромного скопления клеток, и тогда индивид будет лишь отвлеченным понятием, а реальностью — только клетка; но и она опять-таки состоит из «единиц жизни», и при такой трактовке можно и должно дойти до того, что вообще ничего реального не существует. Эти вопросы должны быть диалектически поставлены и диалектически решены. Если подойти с диалектической точки зрения к этому вопросу, то мы его благополучно разрешим.

Это по вопросу о реальности вида или класса. А теперь перейдем к другому вопросу, который здесь тоже вызвал большие дебаты, — к вопросу «о случайности».

II

У нас многие привыкли трактовать все серьезнейшие проблемы очень элементарно, и когда вдруг начинают доказывать, что не следует упрощать сложных проблем, что ныне требуется более утонченное понимание всех проблем, тогда вы застаете наших милых товарищей врасплох. Я писал о случайности и необходимости. Я должен сказать, что я только развиваю то, чему учили Энгельс, Маркс, Плеханов и Ленин. Я излагаю марксистскую теорию, как я ее понимаю, и ни в чем не расхожусь с нашими учителями. Не «случайно», что все наши противники, которые здесь выступали по этому вопросу, не ссылались на Маркса и Энгельса. Они Деборина ругали, а «Диалектику природы» молчаливо обходили, как будто этой книги не существует «в природе». Почему они не сопоставляли моих взглядов со взглядами Энгельса? Потому что это им неудобно, потому что это им невыгодно, — ведь я ничего нового не выдумал. Вопрос о случайности достаточно трактовался в нашей литературе. У Плеханова по этому вопросу имеются прекрасные страницы. Глубокую трактовку этого вопроса мы находим также у Ленина. Но какое дело до всего этого нашим противникам? Впрочем, они просто не в состоянии многого понять. Так как они привыкли к вульгарной трактовке случайности как беспричинности, то они этот свой взгляд приписывают своим противникам, не понимая диалектической трактовки случайности как специального случая необходимости. А. К. Тимирязев дошел до того, что заявил здесь под строжайшим секретом, с выражением ужаса на лице, что, вот видите, «случайность», это — «беспричинность». Я тут же его прервал и спросил: укажите, кто так понимает случайность? — Указать не мог. Каждый знает, что «случайность» не означает «беспричинности». Это азбука. Об этом можно было бы не говорить, но, зная уровень наших противников, я нарочито в своей работе подчеркиваю неоднократно: «случайность не означает беспричинности».

Если вы стоите на точке зрения фаталистической необходимости, — а к этому сводятся ваши взгляды, — то вы, конечно, не поймете этой проблемы. Меньше других в ней понял конечно, т. Тимирязев. Мы имеем в целом ряде так называемых «марксистских» произведений трактовку проблемы необходимости как фатализма, а, между тем, в такой трактовке кроются и политические опасности. Вопрос о случайности играет колоссальную роль.

Я этот вопрос затронул, опираясь на Энгельса, с одной стороны, и на Гегеля — с другой. Как известно, и Энгельс опирался на Гегеля, когда пытался конкретизировать этот вопрос. Почему вы не посчитались с Энгельсом?

Находим ли мы у Маркса по этому вопросу что-либо? Что Маркс говорит насчет случайности? Рассматривает ли он случайность как р е а л ь н у ю категорию или как чисто с у б ' е к т и в н у ю? Расходится ли он с Энгельсом в этом вопросе? Конечно, нет. Маркс признавал случайность как об'ективную категорию.

Надо раз навсегда подчеркнуть, что между Марксом и Энгельсом ни в одном вопросе никаких разногласий нет и не было. Так и в этом вопросе: то, что мы находим у Энгельса, в одинаковой степени можно и должно приписывать Марксу, и обратно. А для тех, кто даже не упоминает о «Диалектике природы» и желал бы, чтобы этой книги и в природе не существовало, потому что она портит все их планы, им нужно сказать, что и «Диалектика природы» писалась не только с ведома Маркса, но Маркс был в курсе того, чтó Энгельс пишет. Кто интересуется взглядами Энгельса на этот вопрос, пусть обратится к «Диалектике природы».

Что же Маркс говорит насчет случайности? Он говорит: «Творить мировую историю было бы, конечно, удобно, если бы борьба предпринималась под условием только благоприятных шансов». Вы понимаете, какое значение имеет эта фраза? Я бы сказал, что она имеет громадное революционное значение для тех, кто не хочет рассматривать естественный ход вещей только как фаталистическую необходимость. Нет, — говорит Маркс, — «история имела бы очень мистический характер, если бы случайности не играли в ней никакой роли». Энгельс говорит, что фаталистическая необходимость может привести к предопределенности. И поэтому та трактовка механической необходимости, которую давала Любовь Исааковна Аксельрод, очевидно, ничего общего не имеет с диалектической постановкой вопроса у Маркса и Энгельса.

Дальше Маркс говорит: «Случайности входят составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение или замедление в сильной степени зависит от этих случайностей, среди которых фигурирует даже такой «случай», как характер людей, стоящих во главе движения». И как «случай», решивший судьбу Коммуны, он считает присутствие во Франции пруссаков.

Мною были приведены эти известные цитаты Маркса в доказательство того, что для Маркса, как видите, «случайность» играла роль об'ективной категории и, конечно, имела огромное значение.

Я мог бы тут же привести и другие цитаты, — эта интересная тема даже заслуживает специального исследования; интересно показать, как трактует этот вопрос Ленин. Что касается Плеханова, то достаточно только напомнить, чтó он говорит об этом вопросе в статье «О роли личности в истории».

Плеханов также рассматривает случайность как об'ективную категорию. Но вот тут-то я должен несколько слов прочесть в виду того, что Гегель в на-

стоящее время стал жупелом. А вы посмотрите, как Плеханов опирается на Гегеля (Голос: Не опирается). Не опирается? Конечно, опирается, вот послушайте: «In allem Endlichen ist ein Element des Zufälligen», — говорит Гегель. Во всем конечном имеется элемент случайности. В науке мы имеем дело только с «конечным»; поэтому можно сказать, что во всех процессах, изучаемых ею, есть элемент случайности. Не исключает ли это возможности научного познания явлений? Нет. Случайность есть нечто относительное. Она является лишь в точке пересечения необходимых процессов. Появление европейцев в Америке было для жителей Мексики и Перу случайностью в том смысле, что не вытекало из общественного развития этих стран» и т. д. (Г. Плеханов. Собрание сочинений, т. VIII, стр. 294). В дальнейшем Плеханов иллюстрирует свою мысль еще на целом ряде исторических примеров.

III

Теперь позвольте перейти к другому вопросу, — к вопросу о целесообразности, о взаимоотношении между целесообразностью и причинностью как необходимостью и т. д. Этот вопрос затронул т. Перов, который за свои приемы полемики получил здесь заслуженную отповедь со стороны моего друга т. Троицкого. Тов. Перов, подходя к вопросу о целесообразности, пытался даже сопоставить мои мысли со взглядами Берга.

Видите ли, у Берга говорится о целесообразности и у Деборина идет речь о целесообразности, а раз так, то стало быть Деборин стоит на точке зрения Берга; и недобросовестность т. Перова, как и всех их, доходит до того, что он, конечно, не сказал вам, что я веду полемику с Бергом, что я свою работу начинаю с критики берговского понимания целесообразности и доказываю, что точка зрения Берга есть идеалистическая, для чего привожу предварительно несколько интересных цитат из Маркса и Энгельса по этому вопросу, где Маркс говорит, что целесообразность нельзя вообще отрицать, но необходима рациональная, научная трактовка этого эмпирического факта; я трактую этот вопрос, опираясь на Маркса, опираясь на Энгельса, и прихожу к тому выводу, который Л. И. выдала за свое откровение, а между тем это у меня сказано: у меня сказано, что целесообразность есть не что иное, как специальный случай причинности.

У меня-то и дается формулировка, что целесообразность, конечно, существует, существует прежде всего в биологическом мире, и, как известно, все учение Дарвина в известном смысле построено на существовании «целесообразных» органических форм, приспособлений организмов к среде и органов к целому и т. п., но уже у Дарвина — я как раз на это указываю — эта целесообразность сливается со случайностью, и таким образом «случайность», необходимость, целесообразность и т. д., все это об'единяется в одно целое. Так вот, целесообразность, которую мы наблюдаем, есть не что иное, как специальный случай закона необходимости, причинности в природе. Тов. Аксельрод напомнила, что я употребил выражение «снимается»: целесообразность снимается причинностью. Раз вы затронули вопрос о «снятии», то разрешите сказать по этому поводу несколько слов: я должен предупредить, что это будут неприятные слова. Раз целесообразность есть специальный случай необходимости, то целесообразность

снимается тогда, когда мы в этих целесообразных процессах вскрываем их причинную связь, закон причинности, необходимости. Я употребил термин «снимается». Так как в настоящее время против диалектики вообще ведется поход, то мне поставлено в вину, что я употребил этот термин. Как можно употребить термин «снимается»? Тут Деборин употребил слово «снимается» вместо того, чтобы сказать «ошибается», — говорит Аксельрод.

Вот видите: конечно, если бы это было все так просто, то можно было бы сказать вместо «снимается» — «ошибается», но это не так просто, и термин этот получил право гражданства. Он идет от Гегеля, пользуются им Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин, которые его употребляют, и мало того, что употребляют, а, вот видите ли, Плеханов задумывается над вопросом о том, не лучше ли заменить термин «снимать» термином «схоронить». За термины никто не цепляется, но смысл, который должен быть выражен этим словом с диалектической точки зрения, обозначает, с одной стороны, отрицание, отвержение старого, с другой стороны — сохранение того, что есть жизненного, положительного, реального в этом старом, и, кроме того, это слово должно выразить третье понятие — возвышение на новую, высшую, ступень. Вот что должно выразить слово, которое связано с целым рядом понятий, так что, конечно, я готов уступить слово «снимается», — это мне все равно, — если заменить его словом «схоронить»; но когда говорят, что лучше просто сказать «ошибаться», то это нечто совершенно другое. Это уже извращение марксизма, извращение диалектики. Для подтверждения моей мысли достаточно привести несколько примеров. Если я говорю, что Октябрьская революция «сняла» предшествующий буржуазный строй, — я беру такой элементарный пример, — то что это значит? Разве это значит, что мы признаем существование предшествующего буржуазного строя «ошибкой» истории? Таких «ошибок» в истории не бывает.

Октябрьская революция означает преодоление, т.-е. отрицание старого, отжившего строя, но вместе с тем сохранение того, что было в нем «положительного», и вместе с тем она означает нарождение новой общественной формации, высшей формы в сравнении с предшествовавшим буржуазным строем. Вот что должно означать и что должно выражать это слово «снимать». Но вы говорите, что имели в виду смену учения Птоломея учением Коперника. Но и это неверно, ибо учение Коперника не означает простого признания учения Птоломея ошибочным. Нет, не так. Наука не движется просто путем признания всего прошлого «ошибочным». Элементы учения Птоломея вошли и в систему Коперника. Как бы ни обстояло дело ныне с теорией относительности Эйнштейна, однако если она подтвердится опытом, то это ни в малейшей степени не будет означать, что физика или механика Ньютона были вообще «ошибочны». Это ребяческая трактовка серьезных вопросов.

И вот после всего этого некоторые товарищи, и прежде всего т. Варьяш, который, прежде чем прийти сюда на заседание, наскоро перелистал ленинские статьи, имеют смелость заявить, что, видите ли, разница между деборинским направлением и ихним та, что Деборин, мол, трактует диалектику как сумму примеров, а «мы» (кто мы? никаких работ у них нет; эти «мы» не хотят даже заниматься этими вопросами; мало того, они нас упрекают в том, что мы ими занимаемся) видим в диалектике совокупность законов и проч. При всей своей скромности могу сказать, что как раз трактовка диалектики не как суммы примеров, а как тео-

рии науки об общих законах познания и действительности, в нашей марксистской литературе была дана мною еще до появления «Диалектики природы» Энгельса и до появления заметок Ленина, так что работы Энгельса и Ленина только подтвердили то, что я считал правильным: единство противоположности, проблему синтеза, проблему конкретного понятия и т. п. — все это вы найдете в моих работах, которые появились раньше работ Энгельса и Ленина. Но в этом нет ничего удивительного, и я никакой особой заслуги своей тут не вижу, потому что знание Маркса и Энгельса, правильное понимание философских основ марксизма неизбежно к этому приводит, в этом ведь и заключается сущность философии марксизма.

Это то, что относится к так называемой «критике» некоторых взглядов, высказанных мною в различных статьях.

IV

Я останавливаюсь на целом ряде отдельных пунктов, чтобы показать, что́ и как наши противники критикуют в марксизме, и чтобы на этих отрицательных их выступлениях выяснить их положительные, ревизионистские взгляды. Тов. Л. И. Аксельрод выдвинула против меня обвинение в эмпириокритицизме. Это — чудовищно, но это факт. В чем же она усмотрела эмпириокритицизм? В том, что я, вслед за Плехановым и Лениным, стою на точке зрения единства суб'екта и об'екта. Правда, понятия суб'екта и об'екта в нашем толковании носят совершенно другой характер, чем у Авенариуса. Но до этого т. Аксельрод, конечно, никакого дела нет.

Я, к сожалению, имею слишком мало времени, чтобы распутать и развязать все те «узлы», которые здесь намотали наши противники. Я думаю, что даже механический материалист не будет в состоянии все эти узлы распутать, «развязать». Поэтому мы здесь ограничимся лишь указанием, что сходство между материализмом и эмпириокритицизмом разве словесное. Что же касается существа вопроса, то материализм Фейербаха и Маркса-Энгельса впервые превратил суб'ект в материальное существо, в об'ект, между тем как для эмпириокритиков наоборот, об'ект есть только состояние суб'екта. Что же противопоставляет этой диалектически-материалистической точке зрения марксизма Л. И. Аксельрод? Идеалистическую, кантианскую точку зрения. Единство суб'екта и об'екта, — говорит она, — осуществляется только в представлении. На такой точке зрения стоят все идеалисты. Как суб'ект, так и об'ект, равно как и их единство, даны, мол, только в представлении. Позвольте привести по этому вопросу мнение Г. В. Плеханова.

«Учение о единстве суб'екта и об'екта, мышления и бытия, — говорит он, — в одинаковой мере свойственное как Фейербаху, так и Марксу-Энгельсу, было также учением наиболее выдающихся материалистов XVII и XVIII столетий» (Г. Плеханов, «Основные вопросы марксизма», изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, 1926, стр. 21).

Суб'ект для нас не является чем-то абсолютно оторванным от об'екта, каким-то духовным центром, абстрактной точкой. Он в то же время и об'ект; суб'ект есть прежде всего органическое целое, это — тело, органы чувств, мозг. Нет суб'екта без об'екта. Для эмпириокритиков же нет об'екта без суб'екта. Так вот какое толкование мы вкладываем в единство суб'екта и об'екта. Но вот приходит

т. Аксельрод и предлагает нам отвергнуть материалистическую постановку вопроса (подробно эти взгляды развиты мною в книге «Людвиг Фейербах») и предлагает нам это единство искать в представлении...

Плеханов, исходя из учения об единстве суб'екта и об'екта, делает далеко идущие выводы, каких я не делаю. Почему же т. Аксельрод не выступает против Плеханова? Ведь с ее точки зрения он уже наверное эмпириокритик и даже виталист. «В современном естествознании, — пишет Плеханов, — довольно быстро распространяется, преимущественно между нео-ламаркистами, учение о так называемой одушевленности материи, т.-е. учение о том, что материя вообще, а особенно всякая организованная материя, обладает известной степенью чувствительности». И это учение, на точке зрения которого стоит в общем и целом и Ленин, есть, по словам Плеханова, не что иное, как перевод на язык естествознания учения о единстве суб'екта и об'екта.

Если бы наши противники были более прямыми, они должны были бы выйти и сказать, что они не согласны с Плехановым и Лениным. Вместо этого они опять-таки критикуют меня. Я не уклоняюсь от борьбы и не намерен прятаться за спину Плеханова и Ленина. Однако, когда люди свой ревизионизм прикрывают критикой наших взглядов, хорошо зная, что мы стоим на точке зрения ортодоксального марксизма, то это их лицемерие необходимо разоблачить.

V

Теперь разрешите перейти к общей характеристике той ревизионистской группировки, с которой нам приходится иметь дело.

Конечно, эта группа не представляет собой ничего однородного; это конгломерат, это «механический» аггрегат из различных элементов.

Это — своеобразный блок из фрейдистов, бывших и настоящих махистов, из молчаливых и говорящих эмпиристов и механических материалистов. Сюда же примыкают и представители релятивизма, суб'ективизма и пр. Физиономия группировки, как видим, чрезвычайно пестрая.

В начале дискуссии как будто все обстояло благополучно. В. К. Сережников произнес речь и закончил ее наивно-трогательным обращением ко мне: если бы Деборин не был таким неуживчивым, все было бы прекрасно. А Л. И. Аксельрод говорила: «Разве я фрейдистка? Почему вы молчание признаете за знак согласия?» На это я отвечаю: марксист-революционер, который знает, — а он должен знать, что современная критика марксизма ведется под флагом фрейдизма, — не может сидеть и «молчать». Нет, надо было выступить открыто, решительно против фрейдизма, между тем как вы блокируетесь с фрейдистами и «молчите», т.-е. прикрываете своих союзников, с тем, чтобы они, с своей стороны, отпустили ваши грехи.

Когда представители вашей группировки растворяют марксизм в каше фрейдизма или фрейдизмом «дополняют» марксизм и вы великодушно обрекаете себя на молчание, то как трактовать такое «молчание»? Впрочем, т. Аксельрод заявила в Коммунистической Академии открыто, публично, а затем и в печати, что взгляды т. Варьяша вполне выдержаны в духе ортодоксального марксизма. Разве это не правда? Стало быть, молчание есть знак согласия? А дальше здесь, на наших собраниях, ведь более беспринципного, более бесхарактерного выступления, чем выступление Л. И. Аксельрод, я давно не слышал: на первом заседании ею было

заявлено, что «я со взглядами т. Варьяша целиком согласна», потом — «в общем и целом согласна», а под конец, когда мы ее пристыдили, — «совсем несогласна», что, впрочем, не помешало ей уже после этого, в последнем выступлении, снова солидаризироваться с Варьяшем и механическими материалистами в лице Тимирязева и Перова.

Вот как шла дискуссия. Я имею право сказать, что наши ревизионисты идейно связаны теснейшим образом всеми нитями с теми ликвидаторами марксизма, которых мы видим ныне в Западной Европе: те же мотивы, те же взгляды, та же аргументация.

Итак, с одной стороны — фрейдизм; это, так сказать, одно лицо нашей «группировочки». Затем второе лицо этой группировки, это — махизм и эмпиризм, грубый, ползучий, гнусный эмпиризм. Л. И. выступила здесь и, вместо того, чтобы дать анализ значения теории, связи теории с фактами (конечно, без фактов никакой теории нет), вместо этого она говорит: факты, факты, факты; один факт дороже десятка теорий. Что это значит? Это значит скатываться к ползучему, гнусному эмпиризму. Если вы перенесетесь из отвлеченных сфер философии на грешную землю, войдете в ту классовую борьбу, которая кипит вокруг нас, и скажете — факты, факты, факты, а теории нет, то вы этим самым марксизм похерите. Тогда останутся одни гнусные факты. Но ведь факты должны быть освещены **теорией**. Недостаточно констатировать или даже «описывать» факты, — необходимо **об'яснение** этих фактов, выяснение **законов**, которые заложены в этих фактах, **законов движения**, которые ведут к дальнейшему, к преодолению существующего. Этот эмпиризм мы видим в философии, на самой вершине знания, и, с другой стороны, в общественных науках. Мы знаем, что гнусная историческая школа в политической экономии, которая возникла как реакция против марксизма, тоже отстаивала точку зрения «фактов», и если вы перенесете эту постановку вопроса в естествознание, в политику, то вы можете судить о том, что отсюда получится.

Никто не отрицает необходимости изучения фактов, конкретной действительности, но вы же говорите: факты, факты, факты, — это ваши слова, — стало быть, вы тем самым отрицаете теорию, скатываясь к позитивизму.

И затем третье лицо этой группировки — это механический материализм. О механическом материализме я буду говорить особо. Это пока три основных лица вашей группировки.

VI

Я думаю, что Л. И. не будет отрицать, если я ей напомню, что она, противопоставляя нашей точке зрения свою точку зрения, приводила следующие слова Маркса: «Мой метод составляет прямую противоположность гегелевскому методу». Да, у Маркса эти слова сказаны, но что это значит? Что значит: «Мой метод составляет прямую противоположность гегелевскому методу»? Маркс это говорил, и это правильно, но я указывал в первом своем выступлении, что Маркс говорил здесь о **содержании** своей диалектики; в то время, когда у Гегеля суб'ектом этой диалектики является понятие, метод Маркса составляет прямую противоположность методу Гегеля, поскольку, вместо понятия, он кладет в основу материю и материальное развитие действительности. Если же ограничиться словами, при-

веденными Аксельрод, то получается странная постановка. Что значит: «Мой метод, вообще говоря, противоположен гегелевскому методу»? Что это значит? Разве это значит, что метод Маркса антидиалектический, что и хочет собственно сказать Аксельрод? Если мы будем говорить не о содержании, а о методе, то это значит, что это антидиалектический метод, механический метод. Но я тогда же указал, что т. Аксельрод упускает из виду следующее чрезвычайно существенное место, которое служит для выяснения этого вопроса. У Маркса тут же в этой работе, на следующей странице, сказано: Да, Гегель был идеалист, Гегель был мистик и в мистифицированной форме изобрел свою диалектику; но имейте в виду, что Гегель впервые дал всеисчерпывающую, реальную картину всех форм движения. Это нечто совершенно другое, и отсюда-то и нужно исходить, надо материалистически перерабатывать диалектику Гегеля.

Выступление же Л. И. Аксельрод сводилось к отрицанию диалектики, к критике марксизма с точки зрения эмпиризма. Вся премудрость наших противников, и в первую очередь т. Аксельрод, исчерпывается заявлением о том, что Гегель был метафизик и идеалист. Но ведь это всем известно: спор ведь в этой плоскости не ведется. Если сказать — Гегель метафизик и только, то это — извращение перспективы, этим хотят опорочить и отвергнуть диалектику. Конечно, Гегель метафизик, но мы считаем нужным привлекать Гегеля в нашу марксистскую орбиту не за его метафизику, а за диалектический метод.

Л. И. Аксельрод не считает нужным аргументировать; она, подобно пифии, изрекает, сенатски «раз'ясняет». Так, она «раз'яснила» здесь категорию качества, обнаружив столько же понимания, сколько т. Тимирязев, который рекомендовал нам учиться диалектике у Дж. Томсона. Наши противники обвиняют нас в том, что мы — чистые качественники. Почему «чистые»? Ведь дело обстоит как раз наоборот: вы, отрицая категорию качества, тем самым становитесь на точку зрения чистого, т.-е. отвлеченного, количества. Мы же не только не отрицаем количества, но подчеркиваем, что без количества нет качества, как и наоборот. Беря момент количества и абстрагируя его от всех свойств вещи, вы получаете безжизненную вещь — фикцию. Ваша точка зрения чревата опасностями и в других отношениях. Если вы перенесетесь с неба на землю, то увидите, какие выводы можно сделать и какие выводы уже в свое время делались из точки зрения «количества». Это ни для кого не секрет. Кто знаком с марксистской литературой, тот знает, что этот вопрос ставился Бернштейном и всеми противниками марксизма. Я напомню про знаменитый «бердяевский чулок». Бердяев предлагал вместе с Бернштейном заняться «штопаньем чулка», т.-е. внесением количественных изменений в буржуазное общество, а не заменой его новым «качеством». Вот ведь к чему это ведет. Вот где ревизионизм. А что Плеханов на это ответил? Плеханов доказывал, что с точки зрения тех, кто стоит на точке зрения чистого количества, есть место только для изменения уже возникшего, т.-е. для изменения уже существующего общества, но нет перехода к новому, нет места для нового качества. Таким образом, «качество» приобретает совсем другой смысл, смысл революционно-политический. «В теоретическом отношении, — писал Г. Плеханов, — защищаемая П. Струве (и Бердяевым — *А. Д.*) теория эволюции имеет, как мы видели, тот коренной недостаток, что в ней есть место только для изменения уже возникших вещей, а не

для возникновения новых». Возникновение новых отношений и есть та область, в которой количество переходит в качество, а «непрерывное изменение» приводит к «скачкам». Таким образом, признание только количественных изменений, отрицание категории качества ведет к реформизму.

Это ясно, кажется, поскольку речь идет об общественных явлениях. Но отрицание категории качества в других областях ведет к путанице и неправильным выводам. Наши противники думают, что они говорят очень мудрые вещи, когда утверждают, как это делали здесь Аксельрод и Тимирязев, что принцип непрерывности требует отрицания «качества» и сведения всего многообразия вещей к абстрактному количеству и единству. С точки зрения механического материализма такая постановка вопроса, быть может, и правильна. Но она идет в разрез с диалектическим материализмом, который стремится сочетать единство с различиями, с многообразием. Диалектический материализм отвергает отвлеченное единство, которое однозначно с тождеством. Количество материи и движения в природе постоянно, но бесконечное разнообразие форм материи и движения составляет качественные изменения единой движущейся материи. Возникновение новых форм всегда связано с перерывом непрерывности, со скачком. Новые формы возникают из старых, и мы можем количественные эквиваленты установить, а часто и измерить; тем не менее, новая форма есть новое качество, которое, как таковое, не тождественно со старым, а представляет нечто от него отличное и часто даже противоположное ему. Это и есть то, что можно назвать единством в многообразии и многообразием в единстве. Категория качества служит для обозначения своеобразия вещи.

Поэтому категория качества играет решающую роль для разграничения между различными вещами, между старым и новым. Она служит обозначением для возникновения нового. С понятием возникновения нового качества, новой формы и связано понятие скачка, понятие перерыва непрерывности. Там, где мы имеем дело с непрерывными изменениями, речь идет только о старом, уже данном, уже существующем, уже возникшем качестве и поэтому только о количественных его изменениях. Нарождение же нового качества означает разрыв со старым, превращение его; перерыв чисто количественных, непрерывных изменений означает скачок, революцию и т. п. [1]). Раз вы стоите па точке зрения чистого количества, то вы тем самым отвергаете формулу перехода количества в качество, ибо вы его не в состоянии об'яснить. Отвергая категорию качества, бессмысленно говорить о превращении количества в качество. Таким образом, мы имеем в природе и в обществе постоянный процесс превращения одних качеств в другие качества путем количественных изменений и порождаемых ими перерывов, скачков. Этот вопрос, как известно, был впервые выяснен и освещен Гегелем. Маркс и Энгельс в этом отношении целиком переняли учение Гегеля. Спрашивается, почему оно теперь не удовлетворяет наших противников? Почему они теперь критикуют нас за то, что мы остались верными марксизму? И еще один вопрос: почему они критикуют нас, а не выступают открыто

[1]) «Под скачком, — говорит Гегель, — разумеют качественное различие и изменение, которое является без всякого посредства, в противоположность количественной постепенности, которая совершается через посредство промежуточных ступеней». («Малая логика». § 35, Приб.)

против Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина? Само собою разумеется, что на все эти вопросы мы от них прямого ответа не получим.

Итак, высшие формы возникают из низших — в этом состоит принцип непрерывности, — но они образуют новые качества и не тождественны с низшими — в этом состоит принцип прерывности, скачка и возникновения нового. Но раз вы признаете возникновение в природе новых форм, новых качеств, раз вы признаете, например, что на известной ступени развития материи мертвая материя превратилась в живую, которая отлична от мертвой, то наши механические материалисты немедленно готовы об'явить вас виталистом. Тов. Тимирязев сказал здесь: справедливо говорят о «советском витализме». Нам совершенно безразлично, что говорят о нас фрейдисты и ревизионисты, махисты и механисты. Ведь отцом «советского витализма» является Фридрих Энгельс. Ведь об'явили же вы Энгельса виталистом! Раз это так, то мы готовы разделить судьбу Энгельса. Разумеется, между Энгельсом и витализмом столько же общего, сколько между вами и Энгельсом. Мы же удостоились обвинения в витализме лишь постольку, поскольку считаем своею обязанностью защищать Энгельса от ваших обвинений его в витализме.

Жизнь, с точки зрения Энгельса, есть форма существования белков. Такого же мнения держится и современная биология. Но так как белок возникает на определенной ступени развития материи, то он представляет собою новое качество в сравнении с мертвой материей, новый синтез. Жизнь вообще есть и нечто другое, чем не-жизнь, хотя и возникает из не-жизни. Если это так, то вполне понятно, далее, что белок — этот носитель жизни — отличается целым рядом свойств от мертвой материи. Метафизическая точка зрения состоит в том, что утверждают или отвлеченное единство, тождество, не замечая различия между двумя качествами, или же подчеркивают только одни различия, не видя сходства и единства. Энгельс вполне правильно диалектически указывает на сходство, единство между жизнью и не-жизнью, или между психическим и физическим, но вместе с тем и на существенные различия, противоположности между ними. Жизнь возникает из того, что́ не есть жизнь, происходит из не-жизни, психическое из физического, но жизнь поэтому-то именно и не тождественна с не-жизнью, психическое не тождественно с физическим. Между ними существует как единство, так и различие. И это различие, специфические своеобразные свойства, конструирует особое качество. У нас много говорят о сводимости высших форм к низшим, о сводимости психического, например, к физическому или жизни к не-жизни. Наши механисты упрекают Энгельса в витализме за то, что он стоял на почве несводимости. Надо сказать, что механисты точки зрения Энгельса не поняли. Энгельс стоял на диалектической точке зрения. Для него высшие формы и сводятся, и не сводятся к низшим. Они сводятся по происхождению, но не сводятся по своей форме, по своему качеству, ибо свести целиком и полностью жизнь к не-жизни, например, означает не что иное, как перевести живой организм, в «категорию трупов», как остроумно выражается Фейербах. Свести психическое к физическому — значит стереть специфическое, особое качество, образуемое психическим. Между психическим и физическим нет метафизической, непереходимой противоположности; они имеют один и тот же корень, один и тот же источник — единую материю. Тем не менее

психическое составляет своеобразное свойство, особое качество материи, которое отлично от того, что мы называем физическим. Между психическим и физическим есть единство, есть сходство, но есть и различие, качественное своеобразие. То же самое относится и к единству суб'екта и об'екта. Единство их не только не исключает, но предполагает между ними различие.

Механисты стремятся свести все сложные формы движения к простейшим формам движения — к перемене места. В известных целях это, быть может, допустимо и даже необходимо. Но надо помнить, что это только определенный вспомогательный прием, имеющий свои пределы. Механическое движение составляет основу всех других форм движения. Оно входит в сложные формы движения, но последние не сводятся к первому или же, будучи «сведены» к нему, теряют свой специфический характер и тем самым отрицают себя.

Тов. Тимирязев выступил здесь с горячей защитой электронной теории, как будто кто-нибудь вообще покушался на священную особу электрона. Разве среди наших единомышленников имеются противники электронной теории? Кто может выступать против величайших достижений науки? Тимирязев не понимает, о чем идет речь. Ему, быть может, это простительно. Но т. Аксельрод непростительно, когда она, со свойственной ей самоуверенностью и сознанием «превосходства» над нашими единомышленниками, с апломбом заявляет, что мысль, это — «скопище электронов». По-нашему, мысль есть особое качество материи, суб'ективная сторона об'ективных материальных, т.-е. физиологических, процессов, с которыми она не тождественна и к которым она не сводима.

Конечно, все одинаково состоит из электронов: кочан капусты и голова механиста. Однако, как бы мы ни относились к механистам, мы должны сказать, что полное отождествление головы механиста с кочаном капусты нас мало подвинет вперед в понимании мышления механиста. Заявления вроде: мысль есть скопище электронов, дешево стоят, потому что в них нет никакого содержания. Это — общие места и, конечно, совершенно неверные, ровно ничего не выясняющие.

Итак, общие закономерности применимы в известном смысле ко всем областям действительности; но это не мешает тому, что определенные, качественно разнородные области подчинены специфическим закономерностям. Мы превосходно знаем, что растительный мир и мир животный имеют один и тот же корень, что они *едины*, но вместе с тем животный мир подчинен, помимо общей закономерности, свойственной обоим мирам, и специфической, частной, так сказать, закономерности. То же самое относится и к вопросу о *связи* и *разрыве* между органическим миром вообще и неорганическим, между человеческой общественностью и биологическим миром.

VII

Еще больше путаницы внесла Л. И. Аксельрод, когда она попыталась выступить в защиту механической точки зрения вообще. Она заявила дословно: механическая точка зрения противоположна телеологической точке зрения. Отсюда получается вывод, что кто выступает против механического материализма, тот защищает какой-то телеологический материализм. Энгельс был противником механического материализма, стало быть, он стоял на точке зрения какого-то телеологического материализма — таков ход мыслей Аксельрод. Это, разумеется, очевидная нелепость. Дело

в том, что противоположностью телеологии, т.-е. целесообразности, является не механическая, а причинная точка зрения. Такова простая логика вещей, которая, повидимому, необязательна для наших противников. Разве спор у нас вращается вокруг вопроса о признании кем-либо телеологической точки зрения в противоположность принципу причинности? Ничего подобного. Тов. Аксельрод не понимает даже, о чем мы спорим. Она дошла до того, что привела цитату из Ленина, где он возражает против превращения механики в единственный и исключительный «масштаб» явлений, где он доказывает, что механика является частным, специальным случаем электромагнитизма; эту цитату она привела в доказательство того, что Ленин был... механистом. К сожалению, я не имею возможности остановиться на неправильном понимании Аксельрод самой причинности. Она подчеркивала, что признает только механическую причинность, что никакой другой причинности не существует. Между тем Энгельс критикует механическую причинность, противопоставляя ей диалектическое понимание причинности и необходимости. Но это между прочим.

Словом, механическому материализму мы противопоставляем не телеологический, а диалектический материализм, что Аксельрод, казалось бы, должно было быть известно. Механический материализм признает одну лишь форму движения — механическое движение, перемену места. Диалектический же материализм считает, что механическое движение не исчерпывает всех форм движения, составляя лишь одну из форм движения. Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Союзник Аксельрод, т. Тимирязев, речь которого отличалась чрезвычайной развязностью, позволил себе бросить по адресу моих единомышленников обвинение в черносотенстве и обскурантизме. Он прибавил, между прочим, что за нами, мол, идут все виталисты и черносотенцы. Такие безответственные выступления можно было бы оставить вообще без ответа. Но мы поднимаем и эту перчатку, и мы покажем, кто за кем идет. Я бы хотел, чтобы т. Тимирязев назвал тех мифических виталистов, которые идут за нами. Он не назовет ни одного имени. Напротив того, все враги марксизма — явные и скрытые — благодарны нашим противникам за то, что они, как им это кажется, пробили брешь в марксизме, открыли возможность «свободной» критики марксизма. Что до нашего витализма, то я уже указал, что вы об'явили виталистом Энгельса... Мы, стало быть, не в дурной компании... Тов. Аксельрод сослалась здесь на митрополита Введенского, точка зрения которого тождественна якобы со взглядами т. Стэна, развитыми им здесь в нашей дискуссии. Надо ли сказать, что это совершеннейшая чушь. Тимирязев, как и Аксельрод, думают, что для признания механического материализма требуется какой-то особый героизм. Они не понимают, что механический материализм приемлем для очень многих, в том числе и для митрополита Введенского, ибо механический материализм часто переходит в свою противоположность — в метафизический идеализм, в мистику.

Послушайте интересную цитату из одной работы, автора которой я пока не назову. «Современная наука, — сказано там, — устанавливает нам единство плана бытия. Прежде всего современная наука подходит к признанию унитарности, как выражается Астон, материи... Далее, эта единая материя, приблизительно одинаково расположенная (порядково и об'емно) в мироздании, вся подчинена закону чисел. Математика царствует в мироздании». Автор и в дальнейшем излагает основы современного естествознания, что должно радовать сердце т. Тимирязева. Он даже

об'являет вместе с Шпенглером, что «современная механика есть точь в точь сколок с христианских догматов». Ну и радуйтесь, торжество механики и механического материализма! Кто же автор этой статьи? Митрополит Введенский. Чем не ваш союзник? В этой части он всецело стоит на точке зрения механического материализма. Однако послушайте, какие выводы делает А. Введенский из общепризнанных основ современного естествознания, из учения об унитарности материи. «Это, — говорит он, — есть учение о едином боге, вседержителе и творце, которое *в настоящее время подтверждается научными данными*» [1]) (курсив мой).

Митрополит Введенский против всякой метафизики и схоластики; он хочет стоять только на почве естествознания, только на почве науки. «Я вполне мыслю в будущем, — продолжает он, — организацию при богословских факультетах особых психо-религиозных кабинетов, в которых религиозное восприятие будет точно учитываться методами психологического экспериментирования. Необходимо создание религиозной физики и химии, а не только пробавляться религиозной метафизикой». «Теоретическая концепция божества, — говорит он дальше, — должна базироваться на религиозном естествознании. Современное учение об изотопах и изобарах приходит на помощь религиозной физике и химии, ибо электроны евхаристийного хлеба иначе расположены после претворения, нежели до него. А религиозная бактериология займется изучением бацилл... неверия, ереси и проч.».

Не станем же мы отвергать достижения современной науки на том только основании, что за них цепляются попы! С другой стороны, если уж говорить о том, чьим союзником является Введенский, то при известной недобросовестности, которую вы здесь обнаружили больше, чем достаточно, я мог бы сказать: конечно, вашим. Но я не буду прибегать к вашим приемам.

Наша дискуссия, которая не здесь началась и не здесь закончится, приняла в сущности широкий общественный характер. Этого не понимают и не видят только те, кто вообще дальше своего носа неспособны видеть. Я мог бы подвести и социально-политический «базис» под различные группировки, но я этого сегодня делать не буду. Не в том дело, чего суб'ективно желают наши противники, а в том об'ективном резонансе, какой их выступления вызывают. Я уже указывал на то, что наши противники создали своими выступлениями условия, при которых стала возможной критика марксизма, *наступление на марксизм* со стороны его противников и врагов. Стало быть, об'ективно создался *блок между вами, между вашей группировкой, и явными противниками марксизма*. Разумеется, в жизни этот блок теснее, чем в литературе; но он дает себя уже чувствовать и в литературных выступлениях.

В подтверждение своей мысли я приведу следующий знаменательный факт. В Казани проф. Самойлов сделал публичный доклад о «Диалектике природы» Энгельса. Доклад этот мы напечатаем в ближайшей книге «Под знаменем марксизма» в назидание нашим противникам. Докладчик начинает с того, что «в настоящее время, когда и пр.» все мы живем «в атмосфере марксизма», марксизм накладывает на все свою печать и т. д., и т. п. Не знаю, доволен ли этим проф. Самойлов или не доволен, — не будем читать в сердцах. И вот наши марксисты, — повествует

---

[1]) «Вестник священного синода православной российской церкви», 1926 г., № 1.

он далее, — ныне разбились на два лагеря: на диалектических материалистов и механических материалистов. Сам Самойлов, в качестве «человека науки», разумеется, примыкает к механистам. Он, видите ли, стоит на точке зрения тт. Степанова и Тимирязева. Как же ваш союзник относится к диалектическому материализму? Мы все знаем, — говорит он, — что диалектический материализм родился в идеалистической обители, и это его происхождение не осталось без влияния на дальнейший его характер, что чувствуется еще и теперь. Современный диалектический материализм имеет отправной точкой диалектику Гегеля. Так говорит и пишет ваш союзник.

Диалектический материализм берется под подозрение. Он родился в и д е а л и с т и ч е с к о й о б и т е л и. Но ведь отцами диалектического материализма являются Маркс и Энгельс. Это о н и его родили, а не мы. Стало быть, Маркс и Энгельс создали неудовлетворительную философскую концепцию, ибо они были заражены идеализмом. Проф. Самойлов недостаточно знаком с диалектическим материализмом, иначе он не говорил бы, что диалектический материализм имеет отправной точкой диалектику Гегеля, он не сводил бы диалектический материализм просто к диалектике Гегеля. Но дело не в этом. Важно то, что проф. Самойлов, в полном согласии с нашими противниками, берет диалектический материализм под подозрение из-за диалектического метода. Вы же тоже обвиняете меня и моих единомышленников в гегельянстве, в идеализме только потому, что мы с диалектикой не шутим и не сводим ее, подобно вам, к некоторым тривиальным положениям вроде: все движется и изменяется, а стремимся материалистически переработать диалектику Гегеля или выяснить и вскрыть диалектические законы действительности. Итак, идеалистическое происхождение диалектического материализма, как говорит проф. Самойлов, не осталось без влияния на его дальнейший характер и дает себя чувствовать е щ е и теперь. Проф. Самойлов резко критикует нас, диалектических материалистов, и очень восхваляет наших противников — механистов.

Однако в выступлении проф. Самойлова есть один пункт, который заслуживает нашего внимания. Заранее говорю, что если этот пункт будет приятен т. Стэну, то он будет очень неприятен нашим противникам. Проф. Самойлов отличается прямотой и правдивостью. Поэтому он говорит начистоту, что настоящими последователями Энгельса (стало быть, и Маркса) являемся м ы, вы же отошли от точки зрения Энгельса и Маркса. Это говорит ваш единомышленник.

Проф. Самойлов в дальнейшем выступает в защиту позиции, занятой т. Тимирязевым и его единомышленниками. Он пытается доказать, что они правы в своих выступлениях п р о т и в Энгельса, что хотя диалектика — удивительная глубина мысли, слушайте! — и дала возможность Энгельсу сделать ряд ценнейших предсказаний или предвосхищений в области естествознания, тем не менее естествознание в диалектике совершенно не нуждается. «Большое значение, — говорит проф. Самойлов, — имеют попытки Энгельса, в целях утверждения диалектики природы, предсказать на почве диалектических процессов ход и характер определенных явлений природы. Наиболее ценным и удивительным представляется предсказание Энгельса по отношению ко второму положению термодинамики. Известно, что это положение предопределяет постепенный переход всей энергии мира в тепло, которое без затраты энергии из себя не может переходить в другие формы, и потому, после того, как истрачено будет все наличное количество потенциальной энергии

мира, наступит рассеяние теплоты и равенство температуры, что будет обозначать общую смерть. По этому поводу Энгельс говорит, что энергия, следовательно, теряется, если не количественно, то качественно, и дальше мысль его идет таким образом: если в природе имеется запас потенциальной энергии, которая может только истрачиваться до нуля, то нужно предположить, что в начале, путем какого-то толчка, мировые часы должны были быть заведены. Если потраченная на завод энергия затем переходит в энтропию, то почему же нельзя допустить, что этот завод часов может снова иметь место в природе?

«Об этом предмете, — продолжает проф. Самойлов, — имеется в шестой главе под названием «Старое введение к диалектике природы» прекрасное, с удивительным мастерством изложенное рассуждение.

«Мы знаем теперь, что мысль Энгельса оправдалась. Больцман показал, что наши законы имеют статистический характер и что второй закон Клаузиуса есть в сущности закон статистический, который не может отрицать осуществления тех условий, какие имели место на первых порах развития нашей солнечной системы. Благодаря работам Больцмана и Смолуховского есть основание принимать, что тот завод часов мира, который представлялся Энгельсу возможным и в будущем, в самом деле считается возможным на основании новых физических исследований. Мы имеем на указанном примере в самом деле хорошо проведенное в порядке диалектики предсказание, подтвержденное впоследствии физиками».

Проф. Самойлов останавливается и на некоторых других предсказаниях Энгельса, которые он считает удивительными и поразительными. И вот, вместо того, чтобы отсюда сделать вывод о полезности, я уже не говорю необходимости, для естествознания диалектики, он по какой-то странной логике приходит к прямо противоположному выводу.

Вышеприведенное рассуждение свое проф. Самойлов «увенчивает» таким заключением: «Представляется, однако, законным остановиться на том, что указанные физики отрицают фатальное значение второго закона механической теории тепла. отнюдь не основываясь на диалектическом ходе процессов в природе и нисколько не опираясь на рассуждение Энгельса. Если бы не было работ Больцмана и Смолуховского по указанному вопросу, а имелось в распоряжении нашем только утверждение Энгельса, то закон энтропии не мог бы быть достаточно поколеблен.

«Мы только что сказали, что Больцман и Смолуховский не опирались и не пользовались в своих работах диалектическим методом. Я склонен распространить это утверждение на всю вообще естественно-испытательскую работу, и тогда можно было бы себя спросить, какую роль играл и играет диалектический метод в естествознании, если последнее делает без него все свои завоевания» [1]).

Итак, проф. Самойлов начал за здравие, а кончил за упокой. Энгельс делает, пользуясь диалектическим методом, ряд блестящих предсказаний, которые впоследствии подтверждаются чисто физическими исследованиями. Казалось бы, это обстоятельство должно было заставить нашего ученого призадуматься над «природой» диалектики. Ничего подобного. Оказывается, что так как естественники не пользовались и не пользуются диалектическим методом, делая в то же время свои завоева-

---

[1]) См. теперь статью проф. Самойлова «Диалектика природы и естествознание» «Под знаменем марксизма», № 4—5, стр. 69—70.

ния, то зачем беспокоиться? С другой стороны, проф. Самойлов находит и «противоречие» у Энгельса. В самом деле. Энгельс утверждает, что естествоиспытатели применяют бессознательно диалектический метод и в то же время призывает их к сознательному пользованию диалектикой. Так, он пишет: «Такой призыв (Энгельса — *А. Д.*) естествоиспытателей к изучению самой правильной формы мышления, к изучению диалектики, находится в противоречии с высказанным утверждением о том, что естествоиспытатель бессознательно применяет диалектический метод». Странная логика у проф. Самойлова! Как можно видеть противоречие в призыве Энгельса пользоваться *сознательно* «правильной формой мышления», правильным методом, которым естествоиспытатели хотя и пользуются, но *бессознательно*, т.-е. непланомерно, случайно, а потому и неправильно? При этом автором совершенно упускается из виду излишняя трата сил, блуждания, ошибки, которые неизбежны при бессознательном пользовании диалектикой. Ведь до Больцмана и Смолуховского «фатальное значение второго закона механической теории тепла» долгое время признавалось как нечто вполне доказанное. Однако достаточно было Энгельсу подойти ко второму положению термодинамики с точки зрения диалектики, и закон энтропии оказался теоретически поколебленным и опровергнутым. Если бы Клаузиус мыслил диалектически, он бы не пришел к своим «фатальным» выводам. Казалось бы, это ясно, а между тем, по мнению проф. Самойлова, все это ровно ничего не доказывает; напротив, все это доказывает, что естествознание делает все свои завоевания и без диалектики...

Необходимо подчеркнуть, между прочим, что проф. Самойлов имеет вообще неправильное представление о диалектике. Ему, повидимому, дело представляется таким образом, что диалектика является чем-то вроде *априорной концепции*, которая, на основании одних *логических рассуждений*, делает возможным научные открытия и исключает тем самым эмпирические исследования или же целиком их заменяет. Иначе он бы не мог сказать, что «если бы не было работ Больцмана и Смолуховского по указанному вопросу, а имелось бы в распоряжении нашем только утверждение Энгельса, то закон энтропии не мог бы быть достаточно поколеблен». Разве диалектический метод, диалектический способ мышления, *заменяет* в данном случае «физические исследования»? Разумеется, нет. Диалектический метод должен не заменять конкретное исследование явлений, а *руководить и направлять* это исследование. Он не дает готовых истин, а указывает *путь*, по которому следует итти, чтобы вскрыть об'ективные связи и законы действительности.

При таком понимании диалектики, какое мы встречаем у проф. Самойлова, — да и не только у него, — становится понятным следующее обвинение, выдвигаемое им против Энгельса. «У Энгельса, — говорит он, — часто прорывается теплое чувство даже к натурфилософам только из-за их близости к философии, хотя бы идеалистической. Это я имел в виду, когда сказал в начале, что *диалектика обнаруживает свое происхождение от идеалистической философии*» (курсив мой. — *А. Д.*). Таким образом, Энгельс, по мнению наших противников, не только близок к витализму, но и к философскому идеализму вообще. Однако проф. Самойлов глубоко ошибается. Что диалектика ведет свое происхождение (в новейшее время) от Гегеля, — это всем известно. Но если этим хотят опорочить материалистическую диалектику Маркса-Энгельса, то это слишком

избитый прием. Что касается «теплого чувства к натурфилософам», то Энгельс обнаруживает его не потому, что они близки «к философии, хотя бы идеалистической», а несмотря на эту их близость. У Энгельса прорывается часто теплое чувство даже к натурфилософам потому, что он у них находит, вопреки их общей идеалистической установке, проблески диалектического мышления и понимания действительности. Если к этим натурфилософам причислить и Гегеля, то Энгельс считал, что у него, вопреки его идеалистической системе и проч., имеется много гениального с точки зрения диалектического метода. Вы видите, как далеко зашел проф. Самойлов. Он склонен даже Энгельса обвинять в идеализме. При таких условиях нам, грешным, жаловаться на ваши обвинения в «гегельянстве» и «схоластике» не приходится.

Замечательно то, что между проф. Самойловым и вами существует полное единомыслие. Разница только та, что вы взваливаете все «грехи» Энгельса на нас, разделяющих действительно его взгляды, между тем как проф. Самойлов говорит честно и откровенно о «грехах» Энгельса, видя в нас лишь его последователей.

«Конечно, Энгельс и его последователи (курсив мой. — *А. Д.*) — не виталисты и не признают никакого специального для живого существа, специфического духовного начала», — говорит А. Самойлов. Что ж, спасибо и на этом. Это даже похоже на защиту Энгельса от ваших обвинений. Но проф. Самойлов и тут противоречив. «Тем более они не похожи на виталистов, — говорит он, — что отрицание возможности механического об'яснения они уже пытаются утвердить и по отношению к физическим и химическим дисциплинам. Тем не менее, в принципе принятие ими специфических свойств категорий различных областей явлений природы напоминает тенденцию виталистов» [1]). Далее следует, в подтверждение этих слов, сочная цитата из А. К. Тимирязева, который говорит о попытках диалектиков навязать абстрактные формулы природе, о якобы подозрительном их отношении к дарвинизму и чуть ли не о союзе их с буржуазным миром и проч. Таким образом, получается вывод, что Энгельс и его последователи, по просвещенному мнению проф. Самойлова, подкрепленному «авторитетом» марксиста Тимирязева, повинны в витализме, идеализме и союзе с буржуазным миром...

Позвольте остановиться в двух словах на одном чрезвычайно симптоматическом явлении. На-днях в Ленинграде состоялось публичное выступление академика В. Бехтерева на тему «Рефлексология и марксизм». Бехтерев доказывал преимущества его точки зрения перед павловской. Он заявил, что приемлет диалектический материализм; павловскую же школу обвинял в приверженности к метафизическому материализму. Бехтерев доказывал, что все установленные Энгельсом диалектические законы подтверждаются целиком в области рефлексологии. Для нас в данном случае не важно, можем ли мы вообще солидаризироваться с рефлексологией Бехтерева или нет. Я хочу на этом примере лишь подчеркнуть, что в то время, когда один из крупнейших представителей естествознания делает поворот в сторону диалектического материализма, что в то время, когда речь идет о возможном проникновении марксизма в новые научные области, в это самое время в союзе с явными и скрытыми противниками марксизма выступает целая группа патентованных

---

[1]) См. «Под знаменем марксизма», 1926 г. № 4—5, стр. 74.

«марксистов» с ликвидаторскими тенденциями, начинает третировать диалектический материализм и по-сенатски «раз'яснять» диалектику.

VIII

Насчет «схоластики» мы сейчас поговорим особо. Пока же скажу, что Эд. Бернштейн и П. Струве уже в свое время об'явили диалектику схоластикой, так что тут вы, т. Аксельрод, с вашими единомышленниками тоже не оригинальны. У вас есть «славные» предшественники. Но обратимся к современности. Проф. Самойлов противопоставляет индуктивный метод естествознания «диалектической конструкции» Энгельса. Он не делает различия между Энгельсом и его последователями, т.-е. нами. Западно-европейские же ликвидаторы марксизма обвиняют в «схоластике» Маркса. Таким образом, я имею право сказать, что идейная связь существует не только между вашей группировкой и известной «периферией» у нас, но и между вами и ликвидаторами марксизма на Западе. Корни, которые питают ревизионизм у нас и на Западе, почти одни и те же. Элементы, из которых складывается ревизионизм или ликвидаторство у нас и на Западе, также почти одинаковы: отрицание диалектики и утверждение эмпиризма, признание диалектики схоластикой, элементы фрейдизма, этический уклон, абсолютный релятивизм и проч.

Самым «смелым» явлением в области ликвидаторской литературы Запада наших дней приходится считать книгу де-Мана, бывшего соратника К. Либкнехта и Р. Люксембург. Этот бывший левый социал-демократ выпустил книгу под названием «Психология социализма». Основная тенденция и задача автора — это, как он сам говорит, освобождение пролетариата, рабочего движения от марксизма[1]).

Прежде всего интересно установить, как была встречена эта книга в официальных кругах социал-демократической партии. В моих руках было десятка два статей, посвященных книге де-Мана. Но здесь я укажу только на статью Генриха Штребеля в «Dresdener Volkszeitung» и на статью, напечатанную, без каких-либо примечаний редакции, в центральном органе германской социал-демократической партии «Vorwärts». Генрих Штребель убеждает читателя в том, что де-мановское опровержение марксизма совместимо с духом марксизма, что его критика марксизма заслуживает всяческой похвалы и что, несмотря на все, де-Ман ныне остается таким же добрым марксистом, как и двадцать лет тому назад. Что касается статьи, помещенной в «Vorwärts'е» и написанной его редактором, то она почти целиком солидаризируется с де-Маном и в этом смысле представляет собою полное отречение от марксизма. Автор, а вместе с ним, стало быть, и редакция «Vorwärts'а», не сомневается в том, что марксизм бесповоротно опровергнут как «жизнью», так и якобы развитием современной науки, но автор великодушно разрешает сохранить звание марксистов тем, кому это нравится. Таким образом, от марксизма ничего, кроме названия, не осталось... Надо прибавить, что поскольку речь идет об этих господах, то это вполне справедливо[2]).

---

[1]) См. мою статью «Новый поход против марксизма» в № 1 «Летописей».

[2]) Вот какие перлы мы находим в статье Курта Гейера в «Vorwärts'е» от 25 апреля текущего года: «Нельзя отрицать того, что истинно научный марксизм и серьезная наука об обществе вообще становятся все более и более идентичными. Вопрос о том, целесооб-

Вы в целом ряде основных вопросов марксизма выступали здесь в духе де-Мана. Если в нескольких словах охарактеризовать книгу де-Мана, то смысл ее теоретически сводится к необходимости поворота от материализма к религиозно-этическому мировоззрению, от рационализма к интуитивизму и от «диалектической схоластики» к методу описания, а практически и политически — к повороту от интернационализма к национализму и социал-патриотизму, от радикализма к реформизму. Религиозно-этическое мировоззрение, — говорит де-Ман, — получает свое наиболее глубокое обоснование в учениях Фрейда и Бергсона, ибо психоанализ приводит нас к признанию той истины, что «в человеке нет ничего более реального, чем божественная сила нравственного закона». Марксизм не оказался в силах внушить людям моральное сознание; отсюда ответственность марксизма за мировую войну. Место Маркса должен ныне занять Фрейд... Как же при таких условиях квалифицировать ваш блок с фрейдистами и ваше благодушное отношение к фрейдизму?

Далее, де-Ман резко выступает против диалектики и так называемого «реализма понятий» в учении Маркса. Здесь вы целиком солидарны с де-Маном. Разница только та, что де-Ман во всех этих «преступлениях» обвиняет прямо Маркса и Энгельса, вы же козлом отпущения избрали меня. Деборин — для вас псевдоним Энгельса и Маркса. В самом деле, что говорит де-Ман о диалектике Маркса? Диалектика, по его мнению, составляет основной грех марксизма, который в сущности мало чем отличается от гегельянства. Диалек-

---

разно ли и справедливо ли придерживаться еще названия марксизма, не относится к области научного исследования. Очень глупо со стороны социалистов оценивать эту книгу (книгу де-Мана — *А. Д.*) под углом зрения борьбы за название и, исходя из борьбы за название (название марксизма, марксиста.—*А. Д.*), говорить: вот книга, близкая сердцу предпринимателей! Говорить так о книге, полной мощной социалистической веры, о книге, ведущей так превосходно процесс против предпринимательства во имя нравственного закона! Такими приговорами оказывают социализму и марксизму плохую услугу...» «Эта книга, — говорится дальше, — свидетельствует о живом социализме и является предостережением марксизму. Она... уничтожает то странное убеждение, будто социализм мертв, а марксизм жив. Открытое признание де-Мана: «Я больше не марксист», свидетельствует об известном трагизме марксизма. Кто может это отрицать? Ведь это факт, что различные марксистские школы сохранили большую научную гордыню и аггрессивность полемики, но что их положительные достижения в области исследования изменившегося мира заставляют себя ждать. Выражаясь несколько парадоксально, можно сказать: марксисты, которые хотят быть таковыми, ничего не делают для применения своих методических (!) познаний (!), а те марксисты, которые эти познания применяют, громко заявляют, подобно де-Ману: мы не желаем быть марксистами».

Каков «живой социализм» де-Мана и современной социал-демократии, мы показали уже в другом месте. Что же касается «социалистической веры» и де-мановского «процесса против предпринимательства во имя нравственного закона», то в нашей статье «Новый поход против марксизма» мы показали, каким бесстыдством и отвратительным лицемерием надо отличаться, чтобы говорить еще о социализме де-Мана и его товарищей. «Нравственный закон», во имя которого они ведут свой процесс якобы против предпринимательства, нужен лишь для оправдания национализма, социал-патриотизма и, в сущности, всех основ буржуазного строя. За одно можно «похвалить» де-Мана и «Vorwärts» — за открытое, публичное отречение от марксизма. Давно пора! Отречение от марксизма де-Манов и его единомышленников свидетельствует не о смерти марксизма, а об его жизненности, ибо буржуазный либерализм с марксизмом ничего общего иметь не может. Марксизм жив ныне более, чем когда бы то ни было, но, разумеется, не среди де-Манов.

тика Маркса, это — схоластика, — говорит он, — пережиток гегелевщины. Метод его сводится к игре диалектическими понятиями. Поэтому теория Маркса ничего общего с опытом якобы не имеет и является лишь выражением «диалектики понятий», априорной конструкцией. Это по вопросу о диалектике. Вы видите, между вами и де-Маном существует «сердечное соглашение».

А теперь послушайте насчет средневекового реализма. Де-Ман, в полном согласии с вами, обвиняет Маркса в том, что для него, благодаря «игре диалектическими понятиями», капитализм — реально существующая общественная формация, а буржуазия и пролетариат — реально существующие общественные классы. А по мнению де-Мана «нет такой действительности, которая соответствовала бы понятию капитализма или понятию социализма. Социализм — только гипотеза, представление о возможном общественном строе или, вернее, представление об основах такого строя, который еще не существует и который никогда еще не существовал. Но и понятие капитализма покрывается лишь представлением в нашем мозгу. Мы воображаем, правда, что общество, в котором мы живем, тождественно с этим представлением, но это — заблуждение» [1]). «Выражения «капитализм» и «социализм» не означают фактов во внешнем мире, они не суть явления, а лишь категории, понятия, продукты абстракции».

Итак, социализм — только гипотеза, идея об общественном строе, которого в действительности еще никогда не существовало и, быть может, никогда и существовать не будет. Но даже капитализм — только отвлеченное понятие, а не реальность во внешнем мире. Маркс же, говорит де-Ман, стоя на точке зрения «реализма понятий», признает реальностью не только капитализм, но и общественные классы, как буржуазия и пролетариат, между тем как на самом деле существуют только отдельные индивидуумы, отдельные рабочие, отдельные предприниматели.

Так вот я спрашиваю вас: общественный класс, например, пролетариат, — реальность или нет?

Я знаю, что теперь вы уже открыто не повторите того, что здесь говорили. Но вы проповедуете то же самое, что и де-Ман. Вся эта буржуазно-индивидуалистическая и идеалистическая концепция де-Мана разбавлена, как я уже говорил, этической водицей. У нас во время войны некоторые марксисты также выступили с проповедью простых законов права и нравственности. Де-Ман также жалуется на то, что во время войны были нарушены законы нравственности, и делает за это ответственным даже марксизм.

Л. И. Аксельрод в своем выступлении советовала нам заняться разработкой этики и эстетики. Она сказала, что нет необходимости в разработке методологии марксизма, ибо метод разработан, а вот система марксизма действительно не разработана: остается заняться поэтому этикой и эстетикой.

Вы это развивали здесь при всех. Никому не возбраняется заниматься чем угодно, даже этикой и эстетикой. Но ведь мы говорим о тех задачах, которые выдвигаются перед нами современной эпохой. Впрочем, об этом я скажу несколько слов позже. Тов. Аксельрод уже дала нам образцы своих этических рассуждений. Я прямо скажу, что считал бы нетактичным цитировать старую

---

[1]) De Man, Zur Psychologie des Sozialismus, 1926 г., стр. 78.

статью т. Аксельрод о простых законах права и нравственности, если бы она ныне не выдавала ее за шедевр марксистской мысли и если бы она имела мужество отречься от проводимых ею там взглядов, признав их неправильными. (*Аксельрод с места:* «Не могу отречься».) В таком случае я должен протестовать против этой статьи, на которую Мартов в свое время вынужден был реагировать статьей под названием «Простота хуже воровства». Тов. Аксельрод пишет там, между прочим, следующее: «Своим вторжением в нейтральную Бельгию Германия нарушила общеобязательные законы права и нравственности, признаваемые всем цивилизованным человечеством, и не только цивилизованным человечеством, но и некоторыми группами дикарей.

«Несмотря на классовую этику и на относительный характер права и нравственности, человечество выработало за свою долгую общественно-историческую жизнь общие нормы взаимного существования. Эти общие нормы, проникая собою всю нашу жизнь, стали такими же незаметными для простого глаза функциями общественного организма, как физиологические функции — организма индивидуального».

Вы видите, что здесь т. Аксельрод проводит параллель между функциями общественного организма и функциями организма индивидуального. Если бы я хотел придраться к словам, то мог бы обвинить т. Аксельрод в том, что она стоит на точке зрения Спенсера, но придираться к словам я не намерен. Да не в этом гвоздь статьи Аксельрод. Посмотрим, что она говорит дальше. «Там, где существует хоть какая бы то ни была связь между двумя лицами, — продолжает она, — там существует Сократ, т.-е. там мы имеем налицо общеобязательную об'ективную нравственную норму. Это имеет место и в том тривиальном случае, когда этою связью является простая торговая сделка. Если акт продажи и покупки точно соответствует целям продавца и покупателя, то этот акт совершен согласно об'ективной нравственной норме. Без признания и подчинения этим «простым законам права и нравственности» немыслимо человеческое существование» [1]).

Я не могу останавливаться на политическом смысле этой кантовской моральной философии. Скажу только, что если рабочий продает свою рабочую силу предпринимателю, то эта «торговая сделка» совершается, по мнению т. Аксельрод, согласно об'ективной общеобязательной нравственной норме... Комментарии здесь, мне кажется, излишни.

IX

Теперь я позволю себе сказать несколько слов о нашем отношении к Гегелю. Это интересный вопрос, заслуживающий нашего внимания в связи с переживаемой нами особой исторической эпохой. Послевоенный период вызвал в Западной Европе огромный прилив мистических настроений, проникающих и в рабочую среду. Достаточно указать хотя бы на так называемый религиозный социализм, о котором мне уже приходилось говорить и писать, на религиозно-мистическое выступление де-Мана и проч. Недавно один немецкий автор опубликовал на английском языке книгу под названием «Evolution and Optimism». Характеризуя современное со-

---

[1]) См. ст. Аксельрод, «Простые законы права и нравственности» в сборнике «Этика и марксизм», 2-е изд., стр. 227—228.

стояние «умов», он говорит о господствующем повсюду разброде и об об'ективной необходимости создания или новой религии, или новых форм мышления. Само собою разумеется, что умственный разброд является лишь отражением социального распада, надвигающегося процесса крушения капитализма. Буржуазные идеологи будут, главным образом, заниматься новым религиозным творчеством и использованием науки в целях религии, как мы это видим у митрополита Ал. Введенского. В рабочую среду эти тенденции через так называемых идеологов несомненно проникают. Спрашивается, какие стоят ныне перед нами, революционными марксистами, задачи? Очевидно, в дальнейшей разработке и углублении марксизма, дающего, в сравнении с буржуазными способами мышления, новые формы мышления и познания. Эти об'ективные задачи должны быть увязаны с научно-исследовательской и преподавательской, т.-е. воспитательной нашей работой. Так понимал современные задачи марксизма и Ленин, когда он призывал к углубленному изучению диалектики Гегеля с точки зрения материализма и к переработке современного естествознания — и не только естествознания — с точки зрения материалистической диалектики.

В этой связи и возникает вопрос о нашем отношении к Гегелю. Кто имеет сказать о Гегеле только то, что он был мистиком и идеалистом, тот пусть лучше молчит. Вот вы всячески третируете Гегеля как мистика, но ничего не можете сказать о нем как о диалектике. Конечно, критиковать гегелевский идеализм необходимо, но если бы Гегель был только идеалист, то, естественно, что он никакого значения для марксизма не имел бы. А между тем Маркс, Энгельс, Плеханов и Ленин ставили Гегеля чрезвычайно высоко и кое-чему научились у него.

Тов. Л. И. Аксельрод в своем отрицательном отношении к Гегелю идет так далеко, что извращает взгляды Энгельса на гегелевскую диалектику, для чего неправильно цитировала здесь рецензию Энгельса на книгу Маркса «Zur Kritik der politischen Oekonomie». Она выхватила из этой рецензии одну-две фразы, имеющие отношение не столько к Гегелю, сколько к его школе, и думала посрамить этой цитатой всех нас. Поэтому я вынужден восстановить подлинные взгляды Энгельса.

«Преимущество способа мышления Гегеля перед способом мышления всех других философов коренится в том огромном историческом чутье, которое лежит в основе первого. Несмотря на абстрактность и идеалистичность формы, ход его мыслей всегда развертывается параллельно ходу истории, и последний должен был служить только проверкой для первого.

«Если действительное отношение между мышлением и действительностью было этим представлено в превратном виде и поставлено на голову, то все же таким путем проникло положительное содержание во все области философии, тем более, что Гегель, в отличие от своих учеников, не делал добродетели из невежества, а был одним из образованнейших людей всех времен. Он первый пытался доказать внутреннюю связь в развитии исторического процесса. И как бы причудливыми ни казались нам теперь кое-какие мысли его «Философии истории», основная концепция этого произведения своей грандиозностью может вызвать удивление и ныне, особенно если сравнить Гегеля с его предшественниками или с теми, которые после него позволяли себе общие размышления об истории. В его «Феноменологии», в «Эстетике», в «Истории философии» — повсюду красной нитью про-

ходит его величественное понимание, везде вопросы рассматриваются исторически, в определенной, хотя и в абстрактно извращенной связи с исторической действительностью.

«Это делающее эпоху понимание истории явилось непосредственной теоретической предпосылкой ее нового материалистического понимания (курсив мой. — *А. Д.*) и уже благодаря этому была дана точка опоры для логического метода. Если эта забытая диалектика уже на почве «чистого мышления» могла вести к таким результатам, если она к тому же как бы играючи разделалась со всей старой логикой и метафизикой (курсив мой. — *А. Д.*), то она во всяком случае не могла представлять собой одну только софистику и буквоедство. Но критика этого метода была нелегкой задачей, перед которой отступала и теперь еще отступает вся официальная философия.

«Маркс был и остается единственным, который мог взять на себя задачу выделить из гегелевской логики то ядро, которое содержит в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и выработать диалектический метод, освобожденный от его идеалистической оболочки, в той простой форме, в которой он только и является правильной формой развития мыслей. Выработку метода, который лежит в основе марксовской критики политической экономии, мы считаем результатом, имеющим едва ли меньшее значение, чем основное материалистическое воззрение» (курсив мой. — *А. Д.*)[1].

Вот что говорит Энгельс о связи марксизма с диалектикой Гегеля. Это нечто совершенно другое, чем то, что хотела приписать Энгельсу т. Аксельрод. Она тут рассказала несколько «смешных» армянских и еврейских анекдотов, но из них марксизма не построишь. В другом месте Энгельс говорит прямо о том, что при изучении марксизма «без Гегеля обойтись, конечно, невозможно». Правда, для того, чтобы его переварить, надо его понять. Энгельс, как известно, дает Конраду Шмидту добрый совет приступить к изучению Гегеля для понимания марксизма. При этом Энгельс даже указывает ему, в какой последовательности следует изучать Гегеля; он дает соответствующий «рецепт», которым следует воспользоваться и всем вам. «Но вы не должны читать Гегеля так, как читал его П. Барт, именно для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки, которые ему служили рычагом для построений, — пишет он тому же Шмидту. — Это работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное» (курсив мой. — *А. Д.*).

Но Энгельс дает не только «программу для чтения», готовый «рецепт» по изучению Гегеля; он даже показывает на отдельных примерах, как Маркс в «Капитале» применяет метод Гегеля, проводя параллель между гегелевой «Логикой» и марксовым «Капиталом». Вот как гласит это место: «Сравним хотя бы развитие у Маркса от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к небытию, и у вас

---

[1]) Энгельс, О критике политической экономии Маркса, «Под знаменем марксизма», 1923 г., № 2—3, стр. 54—55.

будет прекрасная параллель для конкретного развития, как оно происходит из фактов, с одной стороны, и — с другой стороны — абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как, например, качество в количество, и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие идеи из одной в другую».

В своем «Людвиге Фейербахе» Энгельс говорит: «В гегелевской системе дело дошло, наконец, до того, что она и по методу, и по содержанию оказалась лишь перевернутым вверх дном материализмом.» И это вполне понятно, ибо если бы дело обстояло иначе, то нельзя было бы поставить Гегеля «на ноги». Таким образом, недостаточно сказать: Гегель — мистик, идеалист, и на этом успокоиться, этим прикрыть свое отрицание диалектики.

Именно у Гегеля мы имеем, как выражается Энгельс, целую «энциклопедию диалектики». В одном месте Энгельс говорит даже, что без Гегеля (речь идет, конечно, об его диалектике. — *А. Д.*) не было бы научного социализма. Без Гегеля нельзя обойтись при изучении марксизма, не говоря уже о дальнейшем его углублении, требуемом современной эпохой, усложнением всей социально-политической обстановки, которая ставит перед нами новые проблемы.

Вот поэтому-то я и обращаюсь к молодым марксистам, не только философам, но и экономистам, историкам, естественникам, политикам и проч., с указанием, что изучение методологии марксизма имеет первостепенное значение для всех, что нельзя быть хорошим революционным марксистом — в особенности хорошим теоретиком — без основательного знакомства с диалектикой. А раз это так, то этим уже определяется значение для нас Гегеля. Я позволю себе привести здесь по памяти одно интересное место из неопубликованных еще тетрадей Ленина. Пятьдесят лет прошло со времени появления «Капитала» Маркса, — говорит он там, — но «Капитал» до сих пор еще не вполне понят, потому что для основательного понимания «Капитала» требуется знание Гегеля, а наши экономисты Гегеля не знают. За смысл приведенных слов Ленина я ручаюсь, хотя и мог перепутать кое-что в смысле дословности фразы. Таково мнение Ленина. Надо ли еще приводить в подтверждение того значения, какое Ленин придавал изучению и разработке диалектики Гегеля, цитаты из его знаменитой статьи «О значении воинствующего материализма»? Эту программную статью все помнят, но не все хотят с ней считаться.

Я уже цитировал в своем первом слове пророческое предсказание Г. Плеханова о том, что интерес к Гегелю значительно усилится вместе с оживлением революционного движения. Он даже подчеркивает, что Гегель предстанет тогда перед нами как колоссальная революционная фигура, реакционные же элементы его учения отступят на второй план.

Я позволю себе привести еще две цитаты из Маркса для выяснения его отношения к Гегелю и его диалектике, а затем перейду к вопросу о механическом материализме.

В письмах к Кугельману Маркс пишет последнему: «Он (Дюринг) знает очень хорошо, что мой метод исследования не тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой

диалектики, но лишь после очищения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее мой метод»[1]).

Стало быть, гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но после очищения ее от ее мистической формы, т.-е. после ее материалистической переработки, к чему мы и призываем и что мы, в меру наших скромных сил, и пытаемся делать. За мистической формой надо вскрыть гениальное содержание, как говорит Энгельс.

В другом письме Маркс пишет тому же Кугельману по поводу Ланге следующее:

«То, что тот же самый Ланге говорит о гегелевском методе и о моем применении его, является поистине ребяческим. Во-первых, он ничего не понимает в гегелевском методе и поэтому, во-вторых, имеет еще гораздо меньше представления о моем критическом способе его применения. В одном отношении он напоминает мне Моисея Мендельсона. Этот прототип пустейшего человека писал Лессингу: «Как это могло вам прийти в голову принимать всерьез «эту мертвую собаку — Спинозу?» Точно так же г-н Ланге удивляется, что Энгельс, я и т. д. принимаем всерьез мертвую собаку — Гегеля, после того как Бюхнер, Ланге, д-р Дюринг, Фехнер и т. д. давно согласились на том, что они — poor dear! — давно его похоронили. Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я «двигаюсь с самой редкой свободой». Ему и в голову не приходит, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как парафраза известного метода изучения материала, — именно диалектического метода»[2]).

Известно, что Маркс собирался написать теорию материалистической диалектики. Он хотел представить в простой и ясной форме то, что было разумного и великого в гегелевской диалектике, но, к сожалению, сделать этого не успел. Отчасти этот пробел должны были восполнить работы Энгельса, но и он успел оставить хотя и чрезвычайно ценные, но все же только наброски, пользуясь которыми, правда, можно и должно разрабатывать диалектику дальше, ибо фундамент уже имеется.

X

Выяснив историческое место Гегеля, позволим себе теперь сказать еще несколько слов о сущности диалектики. Л. И. Аксельрод сводила здесь диалектику к форме изложения научного материала. Мы же, в полном согласии с нашими учителями, считаем диалектику методом исследования, или «методом изучения материала», как выражается К. Маркс. А так как метод является «аналогом действительности», то диалектика есть наука об объективных законах и формах движения. Вместе с тем диалектика представляет собою и особый ~~способ мышления,~~ особую логику. За поздним временем я уже не имею возможности подробно остановиться на выяснении сущности диалектики. Поэтому я для краткости приведу здесь замечательную характеристику диалектики, данную Лениным.

«В наше время, — говорит он, — идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля.

[1]) К. Маркс, Письма к Кугельману, перевод Н. Ленина, стр. 53—54.

[2]) Там же, стр. 101—102.

Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всестороння, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; — превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления, или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления (при чем история открывает все новые и новые стороны), — связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычно) учения о развитии»[1]).

Ленин здесь устанавливает только некоторые — правда, основные — черты диалектики. Другие черты диалектики станут для нас ясными сами собою при изложении различия, существующего между механическим и диалектическим материализмом. К сожалению, и здесь нам приходится быть чрезвычайно краткими.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что Маркс, Энгельс, Плеханов и Ленин не были механическими материалистами. Если это правда, — а это несомненная правда, — то ясно, что мы от них не отступаем и защищаем ортодоксальную точку зрения. (*Голос с места:* «Это не соответствует науке!») Насчет соответствия или несоответствия марксизма науке мы еще поговорим и увидим. Прежде всего установим самый факт. Что и Маркс, и Энгельс были антимеханистами, это, кажется, не подлежит сомнению. Но я все же приведу хотя бы одно место из «Людвига Фейербаха» Энгельса, так как это место имеет решающее принципиальное значение.

«В XVIII веке химия была в детском состоянии, — говорит там Энгельс. — Биология была в пеленках; растительный и животный организм был еще мало исследован, его отправления об'яснялись чисто механическими причинами... Исключительное приложение мерила, заимствованного из механики, к химическим и органическим явлениям, т.-е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами, — составляет первую специфическую, неизбежную тогда, черту ограниченности классического французского материализма». Развитию этой основной диалектической мысли и посвящена в сущности «Диалектика природы».

К этому выводу Энгельса неоднократно присоединяется и Ленин. Вот что он говорит в цитированной уже нами книге, посвященной Марксу и Энгельсу: «Основным недостатком старого, и в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного» — Бюхнера-Фогта-Молешота) материализма Маркс и Энгельс считали 1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще прибавить: электрической теории материи); 2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; 3) то, что они «сущность человека» понимали не как «совокупность (определенных конкретно-исторических)

---

[1]) Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 13.

всех общественных отношений» и потому только «об'ясняли» мир, тогда как дело идет об «изменении» его, т.-е. не понимали значения «революционной практической деятельности» [1]).

Таким образом, старый материализм оказался неприемлемым для Маркса и Энгельса (как и для Ленина) прежде всего благодаря его механическому характеру, благодаря тому, что он стремился об'яснять все чисто механическими причинами. Но именно потому, что этот материализм был «преимущественно механическим», он и не мог быть диалектическим, т.-е. был метафизичен и неисторичен, а потому и созерцателен, т.-е. не понимал значения революционной практики. Механический материализм ко всем явлениям прилагает, таким образом, масштаб механики. Далее, он исходит из признания одной лишь категории количества, чем отвергается категория качества; об этом я уже говорил выше. Признание одной только категории количества приводит, как я уже сказал, к ревизионизму Бернштейна, к бердяевскому «чулку» и к теории эволюции Струве. Всякое качество есть, с их точки зрения, только результат постепенного непрерывного нарастания или перегруппировки количественных элементов, их сумма. Никакого перерыва нет, никакого перехода к новому качеству, существенно отличающемуся от старого, которое его, правда, производит, нет. Поэтому социализм врастает в капитализм, представляя лишь количественное видоизменение его.

Механический материализм знает одну лишь форму движения — перемену места, к чему и сводятся решительно все явления. Качественных изменений, по самому существу своему, с этой точки зрения не допускается [2]).

---

[1]) Ленин, Там же, стр. 12.

[2]) Я позволю себе сделать здесь еще нижеследующую приписку и привести кое-какие цитаты из Г. Плеханова. Отрицание категории качества и признание одних количественных непрерывных изменений объясняют «изменения уже возникших вещей, — как говорит Плеханов, — а не возникновение новых». В своих статьях против Струве, выдвинувшего Канта против «формулы» Гегеля, Г. В. Плеханов дает следующее раз'яснение, которое бьет и наших современных механистов: «Всякое изменение, — говорит он там, — ...возможно только в силу непрерывного действия причинности. ...В явлении нет различия реального так же, как ни одно различие в величине времен не есть самое меньшее; таким образом возникает новое состояние реальности из первого, где его не было (курсив мой. — *А. Д.*), через все бесконечные степени его, все различие которых друг от друга всегда бывает меньше, чем различие между О и А».

Субстанция едина; вследствие изменения ее, т.-е вследствие ее движения, возникают различные состояния субстанции, при чем новое состояние возникает из первого, предшествующего состояния той же субстанции. В этом смысле действие причинности непрерывно, и всякое изменение возможно только в силу непрерывного действия причинности. Но следует различать только количественное изменение данного состояния субстанции от нового состояния субстанции из первого, где его не было, т.-е. качественное изменение ее.

В своих возражениях Струве, отстаивавшему количественную точку зрения в целях отрицания революции, качественных изменений и проч., Плеханов аргументирует так: «У Канта (на которого опирался Струве. — *А. Д.*), — говорит он, — речь идет о состояниях, различающихся одно от другого только по величине. Что представляет собою ряд последовательных состояний, отличающихся друг от друга только по величине? Он представляет собою ряд количественных изменений. Кант говорит, что этот ряд непрерывен в том смысле, что скачки в нем немыслимы. Допустим, что это правда. Но какое

Диалектический материализм отвергает применение «масштаба механики» ко всем явлениям природы и общества. Энгельс считал, что законы механики в биологических, скажем, явлениях хотя и продолжают действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами. Он признавал, стало быть, и единство, и специфичность явлений различных областей действительности в зависимости от различных форм движения.

Тов. Тимирязев гордился здесь тем, что он, мол, и не думает применять механику к общественным явлениям. Но ведь это делают уже его единомышленники — это во-первых. А во-вторых, то обстоятельство, что т. Тимирязев на этот путь не вступил, доказывает только его непоследовательность.

Здесь кто-то из очень «ученых» людей крикнул мне, что марксизм противоречит науке. Ведь даже проф. Самойлов, который в общем относится отрицательно в диалектическому материализму, вынужден был признать, что диалектика дала возможность Энгельсу сделать ряд удивительных предвосхищений в области есте-

---

отношение имеет это к вопросу о том, возможны ли скачки при переходе количественных изменений в качественные? Ровно никакого: этот вопрос вовсе не решается тем, что мы узнали у Канта насчет невозможности скачков в непрерывном процессе изменений количества. Выше мы отметили, что, по словам самого г. П. Струве, «формула» Гегеля тоже указывает на непрерывный характер изменений. Теперь мы можем прибавить, что она признает изменения непрерывными именно постольку, поскольку они остаются количественными. Но она об'являет скачки неизбежными при переходе количества в качество. Если Струве хотел опровергнуть Гегеля, — а с ним и правоверных марксистов, — то ему надо было направлять свои критические удары как раз в это самое место. Ему надо было показать, что количество не переходит в качество, или если и переходит, то никакого скачка при этом не бывает и быть не может». Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, стр. 214—245.

Читатель видит, что наши механисты и в этом вопросе ушли недалеко от Струве, опиравшегося в своей критике марксизма, между прочим, и на Канта, который ведь также был, подобно многим идеалистам, механистом и количественником в области «феноменов», но идеалистом и качественником в области ноуменов.

Далее, по вопросу о возникновении новых состояний субстанции, или реальности, Плеханов продолжает свою аргументацию в следующей форме. «Далее Кант говорит, — пишет он, — что данная величина реальности возникает, проходя через все меньшие степени, лежащие между предельными моментами изменения. Но какое возникновение, возникновение чего имеет он в виду? На этот вопрос он отвечает категорически: возникает не субстанция, количество которой в природе всегда остается неизменным, а только новое состояние субстанции. Хорошо. Примем это к сведению и спросим себя: разве возникновение нового состояния (субстанции) есть единственно мыслимое возникновение? Разве не может возникнуть новое отношение (между частями субстанции)? Не только может возникнуть, но и беспрестанно возникает. И не только беспрестанно возникает, но и должно беспрестанно возникать вследствие тех самых изменений состояния субстанции, о которых Кант, собственно, и говорит, т.-е. вследствие ее движения. Именно это возникновение новых отношений (курсив мой. — *А. Д.*) и есть та область, в которой количество переходит в качество, а «непрерывное изменение» приводит к «скачкам». Г. В. Плеханов (там же, стр. 245).

В другом месте Г. В. Плеханов раз'ясняет вопрос о возникновении нового качества и отношение его к количественным изменениям в следующей форме: «Когда метафизики говорят о возникновении какого-нибудь явления или общественного учреждения, они представляют дело так, как будто это явление или учреждение было когда-то очень маленьким, совсем незаметным, а потом постепенно подрастало. Когда речь идет об уничтожении того же явления или учреждения, предполагается, наоборот,

ствознания. Каждый, прочитав несколько популярных книжек по естествознанию и узнав оттуда, что существует механика, начинает болтать «от имени науки» всякий вздор и читать не только нам, но и Энгельсу всевозможные нотации.

Однако современная наука не исчерпывается теми представителями, которые здесь выступали или которые говорят, что марксизм противоречит науке. Вступил ли Энгельс в противоречие с современной наукой? Не только не вступил в противоречие, но до известной степени предвосхитил развитие современной науки. Пришла ли современная наука в противоречие с материалистической диалектикой? Разумеется, нет. Напротив, современная наука — и в частности естествознание — чем дальше, тем больше подтверждает правильность диалектического материализма.

Мы знаем, что и Ленин отстаивал необходимость проникновения естествознания диалектикой. Он, между прочим, еще в 1908 г. в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» развивал, на основании новых физических данных, тот взгляд, что механика не применима ко всем областям явлений, что она имеет свои пределы даже в физике, что механика, словом, является лишь специальным случаем электромагнетизма. Как обстоит дело с механикой ныне? Можем ли мы сказать, что электродинамика и термодинамика сведены к механике? Мы знаем, что А. Эйнштейн делает попытку синтезировать механику с динамикой. Но и в динамике остается противоположность между электродинамикой и термодинамикой. Если вы возьмете об'емистый том из серии «Kultur der Gegenwart», посвященный физике, то вы оттуда узнаете кое-какие любопытные вещи, которые не только не опровергают Энгельса, а всецело подтверждают его теоретико-диалектические взгляды. Имейте в виду, что «Kultur der Gegenwart» считается самым авторитетным научным изданием.

«В средине прошлого века, — читаем мы там, — полагали возможным сведение всех форм энергии к одной форме. Механика играла исключительную роль, и физика считала, что все виды энергии сводятся к единой, т. е. механической форме. Поэтому тогда были убеждены, что в конечном счете все процессы следует рассматривать как механические.

постепенное его уменьшение, продолжающееся до тех пор, пока явление станет совсем незаметным в силу своих микроскопических размеров. Понимаемое таким образом развитие ничего ровно не об'ясняет: оно предполагает существование тех самых явлений, которое оно должно об'яснить, и считается лишь с совершающимися в них количественными изменениями.

Немецкая идеалистическая философия решительно восстала против такого уродливого понятия развития. Гегель язвительно осмеивал его и неопровержимо доказал, что в природе и в человеческом обществе скачки составляют такой же необходимый момент развития, как и постепенные количественные изменения (Г. В. Плеханов, Сочинения т. VII, стр. 121).

Таким образом, возникновение нового качества неразрывно связано с перерывом, со скачком и не может быть сведено к постепенным количественным изменениям... Что же сказать после этого о наших механистах-количественниках, считающих отличительной характерной особенностью диалектики непрерывность? Что они чистейшие метафизики, как говорит Плеханов, — это ясно само собою. Но что эта метафизическая точка зрения ведет к полному извращению марксизма, ведет к худшему виду ревизионизма, — это, к сожалению, не для всех еще ясно.

«Ныне же мы можем с уверенностью сказать, что это убеждение нельзя признать выдерживающим критику» [1]).

В другом месте говорится, что «современные физики все без исключения согласны, что законы механики недействительны для быстрых движений малых масс» [2]). Макс Планк в своей статье в этом же томе так изображает современное состояние физики: «Физика имеет своей задачей овладеть, помимо процессов движения, еще большим количеством других явлений... Развитие механики привело к электродинамике, которая обособилась от механики в самостоятельную дисциплину и теперь, в свою очередь, оказывает сильнейшее влияние на механику» [3]). Теория относительности, — говорит он, — пытается об'единить механику с электродинамикой в «динамику», подчиняя ей в известном смысле механику... Но после этого остается еще противоречие между динамикой и термодинамикой. Прежде всего почти не поддается динамическому об'яснению присущий всем явлениям тепла характер необратимости. В то время как все термические и химические процессы идут в одностороннем направлении, т.-е. необратимы, — динамические процессы, как механические, так и электродинамические, обратимы, т.-е. могут протекать во времени вперед и назад [4]). В своих «Физических очерках» М. Планк заявляет, что, «введя статистический метод в свои исследования, физика отказалась от полного проведения даже механики атомов» [5]). Помимо механического движения, перемены места, перемещения, существуют процессы превращения и проч. Вы видите, что дело обстоит вовсе не так просто, как это изображают наши противники. Даже в области физики дело обстоит гораздо сложнее, чем думают механисты. К сожалению, здесь не место вдаваться в подробности на этот счет, ибо это сложные вопросы, которые потребовали бы от нас слишком много времени. Но я прошу тех, кто говорит, что диалектический материализм, марксизм, противоречит современной науке, чтобы они нам сказали: где, в чем, в каких частях? — тогда мы будем с ними разговаривать. Но я заранее утверждаю, что марксизм — как в общефилософских своих предпосылках, как в области общей методологии, так и в социологической своей части всецело подтверждается ежедневно жизнью и наукой.

Мне остается в этой связи сказать еще несколько слов по вопросу о движении вообще. Один из очень прытких наших оппонентов, знаменитый отныне т. Перов, упрекал меня за то, что я считаю движение атрибутом материи. «Я бы лучше сказал, — говорит наивно т. Перов, — что движение есть свойство материи». Я не буквоед и за слова не цепляюсь. Но ведь дело не в словах. Прежде всего должен заметить, что и этот грех — не мой личный грех. Если уж кто согрешил, то это — прежде всего Энгельс, который в «Диалектике природы» говорит о движении как атрибуте материи. Но прав ли Энгельс? Не «напутал» ли здесь старик? Нет, не напутал, он совершенно прав. Ибо свойство может быть чем-то случайным, внешним, между тем как движение есть форма существования материи. Нет материи без движения, как нет дви-

1) «Physik», стр. 283.
2) Там же, стр. 294.
3) Там же, стр. 817.
4) Там же, стр. 819.
5) М. Планк, Физические очерки, русск. пер., стр. 30.

жения без материи. В этом смысле движение является атрибутом, т.-е. формой существования материи. Оно неотделимо от материи, составляет с ней неразрывное единство. Это и хотел выразить Энгельс.

XI

Теперь разрешите перейти к заключительной части моего слова, а именно к намечению стоящих перед нами теоретических задач. Я не могу входить уже в оценку текущего исторического момента, с которым эти задачи связаны и из которого эти задачи вытекают. В двух словах позволю себе сказать следующее. Наша эпоха характеризуется колоссальными революционными процессами, с одной стороны, и в известном смысле связанной с ними небывалой революцией в области естествознания — с другой. Эти события требуют осмысливания. Мы стоим перед новым грандиозным научным синтезом, который возможен только на почве марксистского метода, на почве материалистической диалектики. Мы не можем ныне, при крайне усложнившихся условиях жизни, которая ставит нас перед новыми задачами строительства социализма или борьбы рабочего класса в новой обстановке, довольствоваться только добытыми прежним поколением революционных марксистов результатами. Нам необходимо развивать и углублять марксистскую логику, разрабатывать марксистский, т.-е. диалектический метод, который даст нам возможность лучше, глубже и всесторонне понимать новую ситуацию. Нам необходимо оттачивать то незаменимое оружие, которое мы получили от наших учителей и которое поможет нам также в идейной борьбе со всеми враждебными марксизму течениями мысли.

Я уже указывал в первом своем слове, что несколько десятков лет тому назад мы боролись главным образом за материалистическое мировоззрение против идеализма. В связи с этим на первый план выдвигались тогда вопросы теории познания. В переживаемую же нами эпоху первое место в нашей теоретической работе принадлежит проблемам методологии. Это, конечно, отнюдь не значит, что вопросы мировоззрения или теории познания нами устраняются. Напротив того, эти вопросы должны подвергнуться, с нашей точки зрения, более углубленной разработке, но в связи и в зависимости главным образом от материалистической диалектики, которой предстоит еще охватить и переработать большой новый материал, доставляемый как естествознанием, так и обществознанием.

Ленин, характеризуя марксизм на основании переписки Маркса и Энгельса, писал:

«Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии с оснований ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот что они вносят наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [1]).

---

[1]) Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 89—90.

В чем же, спрашивается, может состоять дальнейшее развитие марксизма? В продолжении тех самых задач, которые ставили себе Маркс и Энгельс и которые никогда не могут быть завершены и исчерпаны, ибо наука и жизнь продолжают развиваться. Разумеется, никто не обольщается утопической надеждой, что эта задача может быть разрешена даже для нашего времени одним человеком или в один день. Нет, это — задача целого поколения, ныне нашего поколения, и мы должны ее делать.

Итак, прежде всего мы стоим перед необходимостью разработки материалистической диалектики, перед необходимостью создания теории диалектики на основе трудов Гегеля, Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина. Казалось бы, против этого возражать невозможно. А между тем наши противники против разработки проблем диалектической логики, против разработки марксистской методологии ведут отчаянную борьбу. Мало того, на этой почве образовался, как я уже говорил, единый фронт махистов — бывших и настоящих — фрейдистов, эмпиристов и механических материалистов [1]).

Надо сказать, что, помимо логики «внешней», здесь есть и логика «внутренняя». Ибо в отношении метода махисты всегда были механистами, а с другой стороны, среди материалистов всегда были такие, которые, хотя и говорили о диалектике, но по существу всегда были механическими материалистами.

Таким образом, могло случиться то, что действительно случилось: когда от вопросов материализма и идеализма перешли к углублению марксизма, к вопросам методологическим, единый фронт материалистов распался, и механические материалисты заключили блок с явно выраженными идеалистами, прикрывая различные виды идеализма.

Вторая основная задача, стоящая ныне перед нами, это — подведение под естествознание фундамента материалистической диалектики, — метода диалектического материализма. Здесь, как и в области теоретической диалектики, мы также имеем проделанную уже нашими учителями — и в первую очередь Энгельсом и Лениным — большую работу, так что нам строить приходится не на голом месте. Но работа здесь предстоит все же огромная, так как и здесь приходится преодолевать сопротивление не только явных противников марксизма, но и части самих «марксистов», находящихся в этой области всецело под влиянием «традиции», в плену у буржуазной мысли. Недаром т. Тимирязев советует нам учиться диалектике не у Гегеля, Энгельса и Ленина, а у физика Дж. Томсона. А т. Аксельрод, как вы помните, советовала нам оставить естественников в покое. Они, мол, делают свое дело, и вам не следует туда соваться. Мы не можем следовать таким «мудрым» советам. Мы считаем крайне важным и необходимым проникновение метода материалистической диалектики в естествознание; мы считаем очередной задачей марксистов усвоение и переработку, путем применения материалистической диалектики, всего огромного фактического материала естествознания, что даст возможность поднять диалектический материализм на новую ступень, что приведет к значительному приращению оставленного нам

[1]) Некоторые из них уже договорились до того, что марксизм представляет собою только синтез утопического социализма и классической политической экономии. А мы-то «наивно» поверили Марксу и Энгельсу, что метод диалектического материализма сыграл в этом синтезе существеннейшую роль!

наследства. Эта задача приобретает, между прочим, большое значение в виду делаемых уже даже марксистами попыток ликвидировать диалектический материализм в пользу «современного естествознания» [1]). Вот почему идейно и даже организационно необходимо осуществить настоящий тесный союз марксизма с естествознанием и марксистов-философов с марксистами-естественниками.

Третья задача нашей эпохи сводится к применению материалистической диалектики ко всем жгучим проблемам современности в области общественной жизни, которая ставит перед нами новые задачи. Говоря иначе, применение материалистической диалектики к историческим проблемам, проблемам революции, диктатуры пролетариата, к нашему хозяйственному строительству, к политике и тактике рабочего класса вообще — вот что выдвигается в том разрезе, который носит название исторического материализма [2]).

Таковы те грандиозные положительные задачи, задачи строительства в области теории марксизма, которые выдвигаются современной революционной эпохой. Этим историческим задачам должна быть подчинена и наша научно-исследовательская и преподавательская работа. Очерченные мною задачи являются, мне кажется, истинным завещанием Ленина в области теории марксизма, как оно изложено им в статье «О значении воинствующего матéриализма». Это — задача целого поколения. И если мы все будем работать в этом направлении, то, быть может, нам или тем, кто придет после нас, удастся поднять диалектический материализм на новую, более высокую ступень.

Помимо намеченных положительных задач, мы не должны ни на минуту упускать из виду необходимость постоянной борьбы с враждебными марксизму направлениями, со всеми ревизионистскими и ликвидаторскими течениями, просачивающимися так или иначе в лагерь марксизма.

Когда т. Аксельрод, выступая здесь, указывала, как на свою заслугу, что она некогда боролась с кантианством, то мы на это отвечаем: мы признаем эту вашу заслугу, но это было двадцать или двадцать пять лет тому назад. Между тем жизнь не стоит на месте. За это время — и в особенности за последние десять

---

[1]) Ни для кого не секрет, что «современное естествознание» проникнуто насквозь идеологическими моментами, иначе говоря, что оно покоится, сознательно или бессознательно, на определенных философских, т.-е. общеметодологических и теоретико-познавательных предпосылках. Неужели же для марксистов не ясно, что борьба за диалектический материализм в этой плоскости имеет огромное значение, тем более, что результаты естествознания, в свою очередь, имеют огромное влияние на выработку общего мировоззрения.

Что же мы видим в настоящее время? С одной стороны, говорят нам, что диалектический материализм конкретизируется в современном механическом естествознании; с другой же стороны, делаются попытки растворить диалектический материализм в определенных направлениях современного естествознания, например, в теории относительности. В том и в другом случае диалектический материализм ликвидируется.

[2]) Само собою разумеется, что на-ряду с очерченными основными задачами в области теоретической (и практической) работы, необходимо еще подчеркнуть примыкающие сюда как проблемы идеологии, так и вопросы, касающиеся генезиса марксизма. Я имею в виду историю материализма и диалектики, переработку истории науки и философии с точки зрения марксизма.

лет — выросло множество новых не только ревизионистских, но и прямо ликвидаторских группировок. Что же вы делали или делаете для борьбы с ними? Вы не только палец о палец не ударили для борьбы с ними, но, напротив того, сами примкнули к такой группировке, а бороться считаете нужным с нами, между тем как мы, в меру наших сил и возможностей, ведем работу по намеченным разрезам и можем отметить кое-какие успехи.

Ваша же работа, работа вашей группировки — бесхарактерной, беспринципной, разношерстной — направлена ныне на борьбу с ортодоксальным марксизмом. В целом ряде пунктов ваша «критика» примыкает к «критике» западно-европейских ликвидаторов марксизма. Ваши выступления здесь носили определенно ликвидаторский характер, и поэтому мы вас и будем квалифицировать как ликвидаторов марксизма и будем вести против вас беспощадную борьбу.

Г. БАКАЛОВ

РУССКИЕ ДРУЗЬЯ ХРИСТО БОТЕВА

(К пятидесятилетию со дня смерти)

Христо Ботев — крупнейшая фигура болгарского революционного движения полсотни лет тому назад. В борьбе за национальное освобождение болгар от иноземного ига Ботев прозрел социальные причины этой борьбы и направлял ее не только против деспотического управления турецкого султаната, но также и против собственных болгарских «буржуев» («чорбаджии») и духовенства. Он является предтечей коммунизма в Болгарии.

Его отец, известный в Болгарии просветитель, учитель Ботю Петков, учился в России, переводил книги с русского языка и находился в переписке с В. И. Григоровичем, который во время своего путешествия по Балканскому полуострову в сороковых годах прошлого столетия завернул и к Ботю Петкову, жившему в городке Калофере. С малолетства Христо Ботев выучился у отца по-русски. И когда отцу удалось послать 15-летнего сына, в 1863 году, учиться в одесскую гимназию, молодой Ботев уже свободно читал по-русски.

Революционно настроенный еще в Болгарии, Ботев быстро нашел подходящую идейную пищу в передовой русской литературе шестидесятых годов. Духовно он вырос на сочинениях Чернышевского и посвятил идеям социализма свою жизнь. Его идейное развитие шло параллельно с развитием русских революционных народников. Ботев является связующим звеном между болгарским революционным движением и русским. Он был вполне русским по своему духовному облику.

Однако связи Ботева с русским революционно-социалистическим движением — не только идейные связи. Он не только выработал свое мировоззрение благодаря русской революционной литературе. Попав в вихрь революционной борьбы, сделавшись потом центром ее болгарской ветви, Ботев не мог остаться чужим для тех революционных деятелей других наций, с которыми его столкнула судьба. Интернационалист по своим взглядам, Ботев в эмиграции жил в кружке интернационалистов, а в эмиграции, в различных городах Румынии, провел почти восемь лет, с конца 1867 г. до 16 (29) мая 1876 г. В этом году он со своей четой сел на пароход «Радецкий» для того, чтобы перейти на болгарский берег Дуная; здесь он пал в сражении с турками в горах. В его чете находился один русский, тоже погибший с ним.

О революционных связях Ботева в Одессе, — где он учился в гимназии, пока его не исключили за крамольные убеждения, — ничего не известно. Потом

Ботев на короткое время, — на несколько месяцев, — сделался учителем в деревне Задунаевке, в русской в то время (в 1867 г.) Бессарабии. Первый биограф Ботева, Захарий Стоянов, рассказывает, что в Задунаевке его посетил какой-то русский «нигилист» «Иван Иванович». Но это сообщение нельзя считать достаточно обоснованным.

После России Ботев проживал все время в Румынии. Там в то время еще не было самостоятельного социалистического движения. Меньше чем за год до смерти Ботева в лавристском журнале «Вперед» была помещена корреспонденция из Румынии, где было сказано, что «только социальная революция может и нас, румын, вывести на светлую дорогу счастья и довольства рабочих; только она с корнем вырвет и уничтожит и среди нашей национальности класс привилегированных эксплоататоров трудящегося населения». Однако, «к глубокому горю тех, кто любит румынского работника, здесь, у пас, в так называемой «свободной» Румынии, нельзя насчитать и пяти человек, верующих в эту истину, исповедующих ее и действующих соответственно ей... Их нет еще у нас... Их надо создать» [1]).

Пионерами социализма в Румынии явились русские эмигранты, — эти «немногочисленные румынские социалисты». Были и такие русские эмигранты, которые временно проживали в Румынии, не вмешиваясь в ее дела. И с теми, и с другими Ботев находился в связи, с некоторыми из них он был в самых близких отношениях, одного из пих он называет «мой старый соученик», а тайну другого, по словам его биографа Захария Стоянова, Ботев унес в могилу...

Биографы Ботева упоминают несколько имен: А. Шапченко, Петровский, Иван Иванович и Гримарди Флореско; о других они не знали до недавних пор, пока не всплыло имя Сергея Геннадиевича Нечаева. Кроме того, нам удалось установить дружеские отношения Ботева еще с Доброджану-Гереа, Зубку-Кодреану и доктором Русселем.

1. А. Шапченко

О нем, по рассказам Велико Попова, здравствующего поныне приятеля Ботева, мы знали, что он был «не очень интеллигентным» украинцем.

Теперь, после опубликования воспоминаний Димитра Паничкова [2]), мы знаем Шапченко ближе. Паничков, который хорошо знал Шапченко, рассказывает, что он был русским (а не украинцем), рабочим-машинистом на железной дороге Нижний-Новгород — Одесса. Болгарский воевода повстанческих чет Филипп-Тотю послал из Одессы этого «русского из нигилистической компании» к Ботеву в Браилов. Ботев устроил Шапченко в типографии Паничкова, в которой работал сам, набирая свою газету «Дума на б'лгарските емигранти» (Слово болгарских эмигрантов). Паничков рассказывает, как он подслушал разговор на русском языке Ботева и Шапченко об устройстве экспроприации богатого болгарина-купца Петраки Симова, злоупотребившего деньгами, предназначенными на революцию. После раскрытия их плана обоим, Ботеву и Шапченко, удалось скрыться. Потом Шапченко работал в типографии Любена Каравелова в Бухаресте. После знамени-

---

[1]) «Вперед». Двухнедельное обозрение. № 12, 1 июня 1875 г., стр. 381.

[2]) В книге: «Христо Ботев. Неизвестни произведения». Уводна статия и бележки от Мих. Димитров. София 1924.

того в истории болгарского революционного движения разрыва Ботева с Каравеловым, Шапченко оказался на стороне Ботева, и Каравелов его уволил из типографии. Шапченко снова оказался у деда Паничкова, которому помогал в типографии; кроме того Шапченко сотрудничал в его юмористической газете «Хитрый Петр». Паничков потерял Шапченко из виду после того, как тот пошел искать работу по липованским деревням [1]).

2. Петровский

Относительно Петровского русский биограф Ботева, тов. Евгений Волков, предполагает с большой вероятностью, что это был приятель Нечаева — Владимир Серебренников [2]). Упомянутый выше дед Паничков пишет, что после того, как «русские шпионы узнали, что Нечаев и Петровский находятся в Браиле», он, вместо того, чтобы соблазниться предложенными ему четырьмя тысячами рублей и выдать их, «выправил им паспорта как на сербских учеников»; с этими паспортами Нечаев и его друг «Петровский» (вероятно, Владимир Серебренников) уехали в Цюрих [3]).

3. Сергей Нечаев

О знакомстве и встрече Нечаева с Ботевым биографам Ботева ничего не было известно. В русской литературе тоже не имелось никаких указаний. Лишь тов. Е. З. Волкову удалось, в его тщательных розысках связей Ботева с русскими революционерами, напасть на указание Димитра Паничкова о знакомстве этих двух знаменитых революционеров [4]). Тов. Волков правильно ставит Нечаева у решающего поворота в жизни Ботева и приписывает ему могучее влияние на окончательное оформление Ботева как активного революционера. Однако тов. Волков ограничивает связи Ботева и Нечаева их случайной встречей — в продолжение 12—14 дней — в августе 1869 г., когда Нечаев отправлялся в Россию через город Измаил, в котором Ботев в то время был учителем болгарской школы. Продолжая исследование тов. Волкова в этом направлении, мы установили, что Нечаев снова приезжал в Румынию в мае или июне 1871 г. и оставался там, в ближайшем общении с Ботевым, весь этот год, до тех пор, пока царскому правительству стало известно о его пребывании в Румынии и оно сделало нажим на румынское правительство на предмет выдачи Нечаева, что заставило последнего в начале или к весне 1872 г. уехать из Румынии. Таким образом, по нашему мнению, Нечаев был в Румынии два раза: первый — только проездом, на несколько дней, через Измаил в Москву, в конце августа 1869 г.; второй раз он прожил в Румынии около десяти месяцев (большую часть 1871 и часть 1872 года).

Нам удалось установить длительное пребывание Нечаева в ботевской среде в Румынии благодаря раскрытию псевдонима Ивана Ивановича и Грimарди Флореско: за этими двумя именами скрывался Сергей Нечаев.

---

[1]) Липованами назывались русские старообрядцы, жившие за границей, преимущественно в Румынии.

[2]) Е. З. Волков, Христо Ботев. На заре балканского революционного коммунизма. Госиздат. 1923 г., стр. 99.

[3]) Там же, стр. 99—100.

[4]) Первое издание книги Волкова о Ботеве вышло (на русском языке) в Софии в 1921 г.

Вырвавшись, по Сажину [1]), из Парижа, — где его застала осада во время франко-прусской войны, — уже после снятия осады, в конце января, а, по Мерингу [2]), пробыв даже время Коммуны в Париже, — Нечаев, преследуемый везде на Западе, особенно с наступлением реакции после поражения Коммуны, вспомнил своих старых болгарских друзей в Румынии и поехал к ним, чтобы там укрыться и в то же время быть ближе к России. В конце мая или начале июня 1871 года Нечаев приезжал опять к Ботеву в Измаил. Там они уединились на маленьком рыбацком островке па Дунае, обдумывая будущую свою революционную работу. Ботев очень любил вспоминать те несколько дней, которые он провел с Нечаевым (с «Иваном Ивановичем») на рыбацком островке, — ведь это был решающий поворот в его жизни. Спорадически занимаясь до тех пор революционной деятельностью, Ботев после встречи с Нечаевым на островке Дуная окончательно с головой бросается в вихрь революции. На рыбацком островке Нечаев посвятил его в рыцари революции.

Там, в личном общении с Нечаевым, Ботев пишет свою страстную «Борьбу» против бессмысленного уклада жизни, против богатых глупцов и подлых служителей бога, толкующих, будто начало мудрости — божий страх.

В овечьих шкурах волчье стадо
Сдавило этой ложью нас,
Чтоб, жертва гибельного яда,
Наш разум иссякал и гас.

«Соломон, этот развратный тиран,... такую глупость изрек когда-то: бога вы бойтесь, царя любите!»

Святая дурь! За веком век
Боролась с нею совесть... Тщетно:
Привык к неволе человек
И плетку сносит безответно.

Пред ликом зла преступно слаб,
Он с верою целует руку
Кумиру лживому и, раб,
Покорно принимает муку.

Когда его ведут сквозь строй,
Когда с него сдирают кожу,
Он шепчет: «Телом и душой
Греховен я. Помилуй, боже!»

Негодование кипит в душе поэта и не находит выхода. Ботев нашел этот выход в революционной борьбе и спустя четыре года печатает «Борьбу» с новым финалом, указывающим выход из этого «царства кровавого, грешного, царства подлости, разврата и слез, царства печали и бесконечного зла» в кипучей борьбе, идущей быстрыми шагами к священному концу: «хлеба иль свинцу!»

На том же островке Ботев задумал свою «Молитву» к богу разума, защитнику рабов, которого скоро будут почитать все народы. Этого бога поэт умоляет

---

[1]) М. П. Сажин (Арман Росс). Воспоминания. Москва 1925, стр. 64—75.

[2]) Fr. Mehring, Karl Marx. Geschichte seines Lebens. Lpz. 1920.

вдохновить всякого любовью живою к народу, чтоб боролся с врагами народа. Укрепи, — говорит он, — и мою руку, чтобы в восстании рабов нашел я и мою могилу.

Не дай, мой бог, чтоб хладный лед
Проник мне в сердце на чужбине,
И мой призыв да не замрет,
Как глас, взывающий в пустыне.

Обдумав свою будущую работу, оба молодых революционера бросают Измаил, — Ботев не кончив учебного года в школе, — и перебираются в Браил. Там «Иван Иванович» исчезает, и вместо него появляется «Гримарди Флореско». Нечаев носится с мыслью завести связи с Россией, посылает с этой целью Паничкова в Одессу с письмами к штабс-капитапу Шатунову, и, по всей вероятности, не раз. А Ботев начинает издавать газету «Дума на б'лгарските емигранти», чтобы влиять на болгарскую революционную партию в социалистическом духе. Еще во втором номере «Думы» он пишет свою горячую апологию Парижской Коммуны, — тоже не без влияния Нечаева. Чтобы создать средства для революционной работы, Нечаев осуществляет так напугавшую Бакунина идею создания экспроприаторской четы и совершает, вместе с Ботевым, ряд экспроприаций в Браиле и Галаце. В этих двух городах в то время проживал Ботев.

Бывал Нечаев и в Бухаресте, что видно из его письма к Бакунину, о котором Арборе-Ралли сообщил Е. З. Волкову. Там он встречался с болгарским революционным публицистом Любеном Каравеловым; в своем письме он в теплых тонах обрисовывает образ Каравелова и его жены Наталии, говоря об их стоической жизни в Бухаресте; о том, с каким философским спокойствием переносят они все лишения и как, работая вдвоем, они сами набирают и печатают свою газету, подбадривая себя песней «о чистой совести, необходимой для борца за свободу, и о толстой палке для подлецов» [1]).

О пребывании Нечаева в Румынии узнал и русский посол в Бухаресте Зиновьев. Когда турецкое правительство потребовало у румынского правительства высылки Каравелова, и болгаре обратились к Зиновьеву с просьбой заступиться за Каравелова, он резко им отказал, говоря, что не может заступиться за человека, находящегося в связи с Нечаевым.

Под давлением царского правительства дружба Ботева с Нечаевым была резко прервана: Нечаев бежал в Швейцарию, а Ботев просидел три месяца в тюрьмах: в Фокшане, Галаце и Браилове.

Влияние Нечаева на Ботева заключалось в том, что он, во-первых, помог выявлению в нем революционной энергии; во-вторых, Нечаев помог Ботеву скорее проделать эволюцию от нигилизма шестидесятых годов к революционному народничеству семидесятых годов. После Нечаева, Ботев принадлежал уже исключительно и безраздельно только делу революции [2]).

---

[1]) Е. З. Волков, Христо Ботев. Издание 2-е, стр. 103.

[2]) Изучая в Центрархиве архив царских посольств в Румынии, мы нашли о Флореско сведения, запутывающие до некоторой степени вопрос об его тождестве и с Нечаевым. В специальной работе о Нечаеве мы эти сведеиян подвергнем детальному анализу.

4. Константин Доброджану-Гереа

Константин Кац, народник, из кружка Ковалика, спасся бегством в Румынию, где и переименовался в Доброджану-Гереа. Во время русско-турецкой войны царская полиция вызвала его обманом в Констанцу, откуда его после ареста переправили в Петропавловскую крепость, как причастного к «большому» процессу 193-х. Его приговорили к вечной ссылке в Мезень, но по дороге ему удалось бежать на рыбацком судне в Норвегию. Осенью 1879 г. Доброджану-Гереа оказался снова в Румынии, где сделался румынским гражданином, не переставая интересоваться делами русского революционного движения. В Румынии Доброджану-Гереа, проживший до 1920 г., сделался основателем и теоретиком социалистической партии, а также основателем румынской литературной критики. Его статьи переводились на французский и болгарский языки [1]).

На этого крупного человека Ботев произвел, — как нам писал много лет тому назад сам Доброджану-Гереа, — очень сильное впечатление.

5. Николай Петрович Зубку-Кодреану

Ниже мы печатаем письмо доктора Н. Русселя, в котором говорится о Зубку-Кодреану как о ближайшем друге Ботева, с которым у него не было никаких теоретических разногласий.

Кто этот Зубку-Кодреану? Никто из биографов Ботева не знает его и не говорит о нем ни слова. По словам тов. Х. Г. Раковского, Зубку-Кодреану стоит во главе «первых пионеров социализма в Румынии», — доктора Русселя, Замфира Арборе-Ралли и Доброджану-Гереа, — перенесших его из России [2]).

Когда-то, вероятно сейчас же после смерти Зубку-Кодреану, вышел в заграничном издании небольшой очерк его жизни, написанный, насколько помнится, Арборем-Ралли. Потом он был переведен на болгарский язык. Из этого перевода мы заимствуем сведения о жизни Зубку-Кодреану.

Родился он в 1850 г. в деревне Кишеневского уезда, в семье дьячка; учиться его отдали в Кишиневскую семинарию. То было время сильного увлечения молодежи Белинским, Чернышевским, Добролюбовым и Писаревым. Свободолюбивые идеи русских просветителей ворвались и в стены бессарабской семинарии. Зубку-Кодреану становится тесно в семинарии. В 1870 г. он бросает ее и уезжает в Петербург, где поступает в медицинскую школу, зарабатывая уроками свой хлеб. Там он становится сознательным социалистом.

Закончить медицинское образование ему, однако, не удалось, так как и его захватила волна «хождения в народ». Он бросает экзамены и, по поручению одного социалистического кружка в Москве, возвращается в Бессарабию, имея задачей устроить переправу революционной литературы через румынскую границу.

---

[1]) Подробнее о Доброджану-Гереа см. статью тов. Л. Троцкого в книжке его и Х. Раковского, «Очерки политической Румынии». Москва 1922 г., стр. 69—78.

[2]) Х. Г. Раковский, История социализма в Румынии (в румынской газете «Lupta», переведено в болгарской газете «Работнически Вестник», от 17 мая 1915 г.).

Может быть, его позднейшая близость с Ботевым — в 1875—76 гг. — обязана именно их знакомству при выполнении одного дела: ведь и Ботев переправлял литературу в Россию. Возможно, что Ботев получал ее из-за границы, а Зубку-Кодреану отсылал в Россию. Понятно, это могло быть только в том случае, если они работали на одном и том же пункте. А вероятность этого большая, так как контрабандная переправа книг не была очень обширной.

В Кишиневе Зубку-Кодреану организует кружок пропаганды социализма среди молодежи. Он находился в близких отношениях и с молодежью в Яссах.

Осенью 1874 г., после того как он устроил и передал в надежные руки переправу книг, Зубку-Кодреану возвратился в Петербург. Но там, проболев несколько месяцев в клинике, он должен был скрыться, так как полиция интересовалась им: он принужден в начале 1875 г. вновь направиться в Румынию.

Как нам уже известно, в то время в Румынии не было никакого социалистического движения. Даже три года спустя Н. Драгош (вероятно, сам Зубку-Кодреану, так как он был корреспондентом журнала) пишет в женевской «Общине», что социалистическая пропаганда в Румынии еще не началась и что немногочисленные румынские социалисты только пытаются организоваться [1]).

Зубку-Кодреану мог сойтись только с несколькими идейными товарищами, между которыми были Ботев, доктор Руссель (который около того же времени, в 1875 г., приехал в Бухарест), а позже и Доброджану-Гереа. В приведенной уже статье тов. Х. Г. Раковского сказано, что дом, в котором жил Гереа, сделался «центром пропаганды»: туда заходили и двое болгар: Христо Ботев и Стефан Стамбулов.

В поисках помощников по пропаганде социалистических идей Зубку-Кодреану часто писал одному соотечественнику-эмигранту в Женеве (вероятно, Арборе-Ралли) и приглашал его приехать в Румынию.

Являясь сторонником бакунистского Интернационала, Зубку-Кодреану следил за «Бюллетенем Юрской Федерации», а когда в 1877 г. начал выходить «Рабочий» («Le Travailleur»), он стал его сотрудником и распространителем.

Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. Зубку-Кодреану, уже окончивший университет в Бухаресте и занимавшийся медициной, организовал распространение «Общины» и другой революционной литературы среди русской армии. Преследуемые царскими шпионами, Зубку-Кодреану и Арборе-Ралли, который тоже приехал и поселился в Румынии, принуждены были бежать из Бухареста. Арборе-Ралли выехал из Румынии (чтобы потом снова вернуться и окончательно остаться в этой стране), а Зубку-Кодреану укрывался в провинции. Но по дороге он сильно простудился, и 31 декабря 1878 г. его не стало.

«Вижу, что смерть меня ждет, — диктовал он письмо к товарищам. — Мне очень жаль, что я не мог поработать за идею румынского народа. Моя надежда на вас и на ваших детей. Постарайтесь, чтоб из них вышли не краснобаи... а борцы за народное дело».

На предложение исповедаться и принять причащение, Зубку-Кодреану ответил отказом и распорядился, чтобы на его похоронах не было никаких религиозных церемоний. Несмотря на это, полиция овладела его трупом и передала его церкви...

---

[1]) «Община». Социально-революционное обозрение. Март — апрель 1878 г.

6. «Мой старый соученик»

В письме к своему другу Ивану Драсову 12 апреля 1875 г. Ботев сообщает:

«Новость. Русские социалисты в Лондоне и Цюрихе приглашают меня к себе или же, чтоб я стал их комиссионером (распространителем их изданий. — *Г. Б.*). Они хотят войти в сношения с нашими революционерами. Они нам предлагают обмениваться пропагандистами, паспортами и др. «Мы готовы помочь вам и нравственно, и физически, т.-е. и словом, и мышцами». — пишет мне мой [1]) старый соученик Судиловски (или Судсиловски — нельзя прочесть). Я ему ответил, что согласен быть их комиссионером книг, а для большего — подожду решения собрания. — По праздникам происходит собрание в Тырнове» [2]).

Как мы уже видели, в своей эмигрантской жизни в Румынии Ботев был окружен русскими социалистами. Они составляли его духовную атмосферу. Болгарская эмиграция, хотя и сочувствовала ему, но не доросла до его идей. И даже те лица, как, например, тот же Иван Драсов, которых он обессмертил своей дружбой, больше угадывали его величие и невольно поддавались обаянию его личности, чем понимали Ботева. Они смотрели на Ботева снизу вверх, и единственное общение с людьми, в духовном отношении равными ему, он находил только в среде русских социалистов. К сожалению, первые биографы Ботева так были заняты желанием выставить его как обыкновенного патриота, что совершенно не интересовались его интернациональными связями и не знали, какими «нигилистами» был окружен Ботев. Имени Судзиловского Захарий Стоянов так и не разобрал и коверкает его. А этот «мой старый соученик» — не кто иной, как Николай Константинович Судзиловский (он же доктор Н. Руссель).

Когда в 1911 г. мы обратились к Доброджану-Гереа с просьбой поделиться с нами своими воспоминаниями о Ботеве, он отправил нас к доктору Русселю, как к человеку, хорошо знавшему Ботева. Но доктор Руссель — настоящий космополит: в каком углу земного шара его искать?

Мы знали о его встрече с Л. Г. Дейчем; последний рассказывает, что во время своего побега из Сибири в 1901 г. он прибыл на пароходе в Гонолулу, на Гавайских островах; там на одном из этих островов, как он случайно узнал, жил его «хороший знакомый» Судзиловский. Руссель везде умел скоро освоиться с местными условиями, быстро изучал язык данной страны и входил в ее интересы и нужды, — говорит Л. Г. Дейч.

Из Болгарии (дальше мы увидим, откуда и как он туда попал и когда принужден был покинуть ее) Руссель перебрался в Сан-Франциско, где занимался медицинской практикой. Оттуда он переселился на один из Гавайских островов, где поступил врачом на сахарную плантацию. Позже он приобрел поместье на о. Гавая, где его выбрали сенатором, и, когда Л. Г. Дейч встретился с ним, он приехал в Гонолулу па законодательную сессию.

---

[1]) Курсив наш, а заметка, что нельзя прочесть правильно фамилию русского товарища Ботева, принадлежит его первому биографу, Захарию Стоянову, у которого и находилось цитированное письмо.

[2]) Т.-е. конференция революционной партии в Болгарии. См. Захарий Стоянов, Христо Ботев. Опит за биография. Русс 1888, стр. 229—230.

— Куда судьба ни забросит человека! — говорили себе оба приятеля: — как это случилось, что один приехал сюда в качестве эмигранта-врача, а другой — попал к нему при своем бегстве из Сибири! [1]).

Во время русско-японской войны мы прочли в газетах, что Руссель поехал в Японию заниматься пропагандой среди пленных русских солдат. Но война давно кончилась, а о «старом соученике» Ботева мы ничего больше не слыхали.

Случай помог нам узнать его адрес. К нам зашел его приятель доктор Траньян, тогда (1911 г.) санитарный полковник болгарской армии, с предложением об издании на болгарском языке книжки: «Мысли вслух доктора Н. Русселя. Нагасаки, Япония, 1910 г.». На обложке была указана и «Типография Тоюша», в Нагасаки, Япония. По этому адресу мы запросили «старого соученика» подробно о Ботеве. Но оказалось, что беспокойный гражданин всего мира уже бросил Японию, и мы, после долгого ожидания, потеряли надежду связаться с ним...

Неожиданно мы получили от Русселя заказное письмо с семью печатями на конверте, которое пробыло в пути целых 50 дней. Оно шло с Филиппинских островов! Письмо это, бросающее яркий свет на идейную среду Ботева, мы приводим ниже. К письму были приложены уже упомянутая и еще две другие брошюры Русселя вместе с портретом этого «седого, как лунь» [2]), старика, и два снимка — «Моя приемная в Миндоро» и «Мои больные филиппинцы и японцы на островах Миндоро» [3]).

Был ли Судзиловский «соучеником» Ботева? Письмо Ботева, может быть, выяснило бы это. Но подлинник письма пропал [4]), а Захарий Стоянов плохо разбирал почерк: самое имя он читал как «Судиловски» или «Судсиловски» — в обоих случаях неправильно. По этому вопросу тов. Е. З. Волков пришел к отрицательному заключению: Судзиловский не был учеником в Одессе в то время, когда Ботев там учился. Сам же Судзиловский ничего не говорил по этому вопросу.

Во всяком случае жизнь Судзиловского известна нам, только начиная с его студенческих лет. Родом из Могилевской губернии, он учится в университете в Киеве, значит, на юге России, не очень далеко от Одессы.

Вл. Дебогорий-Мокриевич [5]) знакомит нас с Н. К. Судзиловским, его товарищем по «американскому» кружку в Киеве. Члены этого кружка считали только физический труд нравственным и потому собирались заняться коммунистической обработкой земли; но так как в царской России этого бы не допустили, то члены кружка решили отправиться в Америку и там организовать коммуну. Весною 1873 г. оба товарища, вместе с третьим, отправляются из Цюриха на Сен-Готард, — где тогда проводили туннель и строили железную дорогу, — искать себе

---

[1]) Л. Г. Дейч, 16 лет в Сибири. Женева 1905 г., стр 294—297.

[2]) Слова Л. Г. Дейча о Русселе.

[3]) Письмо, портрет и фотографии переданы в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

[4]) Наверное был уничтожен самим биографом З. Стояновым, который особенно бесцеремонно обращался со всеми бумагами Ботева, указывающими на его социалистические убеждения.

[5]) «Воспоминания». Париж 1894 г., выпуск I.

работы. Не найдя там работы, они отправились в Женеву, откуда Судзиловский возвратился в Цюрих.

Как раз в то время начинается «хождение в народ». Студенты и курсистки бросают университеты и идут в деревни проповедывать социализм. Судзиловский снова попадает в Киев, откуда позже, насколько мог припомнить Вл. Дебогорий-Мокриевич, уезжает в Одессу (неизвестно, в первый ли раз, или после того, как уже раньше был там учеником гимназии) переговорить с одним кружком, который искал подходящего человека для агитации в Самарской губернии, где в то время свирепствовал голод. Сам Судзиловский отправляется в эту губернию.

Принужденный в 1874 г. бежать за границу, не встретился ли он тогда и не познакомился ли с Ботевым? В следующем году он оказывается уже в Лондоне и пишет Ботеву, приглашая его участвовать в русском революционном движении. В лавровском обозрении «Вперед» [1]) помещен отчет о собрании в Лондоне по поводу годовщины польского восстания 1863 г.; собрание состоялось под председательством генерала Коммуны Врублевского; среди других ораторов выступали Маркс и Энгельс. Выступал на этом собрании и Судзиловский, который говорил, что «польская революция была революцией шляхты, а не народа — в этом причина ее неудачи», и что «путь социальной революции есть единственный путь для польского народа».

Ботев не поехал в Лондон, но сам Судзиловский очутился у Ботева в Бухаресте. Мы уже видели, что тов. Х. Г. Раковский ставит его в ряд «первых пионеров социализма в Румынии». В Яссах под его влиянием зарождается бакунистское течение. Свою карьеру, по сообщению тов. Х. Г. Раковского, Судзиловский (переименовавшийся в Румынии в доктора Русселя) продолжал в качестве заместителя председателя гавайского сената в 1881 году.

Раньше чем пуститься в путешествие по свету, Руссель проживал в Филиппополе, где пользовался славой лучшего хирурга Восточной Румелии.

После того, как его «выжили» из Болгарии, Руссель попадает в Калифорнию — в Сан-Франциско, оттуда, как мы уже сказали, он поехал на Гавайские острова, где его избрали председателем первого гавайского сената. Там Руссель оказывается во главе туземного населения — канаков — в их борьбе с империализмом Соединенных Штатов за независимость островов. Там уже его называют иначе: Каука-Лукини, что на канакском наречии значит русский доктор [2]).

После Гавайских островов мы видели Русселя в Японии, потом на Филиппинах. Во время мировой войны нам попалось в газетах сообщение об его смерти, а потом опровержение этого сообщения. Недавно мы узнали, что Руссель жив и что он снова переменил свое отечество: он живет теперь в Тянь-цзине, в Китае.

Доктор Траньян рисует Русселя как крупную личность с непреодолимой, гипнотизирующей властью над окружающими людьми.

В международном семействе революционеров оба «старых соученика», Судзиловский и Ботев, стоят друг друга.

---

[1]) «Вперед», № 3, от 15 февраля 1875 г., стр. 87—88.

[2]) Е. Лазарев, Гавайский сенатор. «Былое». Год второй, № 6/18, июнь 1907.

7. Письмо доктора Н. Русселя о Ботеве

Адрес: Fabrica, Negros Occidental Philippine Island, 8/IX — 1911.

Товарищи «Знания»!

Нехороший, нездоровый это симптом, когда люди, вместо того, чтобы разбираться в настоящем или решать проблемы будущего, начинают отрыгать и пережевывать прошедшее. Это обозначает в эволюционном смысле «начало конца» — вырождение, дряхлость, декадентство.

Зачем вам Христо Ботев? Разве он не умер, а с ним не умерли и то время, и те условия, суб'ективные и об'ективные? Умерли, отошли в вечность и больше никогда, никогда не воротятся. Но даже если бы и воротились, — разве кто-либо живет чужим опытом? Будь это возможно, было бы стыдно. Всякий человек прежде всего должен быть самим собою и не подражать ни плутарховским героям, ни святым из Четии Минеи.

Или вами руководит желание связать свою партию с Б[отевым]? Перенести на нее ореол памяти его? И это очень нехорошо. Гораздо приличнее было бы, наоборот, чтобы партия своею деятельностью, своими завоеваниями, борьбой со злом, невежеством, насилием сделала честь умершим пионерам.

Я так поглощен современностью, что нет у меня времени для воспоминаний. Притом же это было так давно! За тридцать с лишком лет так много изгладилось из памяти. Уже не в первый раз ко мне обращаются с этими вопросами. С год тому назад я написал Дебогорпю-Мокриевичу все, что помнил. На ваши вопросы могу ответить только очень кратко.

Ботева духовно создала, как и всех нас, русская литература 60—70 гг., как оригинальная, особенно публицистическая (Добролюбов, Чернышевский, Писарев), так и переводная. Не думаю, чтобы кто-либо из них был его учителем в отдельности. Влияние было коллективное, друг друга дополняющее, и главным элементом, основным тоном всех этих влияний на всех нас — недовольство созданными стихийно общественымп условиями, вера в человека, в будущие завоевания его разума, желание и стремление жить не как бог велел и велит, а как мы хотим. Назовем это идеализмом.

От французских событий и от зарождавшейся немецкой социаль-демократии Россия, а тем паче Болгария, были по условиям общественным и политическим так бесконечно далеки, наши практические задачи настолько отличны от их задач, что интерес наш к ним был только теоретический. Не спятив с ума, нельзя ведь было и думать о «коммуне» или социаль-демократии среди русских мужиков и еще менее болгарских селяков. Мы сочувствовали им лишь настолько, насколько в их действиях проявлялись общие с нами революционные инстинкты. Маркса мы только разжевывали тогда страницу за страницей, как некий чужеземный и странный фрукт.

Я говорю мы, потому что, как помнится, у меня, товарища Зубку-Кодреану и Ботева теоретических разногласий никаких не было. Все мы трое наиболее близких людей, проживавших в Бухаресте в 1877—1878 гг.[1]), были

[1]) Автор письма ошибся в годах. Должно быть 1875 — 1876 гг. Ботев умер 20 июня ст. ст. 1876 г. (*Г. Б.*).

практическими революционерами, ломавшими голову, какую бы свинью повкуснее поднести врагу, все равно, в России ли, или в Болгарии.

Я думаю даже, что английские писатели вроде Спенсера, Бокля, Дарвина, Гексли имели на нас больше влияния, чем парижские коммунисты и немецкие социаль-демократы. Из немцев Лассалем, правда, все мы восхищались, — столько же за его социализм, как и за революционность. Лавров не имел на нас ровно никакого влияния. Это была слишком сухая энциклопедия, метафизическая, устарелая для нас по духу. Герцен тоже был для нас покойником. Другое дело — Бакунин. Кто не любил его, на кого из революционеров не имел он влияния? Подкупала не только богатырская личность, геройское прошлое, непримиримая революционность, а главное — вера в человека в противоположность вере в стихию, в авторитеты земные и небесные, в том числе и в эволюцию, которая, подождите, мол, сама все вам принесет!..

Русским товарищем из Лондона (я приехал из Л. и поселился в Бухаресте) приглашавшим его, Б[отева], быть нашим агентом, был я. Литературу мы все переправляли, но без особого усердия и интереса и не всегда успешно, потому что состояла она главным образом из толстых томов журнала «Вперед», который очень удобно было подкладывать под голову вместо подушки, когда ее не было.

Нечего и говорить, что все трое (несколько позднее к нам присоединился приехавший из Ясс товарищ Кац) мы бедствовали. Христо с своей четой промышляли по ночам среди бухарестских богатых болгар и греков. Полиция смотрела сквозь пальцы и, когда случались арестованные, выпускала их Ботеву на поруки. Иногда он приводил сразу их человек 15—20 в мою конуру. Они оставляли башмаки на дворе и в комнате усаживались на импровизированных диванах с ногами, что нас очень смешило. Дело шло о том, чтобы я шел с четой за Дунай в качестве хирурга. Так предлагал Ботев, но некоторые четинцы [четники] относились к этому отрицательно и предпочитали видеть меня с винтовкой, потому что «пуля — пустяки, ее всякий пальцем может выковырнуть!» — Я так мало верил в успех их экспедиции (бог наделил меня некоторой долей здравого смысла, того, что американцы называют «horse sense»), — к тому же у меня была на руках семья, которую некуда было послать и не на кого оставить, — что после некоторых колебаний я отказался.

Я был прав. Ровно ничего из этого не вышло, их перебили турки тотчас по высадке, при чем Х[ристо] Б[отев] был одним из первых, получивших пулю прямо в лоб.

А жаль! Его революционное чувство слишком увлекло его. Не погибни он, повремени до окончания р[усско]-т[урецкой] войны, его роль в Болгарии была бы для нее гораздо полезнее, чем Каравелова и других. Во всяком случае не было бы поганой, опозорившей Болгарию «стамбуловщины», и меньше плохих «министров». — Этот Стамбулов, российский семинарист, был выдержаннее. Он подождал, пока напала на турок русская армия, и следовал в хвосте ее в качестве какого-то захудалого корреспондента, настолько захудалого, что нам среди товарищей пришлось собирать ему на пару платья.

Ну, да всего не перескажешь!

Прощайте и передайте сердечный поклон дорогому нашему Кацу и доктору Траньян.

Где профессора Надежде, двое братьев молдаван, с которыми мы не без успеха вели кампанию в Яссах?[1]). Если можете достать их адрес — пришлите.

Мой адрес в заголовке.

Искренно ваш Н. Руссель.

Посылаю вам несколько своих последних брошюр.

P. S. Признаться, не раскаиваюсь, что не дал туркам застрелить себя в чете Х[ристо] Б[отева]. Впоследствии гг. болгарские «министры» третировали нас, нескольких русских эмигрантов, проживавших в Болгарии, довольно скверно: недружелюбно, завистливо и враждебно. Меня так даже «выжили» из Филиппополя.

Из прилагаемых фотографий и экземпляров брошюр пожалуйста перешлите по одному экземпляру Кацу. Вторые экземпляры назначены для вас. Дайте мне адрес Каца и Надежде.

Извините за упреки в начале письма. Старики не могут не побрюзжать.

8. О письме доктора Н. Русселя

Письмо Русселя выясняет многое в идейной физиономии Ботева и его поколения революционеров. Развитие Ботева шло паралелльно с развитием современной ему русской революционной молодежи.

Начав с отрицательных идей шестидесятников-«нигилистов», Ботев перешел к идеям революционного народничества семидесятых годов.

Руссель правильно отмечает, что влияние шестидесятников было коллективным. В идейную сокровищницу шестидесятых годов входили и успехи естествознания. Оттого влияние шло не только со стороны русских властителей дум эпохи, но и со стороны естествоиспытателей-материалистов: Фохта, Бюхнера, Молешотта, которых Руссель замалчивает, и дарвинистов, о которых Руссель упоминает. Материализм в естествознании увязывался в то время с идеализмом в истории, и этим об'ясняется интерес шестидесятников к Боклю.

Для Ботева Герцен не был покойником. По крайней мере, не был таким до встречи с Судзиловским.

В газете «Дума» Ботев переводит искандеровский «Разговор с детьми» (представляющий свободный, а в существенных местах точный перевод 17-ой и 18-ой лекций «Сущности религии» Фейербаха). Одна из первых статей Ботева «Народ вчера, сегодня и завтра», — где он говорит, что у болгарского народа нет прошлого, нет настоящего, но будущее у него светлое, потому что, вместе с другими славянами, у него есть что поведать миру, — очень напоминает Герцена. А чем славяне осчастливят мир — это уже известно: своей общинной жизнью, из которой расцветет социализм.

---

[1]) Братья Надежде давно перешли к либералам. О повальном ренегатстве румынских социалистов из интеллигенции см. у тов. Троцкого цит. главу о Доброджану-Гереа, стр. 74—76: «Многие из Павлов превратились в Савлов, — говорит тов. Троцкий, — таков, например, Надежде, бывший самым близким сотрудником Гереа, автор многочисленных социалистических работ, редактор Contemporanul'a (журнал «Современник».— *Г. Б.*); теперь это — профессиональный пожиратель социалистов и боевой антисемит».

Учеником исключительно Герцена Ботев, конечно, не был. Но в свое развитие он включил и герценовские идеи, с которыми не расставался всю жизнь. Оттого, что в своем развитии Ботев шел дальше, Герцен не сделался для него покойником, как не сделался для него покойником и Чернышевский после того, как Ботев перешел к революционному народничеству семидесятых годов.

О Лаврове нельзя сказать, что он не имел «ровно никакого влияния» на Ботева. Правда, лавристом Ботев никогда не был, хотя и занимался переправкой лавровской литературы. Однако Ботев не только подкладывал толстый «Вперед» под голову вместо подушки, — кое-что переходило из него и в голову. За неимением других источников Ботев знакомился с западно-европейским рабочим движением именно из, правда, суховатой «энциклопедии» Лаврова — его толстого журнала «Вперед». А его двухнедельное обозрение под тем же названием несомненно прочитывалось Ботевым. Ведь в нем печатались корреспонденции и из балканских стран, так близко интересовавших Ботева. Там защищалось движение Светозара Марковича в Сербии, движение, к которому с открытой симпатией относился сам Ботев и которое, с своей стороны, платило ему тем же. Корреспонденции из Румынии писались, вероятно, людьми близкими Ботеву.

Влияние Парижской Коммуны на Ботева было большим. Но это было гораздо раньше, чем Судзиловский приехал к Ботеву. Оно выразилось, между прочим, в яростной защите Коммуны в специальной о ней статье Ботева.

Правда, о подготовлении восстания среди болгарских селяков под знаменем идеи Коммуны нельзя было в то время и думать, «не спятив с ума». Однако Ботев, как ученик русских революционных народников, считал, что Болгария ближе к социализму, чем Запад, благодаря остаткам первобытного коммунизма в экономическом укладе болгар.

Развитие немецкой социал-демократии, за которым Ботев мог следить как раз по изданиям Лаврова, интересовало его. Он с ненавистью к Бисмарку указывает в хронике газеты «Знамя» на об'единение германской социал-демократии в Готе.

Благодаря огромному различию в то время в социальной структуре Запада и Балканского полуострова, Ботеву невозможно было увлечься идеями классовой борьбы пролетариата и выйти на путь марксизма. Но марксизм не остался для него совершенно чужим. Ботев, считавший сначала пролетариат «язвой», позже превозносил в газете «Знамя» рабочий Интернационал и дошел до убеждения, что именно пролетариат является двигателем всех революций.

Вот почему нельзя считать правильным утверждение Русселя, что Ботева интересовали в Парижской Коммуне и в германской социал-демократии только общие с ними «революционные инстинкты». Идейное влияние Запада на Ботева несомненно и очевидно.

Ведь «разжевывал» же он «страницу за страницей» «Капитал» Маркса. Хотя этот «чужеземный и странный фрукт» был «черствым и горьким», все-таки Ботев учился на нем. Он не выработался в марксиста, как это сделал потом его друг Доброджану-Гереа, так как слишком рано оборвалась его жизнь. Но он был на пути к марксизму.

9. Замфир Арборе-Ралли

Арборе-Ралли — бывший бакунист, семидесятник, редактор «Работника», автор лучшей в свое время книжки для пропаганды «Сытые и голодные». О нем не будем рассказывать, так как он сам печатал свои воспоминания в «Былом» и в других журналах и сборниках. Лучше воспроизведем его воспоминания о Ботеве.

Когда Арборе-Ралли прибыл в Бухарест и вошел в круг Ботева, нам неизвестно. Вероятно, это случилось немного раньше смерти Ботева, в 1876 году. Ботев произвел на него большое впечатление, и в 1878—1879 гг. он уже пишет биографию — первую биографию — Ботева. Однако при обыске в 1881 г. по проискам русской полиции рукопись этой биографии пропала.

Арборе-Ралли рассказывает о Ботеве:

«Помню хорошо я Христо Ботева, бывавшего у нас. Он произвел на меня сильное впечатление своей внешностью, умом и революционным темпераментом. Мы считали его своим товарищем по убеждениям, революционером в том смысле, какими мы сами были тогда... Иногда Христо Ботев приводил к нам своих товарищей-болгар, вспомнить имена которых я теперь не могу. Помню лишь одно, что именно тогда состоялось знакомство мое со Стамбуловым, бывшим в приятельских отношениях и с Ботевым [1]), и с Судзиловским, и с Зубку-Кодреану, который, живя не у Судзиловского, а в университетском интернате, постоянно бывал с ними... В общем Христо Ботев был очень общительным и веселым человеком, хорошо говорившим по-русски, и был совершеннейшим демократом в своем обращении с людьми. В то время он был сильно увлечен задуманным им революционным предприятием и его организацией и все время хлопотал по этому делу... Припоминаю один характерный случай из его, Ботева, революционной практики того времени, когда неожиданно, где-то на границе, румынские власти задержали было какие-то тюки с оружием, предназначенным для Болгарии. Выручить оружие взялся Христо Ботев сам, и, явившись в пограничное место, в котором было задержано оружие, он разыграл из себя самозванного румынского прокурора, дав приказ оторопевшим от его повелительного тона таможенным властям немедленно пропустить товар по его назначению. Такие дела легко сходили с рук Христо Ботеву, ибо румынское правительство потакало революционным приготовлениям болгарских эмигрантов и смотрело сквозь пальцы на их не всегда легальные дела. Вспоминаю также рассказывавшийся гораздо позднее в Бухаресте курьез из жизни Христо Ботева, характеризовавший его как революционера, не останавливавшегося во имя революции, в поисках средств для осуществления революционных планов, перед самыми резкими мерами... [2]).

«Было ли это происшествие на самом деле или это была одна из легенд, обычно составлявшихся о видных революционерах того времени, я не знаю, но,

---

[1]) Стамбулов считался тогда очень близким соратником Ботева. Приехав из Одессы, где он состоял членом кружка Квятковского, он примкнул к болгарскому революционному движению и решительно занял сторону Ботева в его разрыве с Каравеловым. Ботев выпустил сборник стихотворений вместе с стамбуловскими («Песни и стихотворения» Ботева и Стамбулова. Бухарест 1875 г.). У Стамбулова не было никакого поэтического дара, но зато революционных тенденций в его стихах хоть отбавляй. (*Г. Б.*)

[2]) Речь идет об одной экспроприации. (*Г. Б.*)

повидимому, в связи с этой верной или неверной историей тогда пошли о Христо Ботеве всякого рода некрасивые слухи..., но мы им не придавали... никакого значения, сохраняя в себе образ Ботева революционера и социалиста (и после его смерти) таким же чистым и высоким, каким мы видели и знали его при жизни.

«Уходя с своей четой в Болгарию, Христо Ботев приходил прощаться с нами и произвел на нас впечатление человека, глубоко верящего в успех своего предприятия. Мы надеялись увидеться с ним еще, однако случилось иначе. Вскоре же мы узнали о постигшей его неудаче и трагической смерти, что нас всех, знавших Христо Ботева в последние дни его жизпп, сильно потрясло» [1]).

Сам Арборе-Ралли давно сделался румынским подданным и занялся в Румынии общественной деятельностью, но отошел от социалистического движения. Живет он в Бухаресте.

10. Не имел ли Ботев еще других связей с русскими революционерами?

Несомненно Ботев имел и другие связи с русскими революционерами.

Его биографы говорят о многих и разных «нигилистах», находившихся в близких отношениях с Ботевым. Биографы путают их национальности и называют среди них не только русских, но и украинцев и поляков.

Кто они?

Может быть, в мемуарах и воспоминаниях русских революционеров семидесятых годов найдутся указания по этому вопросу.

Вот, например, по воспоминаниям Арборе-Ралли, известие о смерти Ботева принес ему и его друзьям «живший тогда в Бухаресте и знавший всех бывавших в нем болгарских революционеров старый польский эмигрант, невероятный добряк, чудак, аскет и философ Л у ч п ц к п й», который, как кажется Арборе-Ралли, «свел в свое время Судзиловского с Ботевым».

Нам известен еще один русский, приехавший с четой Ботева, по фамилии, вероятно, Р о д и о н о в. О нем соратник Ботева Никола Обретенев рассказывал тов. Е. З. Волкову:

«В начале апреля 1876 г. я ездил из Бекета в Джурджево встретиться с нашими людьми и видел там Христо Ботева, с которым лично говорил по вопросу об организации нашего дела, и сообщил ему, что в Бекете нашли место, откуда чета сможет перейти Дунай, и заказали для этого плот. Несколько дней спустя, после того как я вернулся снова в Бекет, ко мне из Бухареста с запиской от Георгия Апостолова пришли двое: один русский и некий Перо Герцеговинец, которые оба шли из Герцеговины после подавления восстания помочь нашей революции. Этот русский очень мало и смешно говорил по-болгарски, ужасно коверкая слова, и называл себя «князем». Так все его и звали, но я знал его имя и то, что он был из Петербурга, так как, после освобождения Болгарии, вернувшись в Рущук, я, через г. Стомонякова, известил петербургское городское управление о его смерти. Он находился со мной в Бекете, пока не пришла чета, и вместе с нами сел на пароход. Это был типичный русский — широкий, среднего роста, русый, веселого характера,

---

[1]) Е. З. В о л к о в, Христо Ботев. Издание 2-е, стр. 202—208.

любивший петь, в возрасте от 30 до 32 лет. В том, что он был русский, не было ни у кого из нас никакого сомнения, а по тому, как он встретился с Ботевым на пароходе и как Ботев его радостно приветствовал, было видно, что они были между собой знакомы еще раньше» [1]).

Н. Обретенев вспоминает, что те десять человек, в том числе и Родионов, которые отбились у Милин Камык, где была разбита чета Ботева, «сбились с пути и были выданы одним местным жителем, который нашел их в своей полевой хижине. Он сообщил о них туркам. Турки их окружили, после перестреляли и подожгли хижину, в которой они и сгорели, за исключением спасшихся двух человек, в том числе брата Ботева» [2]).

Очень возможно, что в числе близких к Ботеву русских был Жебунев, который вместе с Доброджану-Гереа открыл слесарную мастерскую в Бухаресте [3]). А Чубаров, а братья Аркадакские, которые осенью 1875 года прибыли в Яссы к Доброджану-Гереа, раньше чем тот поехал в Бухарест? [4]) А Кулябко, которого Доброджану-Гереа застал в Яссах? [5])

Вопрос о связях вождя болгарской революции Христо Ботева с русскими революционерами, сам по себе не безынтересный, является только частицей общего и большого вопроса о влиянии русской революции в чужих странах.

Если говорить специально о Болгарии, это влияние идет непрерывно, начиная с семидесятых годов: оно продолжается, углубляясь и расширяясь, и до сих пор.

---

[1]) Там же, стр. 208—209.

[2]) Там же, стр. 288—289. Волков говорит и о поляке Воиновском, тоже погибшем в чете Ботева. Однако Воиновский был не поляк, а болгарин, из г. Габрово.

[3]) Л. Троцкий и Х. Раковский, Очерки политической Румынии, Москва, 1922, стр. 71.

[4]) Там же, стр. 71. В статье тов. Троцкого опечатка в годе: 1885 вместо 1875.

[5]) Там же, стр. 70 и 71.

КАРЛ МАРКС

«БАКУНИН: ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ»

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В одной из записных тетрадей Маркса, которую он сам озаглавил «Russica», мы нашли подробный конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». В специально сделанной отметке Энгельс относит записи в этой тетради к 1875 г., но это верно только отчасти. Не все книги, конспектированные Марксом в этой тетради, читаны им в 1875 г. Так, несомненно, что Маркс приступил к чтению книги Бакунина очень скоро после ее выхода в свет. А это могло быть только в начале 1874 г., потому что «Государственность и анархия» всего вероятнее была выпущена в свет не раньше конца декабря 1873 г. Непосредственно за конспектом этой книги у Маркса следуют выписки из статей Лаврова и Зибера, напечатанных в первой книге известного журнала «Знание» за 1874 г. Таким образом можно с достаточной точностью установить время, когда Маркс писал свои заметки. Это — начало 1874 года.

Надо вспомнить, что после исключения Бакунина из Интернационала — на Гаагском конгрессе в сентябре 1872 г., — Генеральный Совет должен был опубликовать все документы, характеризовавшие деятельность основанного и руководимого Бакуниным тайного «Альянса». Это сделано было в брошюре «L'Alliance de la démocratie socialiste et l'Association internationale des Travailleurs». Она была написана Энгельсом и Лафаргом, но при собирании и обработке материалов они пользовались помощью Маркса. Закончена была брошюра в последних числах июля 1873 г., а вышла она в свет только в начале сентября 1873 г.

Маркс мог предполагать, что в книге Бакунина имеется и ответ на брошюру Генерального Совета. Тем более, что «Государственность и анархия» имеет еще специальный подзаголовок — «Борьба двух партий в Интернациональном Обществе Рабочих». Этим об'ясняется, вероятно, что он так скоро приступил к чтению и конспектированию книги Бакунина.

Маркс ошибся только в одном отношении. «Государственность и анархия» не являлась ответом на брошюру Генерального Совета. Она должна была составить первый выпуск предпринятой русскими бакунистами серии «Изданий русской социально-революционной партии». Бакунину предложено было изложить основы анархизма для русских революционеров, и в первой части — она осталась единственной — он предпочел взять, как исходный пункт своего изложения, борьбу бакунистов и марксистов в Первом Интернационале. Работа Бакунина была сдана в печать — ее начали набирать в Цюрихе — почти одновременно с брошюрой Генерального Совета против «Альянса», но уже в августе 1873 г. произошел раскол в группе русских бакунистов. Арманд Росс (М. П. Сажин), оставшийся доверенным лицом Бакунина, перенес печатание книги в Женеву, где она набиралась, по его словом, до ноября 1873 г.

Но если Маркс ошибся в одном отношении, если «Государственность и анархия» не являлась непосредственным ответом на выдвинутые против Бакунина

обвинения, то она давала ему великолепный материал для знакомства с теоретическими взглядами основателя и руководителя «Альянса». Вторую часть Бакунину уже не удалось написать, и «Государственность и анархия», вышедшая в свет после его публичного отказа от всякой общественной деятельности, осталась его лебединой песнью. В ней он изложил все свои любимые идеи, которые он защищал в своих конфиденциальных письмах к итальянским, французским и испанским друзьям, но сделал это более непринужденно, не связанный путами чужого языка или необходимостью считаться с некоторыми «европейскими» предрассудками. Для русских бакунистов «Государственность и анархия» явилась библией, по которой они учились, арсеналом, из которого они черпали все свои аргументы как против немецких, так и против русских марксистов, т.-е. тогдашних лавристов.

Не удивительно поэтому, что Маркс с большим вниманием читал книгу Бакунина и конспектировал ее так подробно, как он это делал только с особенно важными для него работами.

Конспект поэтому представляет большой интерес и для современного русского читателя, незнакомого с «Государственностью и анархией». Он дает полное представление о всем идейном содержании книги Бакунина. Иногда Маркс вставляет от себя краткое, большей частью саркастическое замечание. Иногда он делает филологические экскурсы. Только в редких случаях Маркс вступает в подробную полемику с Бакуниным, как, например, по вопросу о диктатуре пролетариата и о политике его по отношению к крестьянству.

В отличие от многих современных «марксистов», которые отрицают, что диктатура пролетариата является основой марксизма, как системы революционного действия, Бакунин прекрасно понимал, что тезис «Коммунистического Манифеста» — «пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т.-е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата», — означает именно революционную диктатуру пролетариата. Он только, в качестве анархиста, плохо понимал, в чем заключаются условия этой диктатуры. В то время как современных «марксистов» особенно беспокоит судьба буржуазии, попадающей под господство пролетариата, Бакунин, всегда недооценивавший силу сопротивления господствующих классов и переоценивавший сознательность и организованность эксплоатируемых масс, — он видел только ничтожную кучку эксплоататоров, которых, как перышко, сносит бурный порыв уже по самому инстинкту своему революционно-коммунистических масс, — опасался, что это господство пролетариата направлено будет против «пятого сословия» или «крестьянской черни».

«Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству?».

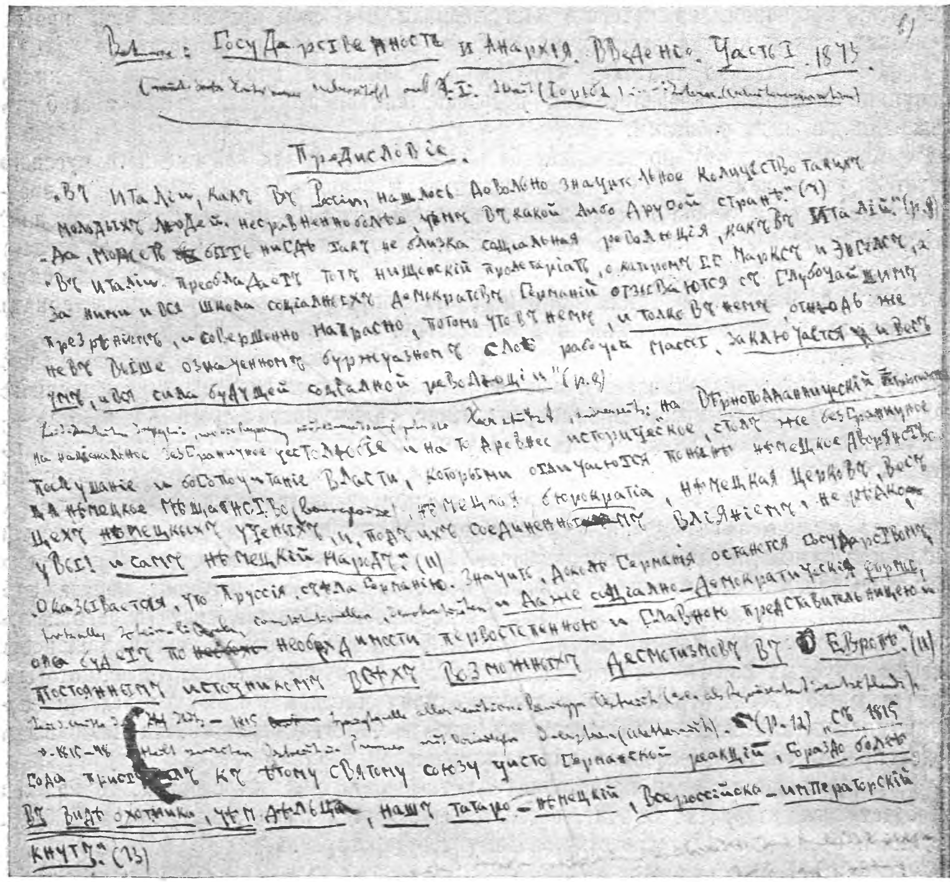
На это Маркс ему отвечает:

«Это значит, что покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом его к власти не исчезают еще его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять средства насилия, а поэтому и аппарат власти, если он сам еще остается классом, и если не исчезли еще экономические условия, на которых покоится классовая борьба, т.-е. существование классов, они должны насильственно быть устранены и преобразованы, процесс их преобразования должен насильственно быть ускорен».

И в другом месте: «Это означает, что пролетариат, вместо того, чтобы в одиночку бороться против экономически привилегированных классов, приобрел достаточную мощь и организацию, чтобы применять в борьбе против них общие средства принуждения; однако он может применять в экономической области лишь средства, уничтожающие его собственные свойства наемного труда, его классовые особенности, поэтому с его полной победой кончается также его классовое господство (его классовый характер)».

На вопрос Бакунина, в каком положении очутится «крестьянская чернь, как известно не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом», Маркс отвечает:

«Это значит, что там, где крестьянин в своей массе является частным земельным собственником, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех континентальных государствах Западной Европы, где он не исчез и не заменен в сельском хозяйстве батраками, как, например, в Англии, там будет

Bakunin: Государственность и Анархія. Введеніе. Часть I. 1873.

Предисловіе.

„Въ Италіи, какъ въ Россіи, нашлось довольно значительное количество такихъ молодыхъ людей, несравненно больше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ.“ (7)

„Да, можетъ быть нигдѣ такъ не близка социальная революція, какъ въ Италіи.“ (p. 8)

„Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ гг. Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа социалъ-демократовъ Германіи отзываются съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и совершенно напрасно, потому что въ немъ, и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочихъ массъ, заключается и весь умъ, и вся сила будущей социальной революціи.“ (p. 8)

Факсимиле (уменьшенное) первой страницы текста.

следующее: либо он станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как это было до сих пор во Франции, или же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится и он сам перейдет на сторону революции, меры, заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к собственности коллективной и этот переход облегчающие, так что крестьянин сам до этого дойдет хозяйственным путем; однако нельзя раздражать (отталкивать) крестьян, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только тогда, когда арендатор-капиталист вытесняет крестьянина и настоящий земледелец становится таким же пролетарием,

трудящимся за заработную плату, как и городской рабочий, и, следовательно, имеет одни с ним интересы непосредственно, а не только посредственно; еще меньше следует укреплять дробную собственность тем, что участки увеличиваются просто путем передачи больших имений крестьянам, как в революционном походе Бакунина».

Но «апостола разрушения», который никогда не мог освободиться от своих национальных предрассудков, беспокоил еще и другой вопрос; «если, — прибавлял Бакунин, — взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, славяне, по той же причине, станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии».

«Какой ученический вздор! — отвечает ему Маркс. — Радикальная социальная революция связана с известными историческими условиями экономического развития; последнее является ее предпосылкой. Поэтому она возможна только тогда, когда при капиталистическом производстве промышленный пролетариат занимает по меньшей мере значительное место в народной массе; и для того, чтобы он имел хоть какие-нибудь шансы победить, он должен быть по меньшей мере в состоянии сделать для крестьян mutatis mutandis непосредственно хотя бы столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для того же французского крестьянина».

Не менее интересны и замечания Маркса по поводу бакунинской организации «снизу вверх» и избирательной демократии.

Еще несколько замечаний о внешней форме конспекта. Маркс местами цитирует Бакунина в оригинале, в большинстве же случаев дает немецкий перевод. Мы отказались, однако, от точной передачи всех особенностей текста, оставляя эту работу для немецкого издания. В данном случае мы предпочли познакомить читателей с содержанием этого конспекта, стараясь только точнее передать мысли Маркса. При обратном переводе с немецкого на русский по возможности использован русский оригинал «Государственности и анархии».

Д. Рязанов.

БАКУНИН: „ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХІЯ. ВВЕДЕНІЕ ЧАСТЬ I. 1873“ [1])

(Позади этого заголовка ня странице 1-й: «Борьба внутри Международной Ассоциации Рабочих».)

„Предисловіе“

„Въ Италіи, как въ Россіи, нашлось довольно значительное количество такихъ молодыхъ людей, несравненно болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ“ (стр. 7).

„Да, можетъ быть нигдѣ такъ не близка соціальная революція, какъ въ Италіи“ (стр. 8).

„Въ Италии преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ господа Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа соціальныхъ демократовъ Германіи отзывается съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и совершенно напрасно, потому что в немъ, и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочей массы, заключается и весь умъ, и вся сила будущей соціальной революціи“ (стр. 8).

У немцев наоборот: правительство, с одной стороны, опирается на хорошее и пр. войско, а с другой — „на вѣрноподданическій патріотизмъ, на национальное безграничное честолюбіе и на то древнее историческое, столь же безграничное послушаніе и богопочитаніе власти, которыми отличаются понынѣ нѣмецкое дворянство, нѣмецкое мѣщанство (bourgeoisie), нѣмецкая бюрократіа, нѣмецкая церковь, весь цехъ нѣмецкихъ ученыхъ, и подъ соединеннымъ влияніемъ нерѣдко, увы, и самъ нѣмецкій народъ“ (стр. 11).

„Оказывается, что Пруссія съѣла Германію. Значитъ, доколѣ Германия останется государствомъ“, несмотря на все псевдо-либеральные, конституционные, демократические „и даже соціально-демократическія реформы, она будетъ по необходимости первостепенною и главною представительницею и постояннымъ источникомъ всѣхъ возможныхъ деспотизмовъ в Европѣ“ (стр. 11).

Начиная с середины XVI столетия и до 1815 г. [центр] главный источник всех реакционных движений — Австрия (т.-е. как представительница Германии), с 1815—1848 гг. он разделяется между Австрией и Пруссией с преобладанием первой из них (Меттерних) (стр. 12), „съ 1815 года приступилъ къ этому свя-

[1]) „ “ указывают на то, что Маркс цитирует слова Бакунина по-русски. (Старая орфография и описки Маркса воспроизведены), « » указывают на то, что Маркс цитирует слова Бакунина в немецком переводе. (Прим. ред.)

тому союзу чисто германской реакціи гораздо болѣе въ видѣ охотника, чѣмъ дѣльца, нашъ татаро-нѣмецкій, всероссійско-императорскій кнутъ“ (стр. 13).

Для того, чтобы свалить с себя ответственность, немцы пытались убедить себя самих и других в том, что главным заправилой Священного Союза была Россия [Бакунин]: «В противовес немецким социальным демократам, первой задачей программы которых является основание всегерманского государства, русские социальные революционеры стремятся прежде всего к полному уничтожению нашего (русского) государства и пр.» (стр. 13). Истины ради, „не изъ желанія защищать политику петербургскаго кабинета“ (стр. 13), Б. дает немцам следующий [объяснение] ответ. (Великий человек, не говоря уже о созидании Пруссии при помощи русских со времени Петра I, не упоминает и о союзе при Екатерине и о русском влиянии на Францию со времени революции до Людовика-Филиппа включительно.) (То же — о мошенничествах ее, начиная с XVIII столетия, вкупе с Англией на предмет порабощения Европы.) Он начинает с Александра I и Николая и изображает их деятельность следующим образом: „Александр рыскалъ съ конца въ конецъ и много хлопоталъ и шумѣлъ; Николай хмурился и грозилъ. Но тѣмъ все и кончилось. Они ничего не сдѣлали потому, что не могли, оттого, что имъ не позволили ихъ же друзья, австрійскіе и русскіе нѣмцы; имъ предоставлена была лишь почетная роль, пугалъ (bange machen), дѣйствовали же только Австрія, Пруссія и“ «наконец — с согласия и руководства обеих — французские Бурбоны против Испании» (стр. 13, 14).

Россия один только раз перешла границу — в 1849 г., чтобы спасти Австрию от венгерской революции. Кроме того, она в течение нынешнего столетия дважды душила польскую революцию с помощью Пруссии, столь же заинтересованной в этом, как и она сама. Разумеется: „Россія народная немыслима безъ польской независимости и свободы“ (стр. 14).

Россия ни по интеллигентности, ни по силе или богатству не занимает в Европе такого господствующего места, чтобы иметь возможность своим голосом „рѣшать вопросы“ (стр. 14).

Россия может что-нибудь сделать лишь тогда, когда ее призывает какая-либо из западных держав (так, например, Фридрих II пригласил Екатерину принять участие в разделе Польши, а собирался — также и Швеции).

По отношению к европейскому революционному движению Россия играла в руках прусских правителей роль пугала, а нередко и ширмы, за которой они весьма ловко прятали свои собственные завоевательные и реакционные предприятия. После недавних побед они в этом более не нуждаются и больше этого не делают (стр. 16).

Нынче Берлин с Бисмарком — видимая глава и резиденция. реакции в Европе (стр. 16). Реакция (римско-католическая) в Риме, Версале, отчасти в Вене и Брюсселе; кнуто-реакция — в России, но живая, „умная“, действительно „сильная“ — сосредоточена в Берлине и из новой германской империи распространяется по всем странам Европы и т. д. (стр. 16).

„Федеральная организація снизу вверхъ рабочихъ ассоціацій, группъ, общинъ, волостей и наконец областей и народов, это единственное условіе настоящей, а не фиктивной свободы,

столъ же противна ихъ обществу, какъ не совмѣстима съ ними никакая экономическая автономія“ (стр. 17).

Наоборот, „продставительная демократія“ требует для успеха своего двух вещей: „государственную централизацію и дѣйствительное подчиненіе государа-народа интеллектуальному управляющему имъ, будто бы представляющему его и непремѣнно эксплуатирующему его меньшинству“ (стр. 17).

„Сутъ нашей татаро-нѣмецкой имперіи“ (стр. 14).

Новая германская империя воинственна: должна завоевывать и быть завоеванной (стр. 17—18): „носитъ в себѣ неотразимое стремленіе стать государствомъ всемірнымъ“ (стр. 18). Гегемония — лишь скромное выражение этого стремления; условия его—слабость и подчиненность по возможности всех окружающих стран. Эту роль играла последняя французская империя, теперь немецкая, и „германское государство, по нашему убѣжденію, единственное настоящее государство въ Европѣ“ (стр. 19).

(„Государство“ (Empire, Royaume [1]); „государъ“ (souverain, monarque, empereur, roi [2]); („государствовать“, régner, dominer [3]); „государъ“ (souverain, empereur, monarque, roi [4]). По-немецки, наоборот, Reich (государство) — первоначально не что иное, как заключенный в определенные границы участок земли (крупный или мелкий), называемый по народности, по населению, которым он принадлежит. Так, например, местность у Регена в Верхнем Пфальце до Фихтаха — Viechtreich, Aachnerreich; Vrankryk (в Нидерландах), государство Нимвеген, государство Меген; участок Трарбух на Мозеле до сих пор еще Кревеврейх (Cröverreich), другая местность на Мозеле — Вестрих (Westrich).

„Государственная карьера“ Франции окончилась; кто сколько-нибудь знает характер французов, знает так же, как и мы (Бак.), что если Франция могла долго быть „первенствующею державою“, то второстепенное положение, хотя бы равное по значению остальным, для нее невозможно. Она будет готовиться к новой войне, к мести, к восстановлению утраченного „первенства“ (первого ранга) (стр. 19). Но достигнет ли она его? Наверное нет. Последние события доказали, что патриотизм, „эта высшая государственная добродѣтелъ“, не существует более во Франции (стр. 19). Патриотизм высших классов — только тщеславие, которым, как то показала последняя война, они жертвуют ради своих реальных интересов. Столь же мало патриотизма выказало и крестьянское население Франции. Крестьянин перестал быть патриотом с той поры, как он стал собственником. Только в Эльзасе и Лотарингии, на зло немцам, выказывался французский патриотизм. Патриотизм сохранился только у городского пролетариата. Поэтому против пролетариата и направлена главным образом ненависть имущих классов. Но они патриоты не в собственном смысле слова, ибо относятся социалистически (по-братски к рабочим всех остальных стран), и вооружились не против немецкого народа, а против германского военного деспотизма (стр. 20—22). Война началась всего шесть лет спустя после первого Женевского конгресса, но интернациональная пропаганда вызвала „особливо“ среди рабочих „латинскаго племени“ новое антипатриотическое миросозерцание (стр. 22). Оно проявилось также на митинге в Вене в 1868 году в ответ

---

[1]) Империя, королевство; [2]) суверен, монарх, император, король; [3]) царствовать, владычествовать; [4]) суверен, император, монарх, король.

на целый ряд политических и патриотических „предложенiй“, «сделанных буржуазными демократами Молодой Германии. Рабочие ответили им, что те их эксплоатировали, всегда обманывали и угнетали и что все рабочие всех стран — их братья (друзья). Международный стан рабочих — единственная их отчизна; международный мир эксплоататоров — единственные их враги» (стр. 22, 23). Послали в доказательство телеграмму парижским братьям, как пионерам „всемiрно-рабочаго освобожденiя“ (стр. 23). Ответ этот наделал много шуму в Германии, перепугал всех буржуазных демократов, в том числе и Иоганна Якоби, и оскорбил не только их патриотические чувства, но также и „государственную вѣру“ школы Лассаля и Маркса. Вероятно по совету последнего господин Либкнехт, ныне один из вожаков социал-демократов Германии, но состоявший в то время еще членом буржуазно-демократической партии (покойной Народной партии), немедленно выехал из Лейпцига в Вену для переговоров („переворотъ“) с венскими рабочими по поводу «политической бестактности, подавшей повод для этого скандала. Надо отдать ему справедливость, он действовал столь успешно, что спустя несколько месяцев, а именно в августе 1868 г., на Нюрнбергском конгрессе немецких рабочих все вожаки австрийского пролетариата беспрекословно подписали узко-патриотическую программу социально-демократической партии» (стр. 23, 24). Это показывало «глубокое различие между политическим направлением руководителей, более или менее ученых и буржуазных, этой партии и собственным революционным инстинктом германского или, по меньшей мере, австрийского пролетариата». Однако инстинкт этот мало развился с 1868 г. в Германии и в Австрии, зато великолепно развился в Бельгии, Италии, Испании и, в частности, во Франции (стр. 24). Французские рабочие сознают, что в качестве социалистов и революционеров они работают для всего мира (стр. 25) «и даже больше для мира, нежели для самих себя» (стр. 25). «„Эта мечта“ перешла в плоть и кровь французского пролетариата и изгнала из его сердца и его воображения последние остатки государственного патриотизма» (стр. 26). «Призывая к оружию, французский пролетариат был убежден, что он борется за свободу и за права немецкого пролетариата в такой же мере, как за свои собственные» (стр. 26). «Они боролись не за величие и за почести, а за победу над ненавистной „военною силою“, являвшейся в руках буржуазии орудием их порабощения. Они ненавидели немецкое войско не за то, что оно немецкое, а за то, что оно войско» (стр. 26). «Восстание Парижской Коммуны против версальского Национального Собрания и против спасителя отечества — Тьера — вполне выявляет единственную страсть, движущую ныне французским пролетариатом, для которого теперь существуют единственно только война социальная и революционная (стр. 27). В порыве социально-революционной страсти они провозгласили окончательное уничтожение французского государства, разрыв государственного единства Франции, не совместимый с автономией французских общин (коммун). Немцы уменьшили только границы и „силу“ их политического отечества, хотели „убить“ ее совсем (погубить, умертвить), и точно для проявления этой предательской конечной цели они повергли в прах Вандомскую колонну, этот высокопочитаемый памятник французского патриотизма» (стр. 27).

„Итакъ, государство, съ одной стороны, соцiалная революцiя — съ другой“. Борьба эта решительнее всего во Франции; даже и среди крестьян, по крайней мере

в Южной Франции (стр. 30). «И это враждебное противоречие двух отныне непримиримых миров является второй причиной, почему для Франции невозможно вновь перейти в первый ранг, вновь сделаться господствующим государством» (стр. 30). Версальская биржа, буржуазия и проч. потеряли голову, когда Тьер об'явил об очищении страны прусскими войсками (стр. 31). „Значитъ, странный патріотизмъ французской буржуазіи ищетъ своего спасенія въ позорномъ покореніи отечества“ (стр. 31). «Симпатии, в настоящее время так явно высказываемые французскими рабочими по отношению к испанской революции, в особенности в Южной Франции, где проявлялось очевидное стремление пролетариата к братскому единению с испанским пролетариатом и даже к образованию „народной“ федерации с ним, основанной на свободном труде и коллективной собственности („народ“ — нация, natio, nasci [1], нечто прирожденное, рождение), несмотря на все национальные различия и государственные границы, — эти симпатии и стремления указывают, по-моему, что для французского пролетариата в частности, как и для привилегированных классов, прошла пора государственного патриотизма» (стр. 32).

«„Гдѣ же такому старому, неизлѣчимо больному государству“ (как Франция) „бороться съ юнымъ и до сихъ поръ еще здоровымъ государствомъ германскимъ“ (стр. 33). Ни одна форма государства, будь то даже самая демократическая республика, не может дать народу того, что ему нужно, т.-е. вольной („вольный“ — свободный, но также и безудержный) организации его собственных интересов „снизу въ верхъ“ безо всякого вмешательства, опеки, гнета сверху, так как всякая такая государственность („государстъо“), даже наиболее республиканская и даже самая демократическая, даже так называемое народное государство („мнимо-народное государство, задуманное г. Марксом) в сущности своей“ представляет собой не что иное, как управление массами сверху вниз при посредстве интеллигентного и поэтому привилегированного меньшинства, точно оно лучше понимает действительные интересы народов, нежели сам народ» (стр. 34, 35). «Так как поэтому имущие классы не могут дать удовлетворения народным страстям и стремлениям, им остается одно только средство — „государственное насиліе“, одним словом — „государство“, потому что „государство“ значит также и „насиліе“ (violence, véhémence, force [2]) „господство посредствомъ насилія, замаскированнаго, если можно, а въ крайнемъ случаѣ безцеремоннаго“ и пр.» (стр. 35). Тут Гамбетта не поможет; отчаянная борьба между буржуазией и пролетариатом (во Франции) «требует применения всех сил и средств правительства (государства), так что для поддержания своего внешнего господства среди европейских держав у французского государства не остается ни сил, ни средств. „Куда же ему тягатся съ имперіею Бисмарка“ (стр. 37). Франция принуждена покориться руководству сверху, дружественно-попечительному влиянию германской империи, совершенно так, как итальянское государство подчинялось политике французского» (стр. 37, 38).

Англия: влияние весьма уменьшившееся. Характерна следующая фраза: „Еще тридцать лѣтъ тому назадъ она не перенесло бы такъ спокойно ни завоеванія рейнскихъ провинцій нѣмцами, ни возстановленія русскаго

[1] Нация, родиться.

[2] Насилие, напор, сила.

преобладанія на Черномъ морѣ, ни похода русскихъ въ Хиву" (стр. 39). Причины этой уступчивости и т. д. — борьба рабочего мира с эксплоататорским, владычествующим в политике бужуазным миром (стр. 39). Там социальная революция близится и т. д. (там же).

Испания и Италия — о них говорить не приходится: никогда не станут сильными и грозными государствами, — не по недостатку в материальных средствах, а потому, что „народный духъ" движет их к совершенно иным целям (стр. 39). Кстати: Испания вновь пробудилась во время народной войны против Наполеона, который сам был выходцем из грубых масс. Ничего подобного не произошло в Германии в 1812 и в 1813 гг.: встрепенулись только после неудач Наполеона в России. Исключение — один только Тироль (стр. 40, 41). Тут же: „Мы видѣли, что обладанія собственностью было достаточно, чтобы развратить французское крестьянство и убить въ немъ послѣднюю искру патріотизма" (стр. 42). В Германии (1812—1813) молодые граждане или, правильнее, „вѣрноподданные", возбуждаемые философами и поэтами, вооружились на защиту и восстановление немецкой империи, потому что как раз в то время пробудилась в Германии идея пангерманского государства. Между тем испанский народ поднялся индивидуально („поголовно"), чтобы защитить („отстоять") от жестокого и могущественного поработителя [отчизну] свободу „родины" и самостоятельность „народной жизни" (стр. 43). После того в Испании напрасно испробованы были все формы правительства — деспотического, конституционного, консервативно-республиканского и проч., даже мелко-буржуазной федеральной республики вроде Швейцарской. Испанией не на шутку овладел бес революционного социализма. Крестьяне Андалузии и Эстремадуры, никого не спрашиваясь и не ожидая никаких приказаний, овладели бывшими имениями помещиков. Каталония, и в особенности Барселона, громко провозглашают свою независимость, свою автономию. Мадридский народ об'являет федеральную республику и не позволяет подчинять революцию будущим указаниям учредительного собрания. Даже и на севере, находящемся в руках карлистов, открыто происходит социальная революция: провозглашаются „фуэроссы", независимость округов и общин, судебные и гражданские акты состояния сжигаются; по всей Испании войско братается с народом и прогоняет своих офицеров. Всюду начинаются всеобщие и частные банкротства — первое условие социальной экономической революции (стр. 44). «Нет более ни финансов, ни войска, ни судов, ни полиции, ни правительственных сил, ни „государства", остается только могучий, „свѣжій" народ, поддерживаемый единственно только страстью к социальной революции. Под коллективным руководством Интернационала и Союза социальных революционеров он об'единяется и организует свои силы и т. д.» (стр. 42). В итальянском народе живет еще только традиция абсолютной автономии не только „областей" (провинций, округов и т. д.), но также и „общин". К этому „единственному политическому понятію", любопытным образом существующему в „народѣ", прибавляется историко-этнографическая „разнородность областей", говорящих на столь различных наречиях, что население одной „области" (означает также, en passant [1], власть, сила) понимает население другой лишь с трудом, а иногда и вовсе не понимает; однако Италия „общественно" не раз'единена. Наоборот, имеется „общій италіанскій характеръ и типъ", которым итальянцы

---

[1]) К слову сказать.

отличаются от людей всех прочих племен, даже южных (стр. 45). Уничтожение новейшего итальянского „государства“ неминуемо будет иметь последствием „вольно-общественное соединеніе“ (стр. 46). Все это относится, однако, только к „народнымъ массамъ“. Наоборот [в буржуазии] в „высшихъ слоях“ итальянской буржуазии так же, как и в других странах: „съ единствомъ государственнымъ создалось и теперь развивается все болѣе и болѣе соціальное единство класса привилегированныхъ эксплоататоровъ народнава труда. Этотъ классъ обозначается теперь въ Италіи общимъ именемъ консортерій — весь“ официальный мир, бюрократический и военный, полицейский и судейский; крупные землевладельцы, промышленники, купцы и банкиры; вся официальная и официозная адвокатура и литература, весь парламент (стр. 46).

Но даже самая страшная нужда (нищета), даже, когда она бьет по „много-милліонному“ пролетариату, не есть еще достаточный „залогъ“ революции. Если человек (стадо) доведен до отчаяния, то его возмущение становится много возможнее... В отчаянии даже немец перестает быть резонером, однако для того, чтобы довести его до отчаяния, требуется чрезвычайно много... Но „нищета“ и „отчаяніе“ способны вызвать лишь отдельные личные, в крайнем случае — местные „бунты“; они недостаточны для того, чтобы охватить „цѣлыя народныя массы“. Для этого необходим „обще-народный идеалъ“, „всегда“ исторически вырабатывающийся из „глубины народнаго инстинкта“. К этому надо прибавить „вѣру“ в свое право, „можно сказать, религіозную вѣру в это право“ (это вместе с бедностью и отчаянием составляет верный рецепт социальной революции) (стр. 47, 48). «В таком положении как раз и находится итальянский народ» (стр. 48). К тому же Международный Альянс в течение последних двух лет (стр. 72 и 73) деятельно и значительно действовал в Италии в качестве повивальной бабки этого идеала. «Альянс „указалъ ему цѣль, которую онъ долженъ осуществить, и вмѣстѣ с тѣмъ открылъ ему пути и средства для организаціи народной силы“ (стр. 48). Примечательно, что в Италии, как и в Испании, „государственно-коммунистической программѣ Маркса“ решительно не посчастливилось (удалось) и что, наоборот, там повсюду и со страстью приняли программу широкоизвестного („пресловутаго“ Альянса) „Союза соціальныхъ революціонеровъ“, объявив беспощадную войну всякому „господству, правительственной опекѣ, начальству и авторитету“ (стр. 49). При таких условиях народу возможно освободить самого себя, при „такой широкой волѣ“ обосновать своеобразную жизнь всех и каждого, но никак не угрожать свободе каких-либо иных народов» (стр. 49).

Итак, Италия и Испания признают Альянс! У него программа, приближающаяся к социальным революционерам, но с их стороны не приходится опасаться никаких завоевательных тенденций (стр. 49).

Малые государства — Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция, „именно по тѣмъ же причинамъ“ (стало быть, именно потому, что они приняли программу Альянса!), «главным же образом потому, что из-за своей незначительности в политическом отношении (стр. 49) они никому не угрожают», имеют не мало оснований «опасаться порабощения со стороны новой германской империи» (стр. 50).

Австрия — при смерти. Разделена на два государства: мадьяро-славянское и германо-славянское (стр. 50). В последнем хотят владычествовать немцы. «Немцы,

„государственники“ и бюрократы можно сказать по природе, опираются при предъявлении своих требований на свои исторические права, т.-е. на право завоевания и „давности“, с одной стороны, а с другой — на свою якобы превосходную культуру» (стр. 50). За последние годы немцы принуждены признать за мадьярами самостоятельное „существованіе“. „Изъ всѣхъ племенъ“, населяющих австрийскую империю, мадьяры после немцев „самый государственный народъ“ (стр. 52); они заявляют свое историческое право на господство над всеми остальными племенами, населяющими вместе с ними венгерское королевство, хотя они сами составляют не намного более третьей части населения (а именно 5.500.000 мадьяр, 5.000.000 славян, 2.700.000 румын, 1.800.000 евреев и немцев, около 500.000 других „племенъ“, всего 15.500.000) (там же). Таким образом, Австро-Венгерская империя по сю сторону Лейты делится на две области: славяно-немецкую с населением в 20.500.000 душ (7.200.000 немцев и евреев, 11.500.000 славян, около 1.800.000 итальянцев, и проч. „племенъ“) и мадьяро-славяно-румыно-немецкую (стр. 53).

В Венгрии «большинство населения покорено мадьярами, не любит их, неохотно несет их иго, отсюда беспрестанная борьба» (стр. 53). Мадьяры боятся восстания румын и славян. Отсюда тайный союз с Бисмарком, который, «предвидя неизбежную войну с обреченной на гибель Австрийской империей, „заигрываетъ“ с мадьярами» (стр. 54).

В империи по сю сторону Лейты дело обстоит не лучше. Там немцы хотят властвовать над славянским большинством. «Немцы ненавидят славян, ибо господин обычно ненавидит своих рабов» (стр. 54), боятся их освобождения и проч. «Подобно всем народам-завоевателям чужой земли и поработителям чужого народа, немцы в высшей степени „несправедливо“ одновременно и ненавидят, и презирают славян» (там же). Прусские немцы упрекают австрийское правительство главным образом в том, что оно неспособно онемечить славян. «Это, по их убеждению, а также и в действительности, составляет величайшее преступление по отношению к общенемецким патриотическим интересам, к пангерманизму» (стр. 55) (у него жирным шрифтом). В противовес этому пангерманизму австрийские славяне, за исключением поляков, выставили панславизм, такую же «отвратительную глупость, противный свободе и мертвящий народ идеал» (стр. 55). Сюда же относится примечание, в котором г. Б. угрожает рассмотреть этот вопрос подробнее; здесь же он лишь приглашает революционную русскую молодежь противодействовать этому: он признает, что среди австрийских славян действуют в этом направлении русские агенты, уверяющие их, что царь желает освободить страну от германского ига, и «это в то же время, когда петербургский кабинет „явнымъ образомъ“ продает и предает Бисмарку всю Богемию с Моравией в награду за обещанную поддержку на Востоке».

Каким же образом случилось, что в австрийских и славянских землях имеется целый класс образованных и т. д. людей, которые ждут либо освобождения со стороны русских, либо даже «воздвижения славянской великой державы под владычеством русского народа»? (стр. 57).

Это только показывает, «до какой степени этой проклятой немецкой цивилизации, по существу своему „буржуазной“, а потому и „государственной“, удалось проникнуть в душу даже славянских патриотов, которые остаются вполне немцами

и тогда, когда цель, к которой они стремятся, анти-германская; немецкими способами и средствами они думают освободить славян от немецкого ига. Благодаря их немецкому воспитанию они не представляют себе иного средства освобождения, нежели образование славянских государств или единого великодержавного славянского государства. Таким образом, они ставят себе чисто германскую цель, ибо „новѣйшее государство" централистично, бюрократично, оно полицейско-солдатское, вроде, например, новой германской или „всероссійской" империи, чисто германского „созданія"; в России в нем раньше была порядочная примесь татарского элемента, „но за татарскою любезностью и в Германіи теперь дѣла не станетъ" (стр. 57).

«По всей своей природе, по всему своему существу славянское племя решительно не политическое, т.-е. не „государственное". Напрасно чехи „поминаютъ" свою моравскую великодержавность, а сербы — государство Душана. Все это — явления преходящие или старые басни. В действительности никогда ни одно славянское племя не основывало своими силами „государство"» (стр. 57).

Польская монархия-республика основана под двояким воздействием германизма и латинизма, после того как славянский народ („хлопъ" — крепостной, слуга) был совершенно порабощен шляхтой, которая, по мнению многих польских историков, например „Мицкевича", не славянского происхождения (стр. 58).

Богемское (чешское) государство склеено по образу и подобию немецкого под открытым влиянием немцев и поэтому вскоре органически слилось с германской империей.

Русская империя: татарский кнут, византийское „благословеніе" и немецкое чиновно-солдатское и полицейское просвещение (стр. 58).

«Таким образом, несомненно, что никогда славяне по собственной инициативе не основывали „государства". Ибо они никогда не были племенем завоевателей. „Государства" основываются лишь народами-завоевателями, и те их основывают неизменно себе на пользу и во вред порабощенным народам. Славяне были совершенно мирными земледельческими племенами, жили уединенно и независимо по своим общинам, которые по патриархальному управлялись „стариками" („управлять" значит тоже править), на основании [выборного начальства] „выборнаго начала", общинной собственности на землю, без дворянства, без особой касты жрецов, осуществляя все вместе патриархальным и, следовательно, несовершенным образом идею человеческого братства». Никакой политической связи между общинами, только связь для защиты от иноземных нашествий; никакого славянского „государства"; но общественная связь, братская, между всеми славянскими племенами, в высшей степени радушными и гостеприимными (стр. 58, 59). «При такой организации полная беззащитность от нападений и нашествий воинственных племен, в частности немецких, всюду стремившихся распространить свое господство» (стр. 59). Славяне отчасти искоренены, по большей же части порабощены турками, татарами, мадьярами и в особенности немцами (стр. 59). «Со второй половины X века начинается мучительная, но также и героическая повесть их рабства» (стр. 59).

«К несчастью Польши, „руководящія партіи" ее до нынешнего времени преимущественно принадлежали к шляхте, до сих пор не отказались от ее „государственной" программы, и вместо того, чтобы искать освобождения и „обновленія" их „родины" в социальной революции, они ищут его, под влиянием старых пред-

рассудков, то в покровительстве какого-либо Наполеона, то в союзе с иезуитами и с австрийскими феодалами» (стр. 61).

В наш век вновь пробуждаются западные и южные славяне; средоточием первых является Богемия, а вторых — Сербия (стр. 61, 62).

Последнее выражение „государства“ — пангерманская империя: «дни ее сочтены, и от ее падения все народы ожидают своего окончательного освобождения... Неужели славянам нужно завидовать немцам в том, что те заслужили ненависть всех прочих народов Европы!» (стр. 63). (Англия для него, как политикана кофеен, не существует, — она, эта истинная глава буржуазного общества Европы.)

Либо никакого славянского „государства“ или же огромное, всепоглощающее панславянское, „кнутовое С.-Петербургское“ (стр. 64, 65).

Централизованному пангерманскому государству невозможно также противопоставить панславянскую федерацию вроде Соединенных Штатов (стр. 66). Федерация в Северной Америке возможна только потому, что на американском материке нет по соседству с великой республикой никакого великодержавного „государства“ вроде России, Германии или Франции. Таким образом, чтобы на „государственном“ или политическом поприще противодействовать победоносному пангерманизму, остается лишь одно средство — основать панславянское „государство“. Всеславянское рабство под „всероссійскимъ кнутомъ“ (стр. 67). Но и это невозможно. В Европе количественно втрое больше славян, чем немцев. Тем не менее никогда панславянское государство не сможет померяться мощью и действительно „государственно-военною силою“ с пангерманской империей. Почему? «Потому что в немецкой крови, в немецком инстинкте, в немецкой традиции имеется страсть к „государственному“ порядку и „государственной“ дисциплине»; у славян же наоборот: «поэтому для того, чтобы их дисциплинировать, их нужно постоянно держать под палкой, между тем как всякий немец готов „с убѣжденіемъ“ палку с'есть. Свобода его именно в том и состоит, что он „вымуштрованъ и охотно преклоняется“ перед всяким начальством. К тому же немцы — народ серьезный и трудолюбивый; они учены, бережливы, „порядливы, отчетливы и расчетливы“, что не мешает им, когда это нужно и в особенности когда того желает начальство, превосходно драться. Они доказали это во время последних войн. К тому же их военная и административная организация доведена до [высочайшей точки] возможной степени совершенства, какого не достигнет никогда ни один народ. Мыслимо ли при этом меряться с ними на поприще „государственности“ (стр. 68, 69). «Немцы ищут жизни и свободы в „государстве“: для славян же это могила. Они ищут своего освобождения во „всенародномъ бунтѣ“ не только против „германского государства“, но и против всякого, в социальной революции» (стр. 69). «Однако сами по себе они не рухнут; опрокинуть их может лишь всенародная и всеплеменная международная социальная революция» (стр. 69). Противогосударственная природа, составлявшая до сих пор их слабость, теперь, наоборот, для нынешнего народного движения является их силой (стр. 69). Близится время полного освобождения „чернорабочих массъ“ и «их свободной общественной организации „снизу вверхъ“ безо всякого (направляющего) „правительственнаго“ вмешательства, при помощи свободных хозяйственных „народныхъ“ (публичных, принадлежащих народу) „союзовъ“ (об'единений, альянсов, коалиций, союзов) „помимо“ всех прежних государственных границ и всяких нацио-

нальных различий, на одной только основе [Международной Ассоциации] производительной работы, общечеловеческой и вполне солидарной при всем ее разнообразии» (стр. 70).

«Национальность не является принципом общечеловеческим, а фактом местным и историческим, имеющим несомненное право, как и все „дѣйствительные" и безвредные факты, на всеобщее „признаніе". Всякий народ и даже „народецъ" имеет свой собственный характер, свои обычаи, составляющие „именно" сущность национальности; сущность и результат всей исторической жизни национальностей во всех обстоятельствах жизни. Всякий народ, так же, как и всякая личность, есть „по неволѣ" то, что он есть, и имеет несомненное право быть самим собой. К этому сводится все так называемое „национальное право" (стр. 70). Отсюда, однако, не следует, чтобы одни выставляли свою национальность, а другие свою индивидуальность в качестве „особыхъ" принципов. «Чем меньше они о себе думают и чем более „проникаются" общечеловеческим „содержаніемъ", тем больше оживают и выигрывают в идейном смысле национальность одних и индивидуальность других» (стр. 71). Так и славяне только тогда завоюют „свое законное мѣсто" в истории и в свободном братстве народов, когда они наравне с другими проникнутся мировыми интересами (стр. 71).

«В Германии реформа весьма быстро утратила характер „бунта", [не свойственного], неприятного немецкому темпераменту, и приняла форму „мирной государственной" реформы, являясь вскоре основой „самаго правильнаго" систематического, ученого деспотизма. Во Франции после долгой и кровавой борьбы, не мало послужившей к развитию свободной мысли в этой стране, они (стремления к реформе) были подавлены победоносным католицизмом. В Голландии, в Англии, а после того и в Соединенных Штатах Америки, они образовали новую цивилизацию, по существу своему антигосударственную, но „буржуазно-экономическую" и либеральную» (стр. 72. Место это очень характерно для Бакунина; подлинное капиталистическое государство для него антиправительственно; во-вторых, различия в развитии Германии, с одной стороны, Голландии и Англии — с другой, вытекают не из изменения в мировой торговле, а из и т. д.).

Религиозная реформа (премило тоже, что Возрождение рассматривается только sub specie [1] религии) внесла в существование цивилизованного человечества два главных течения: «экономическое, либерально-„буржуазное" — в частности Англия, а затем и Америка, — и деспотическое „государственное" по существу своему тоже „буржуазное" (слово это служит ему как для капитализма, так и для средневеков. мещанства в Германии) и протестантское, хотя и смешанное с католическими и дворянскими элементами, которые, впрочем, вполне подчинились „государству". Главными представителями этого направления были Франция и Германия, вначале австрийская, а затем прусская» (стр. 73).

Французская революция основала новые общечеловеческие интересы, идеал полнейшей человеческой свободы, но исключительно в области политической; противоречие, неосуществимость политической свободы, свободы в „государствѣ" — ложь. Вызвала два главных течения. Систематическая эксплотация про-

---

[1]) Под углом зрения

летариата и обогащение меньшинства. На этой эксплоатации народа одна партия хочет основать демократическую республику, другая, более последовательная, монархический, т.-е. откровенный „государственный“ деспотизм (стр. 73).

Против всех этих стремлений — новое направление, «прямо восходящее» к Бакунину (стр. 74).

«Таким образом, славянский пролетариат должен всей массой своей вступить в Международную Ассоциацию Рабочих» (стр. 75). «Мы имели уже случай упомянуть о великолепном выявлении международного братства у венских рабочих в 1868 году» (стр. 76) вопреки пангерманистской программе. Но австрийские рабочие не сделали дальнейших необходимых шагов, «так как были удержаны в самом начале германско-патриотической пропагандой г. Либкнехта и прочих социал-демократов, повидимому явившихся с ним в Вену в июле 1868 г. с определенной целью совратить правильный социальный инстинкт австрийских рабочих с пути международной революции и направить его на политическую агитацию в пользу основания „н а р о д н о г о“ г о с у д а р с т в а, разумеется пангерманского,— одним словом, на осуществление патриотического идеала графа Бисмарка, только на почве социал-демократической и путем так называемой легальной „народной агитаціи“ (стр. 76).

«Для славян это означало бы добровольное покорение немецкому игу, а это „противно“ всякой славянской душе (стр. 77). Поэтому мы не только не станем убеждать славянских братьев вступать в ряды социально-демократической партии немецких рабочих, ведомых диктаторской властью господ Маркса и Энгельса, а за ними — господ Бебелей, Либкнехтов и нескольких литераторствующих евреев; мы, наоборот, должны напрячь все силы, чтобы удержать славянский пролетариат от самоубийственного „вступленія“ в „Союзъ“ с этой партией, отнюдь не „народною“, а по направлению своему, задачам и средствам чисто „б у р ж у а з н о ю“ и к тому же исключительно немецкой, т.-е. „славяно-убійственною“» (стр. 77).

Славянский пролетариат не только не должен связываться с этой партией, но должен держаться от нее подальше, зато тем теснее примкнуть к Международной Ассоциации Рабочих. «Отнюдь не должно смешивать немецкую социально-демократическую партию с Интернационалом (стр. 77). Политическая патриотическая программа первой не имеет почти ничего общего с программой последнего, наоборот, она ей совершенно противоположна. На Гаагском конгрессе марксисты хотели навязать ее всему Интернационалу. Но эта попытка вызвала всеобщий громкий протест со стороны Италии, Испании, части Швейцарии, Франции, Бельгии, Голландии, Англии, даже некоторой части Соединенных Штатов Америки, так что для всего мира стало ясно, что кроме немцев никто не желает немецкой программы» (стр. 78).

«Славянский пролетариат должен массами вступать в Интернационал, образовать секции, а если необходимо, то и „обще-славанскую федерацію“» (стр. 78).

С е р б и я. „с е р б с к о е к н я ж е с т в о“: после освобождения от турок основали его сербы, и иго их оказалось еще более тяжким, нежели турецкое (стр. 79). Предано бюрократическому „грабежу“ и деспотизму (там же). В турецкой Сербии не было ни дворянства, ни очень крупных землевладельцев, ни промышленников, ни особенно богатых купцов; образовалась новая бюрократическая аристократия, преимущественно воспитанная на правительственный счет в Одессе, Москве, Петербурге, Вене, Германии, Швейцарии, Париже (стр. 79).

Болгары знать ничего не хотят о сербском „душановскомъ царствѣ“, равно как и „хорваты и черногорцы“ и сербы-босняки. Для всех этих стран один лишь путь к спасению и об'единению — социальная революция, но „никакъ не государственная война“, которая могла бы повести только к их порабощению Россией или Австрией или обеими вместе (стр. 86).

В чешской Богемии царство и венец Венцеслава, к счастью, еще не восстановлены; венское начальство обращается с ними просто, как с провинцией, даже без привилегий какой-нибудь Галиции, и все же в Богемии столько же политических партий, сколько во всех милых славянских „государствах“. «Да, этот проклятый немецкий дух политиканства и „государственности“ так проник в сознание чешской молодежи, что она находится в серьезной опасности в конце концов „утратить“ возможность „понимать свой народъ“» (стр. 86). «Во всех австрийских городах, где славянское население смешано с немецким, славяне рабочие принимают самое энергичное участие во всех общих выступлениях пролетариата. Но в этих городах не существует почти никаких других рабочих союзов, кроме признающих пропаганду немецкой социал-демократии, так что на деле славяне рабочие, увлекаемые своим социальным и революционным инстинктом, вербуются в ряды партии, прямой и вслух признаваемой задачей которой является основание пангерманского государства, т.-е. огромной немецкой „тюрьмы“» (стр. 88). А они должны признать программу бакунинского Интернационала (стр. 89) (в качестве вербовочного бюро рекомендуется — страница 89, подстрочное примечание — славянская секция в Цюрихе, принадлежащая к Юрской федерации).

Австрия (конец). Империя существует еще только благодаря расчетливой терпимости Пруссии и России, не желающих пока приступить к разделению ее, так как каждая из них выжидает благоприятного случая захватить кусок побольше.

Россия: «Полезная для народа конституция только одна — уничтожение (русской) империи» (стр. 96).

Обладает ли она необходимой военной силой, чтобы померяться с новой германской империей? Это в настоящее время представляет собой единственный политический вопрос в России (там же). «Вопрос этот... с неотвратимой настоятельностью поставлен новым положением Германии, которая „за одну ночь выросла въ огромное и всесильное государство“. Но вся история доказывает, и рациональная логика подтверждает, что два одинаково сильных государства не могут одновременно существовать рядом. Одно из них должно подчинить себе другое (стр. 97). Это необходимо для Германии. «После долгого, долгого политического унижения она внезапно стала могущественнейшей державой на европейском материке. Может ли она потерпеть, чтобы рядом с ней, так сказать под самым носом ее, высилась держава, от нее совершенно не зависимая, ею еще не побежденная и дерзающая сравнивать себя с ней; к тому же держава российская, „самая ненавистная“».

«Мы думаем, что не много русских, которые не знали бы, до какой степени немцы, все немцы, но преимущественно немецкие буржуа, а под их влиянием, увы, и сам немецкий народ, ненавидят Россию» (стр. 97). Ненависть эта является одной из сильнейших национальных страстей в Германии (стр. 98).

Вначале честная ненависть немецкой цивилизации к татарскому варварству (стр. 98). В двадцатые годы протест политического либерализма против

политического деспотизма (там же). Вся ответственность за Священный Союз сваливается на Россию (там же). В начале тридцатых годов симпатии к полякам, ненависть к русским, подавителям польского восстания (там же). Опять позабыли, что Пруссия [действенно] помогала при подавлении Польши; Пруссия помогала, потому что в случае победы поляков поднялась бы и вся прусская Польша, что «задушило бы в корне „возникавшее могущество“ прусской монархии» (там же).

Во второй половине тридцатых годов новое основание для ненависти со стороны Пруссии, данное национально-политическому направлению начинавшимся славянским вопросом: образование в Австрии и в Турции славянской партии, ожидавшей и надеявшейся на помощь со стороны России. Панславянская республика. Федерация — к ней стремились [уже] декабристы (Пестель, Муравьев-Апостол и пр.). Николай перенял эту мысль, но в виде панславянского, единого и аристократического государства под его железным скипетром. В начале тридцатых и сороковых годов из Петербурга и Москвы в славянские земли отправлялись русские агенты, одни официально, другие добровольно и безвозмездно; последние принадлежали к московскому обществу славянофилов. Среди южных и западных славян распространялась панславистская пропаганда. Много брошюр, отчасти написанных на немецком языке, отчасти переведенных на него. Опасения пангерманской публики: Богемия — русская! Это лишало их сна и аппетита (стр. 99). С этой поры — величайшая ненависть к России; русские со своей стороны не любят немцев. При этих условиях невозможность двух соседних государств, „всероссийской“ и пангерманской империй (стр. 100)! Однако причины соблюдать мир существовали и продолжают существовать для обеих. Во-первых: Польша (там же). Австрия не за раздел и т. д. Для нее — Польша защита от России и Пруссии. Во-вторых: Австрия, которую они желают поделить между собой. Раздел Австрии приведет их к раз'единению, но не раньше (стр. 100—102). В-третьих: новая германская империя ненавидима всеми, не имеет никаких союзников, кроме России, разве что Соединенные Штаты. Остается сделать еще много для реализации идеи пангерманского государства: отнять у французов всю Лотарингию, с'есть Бельгию, Голландию, Швейцарию, Данию, Скандинавский полуостров, русские прибалтийские провинции, чтобы одной владычествовать над Балтийском морем. Она оставляет Венгрию мадьярам, Галицию с австрийской Буковиной русским, захзатывая для себя всю Австрию до [Тироля] Триеста (включительно) и Богемию, которую русский кабинет и не думает оспаривать... «Нам (Бакунину) положительно известно, что насчет более или менее отдаленного раздела австрийской империи давно уже ведутся тайные переговоры между Петербургом и германскими дворами», при чем они, разумеется, стараются взаимно друг друга обмануть. Прусско-германское государство в отдельности не способно осуществить эти широкие планы; «поэтому союз с Россией составляет и долго еще будет составлять „насущную необходимость“. То же и для России. Завоевательные тенденции по всем направлениям и во что бы то ни стало — нормальные жизненные условия для Российской империи». В каком же направлении? На запад или на восток? Западный путь — панславянский и связь с Францией против об'единенных военных сил Пруссии и Австрии при вероятном нейтралитете Англии и Со-

единенных Штатов. Другой (восточный) путь ведет в Индию, Персию и Константинополь. Но тут враги — Австрия, Англия, вероятно с ними и Франция; союзники — Германия и Соединенные Штаты (стр. 102—104).

Первый путь (панславянский, против Германской империи). Помощь Франции ничего не стоит; единство ее навсегда нарушено; и пр.; путь этот революционный, ведет к восстанию народов славян против их законных „государей", австрийских и прусско-германских. Николай откинул этот путь по инстинкту, принципу и т. д. (!). К тому же „нельзя не признать, что для всероссійской государственности освобожденіе Польши рѣшительно невозможно". В течение целых столетий борьба обеих форм государства, „шляхетской воли" и царского кнута. Поляки часто казалось близки к победе. Но как только в 1612 г. в Москве восстал народ, а затем восстание малорусского и литовского „холопства" под руководством Богдана «Хмельницкого» — конец, «русский кнут победил благодаря народу» (признание это на стр. 110). На развалинах шляхетско-польского государства основалось „всероссийское" государство кнута. «Если отнять эти основы, области, входившие до 1772 г. в „состав" Польского королевства, Всероссийская империя исчезнет» (стр. 110). Это — самые богатые, плодородные и населенные области; в случае их отпадения богатство и могущество Российской империи уменьшится на половину. За этой потерей последует и потеря „Прибалтійскаго края", и если действительно польское государство возродится к новой жизни, оно вырвет у России всю Малороссию, которая станет либо польской провинцией либо независимым „государством". Таким образом утрачена будет и черноморская граница, так что Россия будет со всех сторон отрезана от Европы и оттеснена в Азию. Некоторые полагают, что русская империя может отдать Польше хотя бы Литву. „Нет". Близость „Москвы" и Польши по необходимости поведет польский патриотизм к покорению прибалтийских провинций и Украины. [Польша добровольна.] Достаточно освободить нынешнее Царство Польское, и Варшава немедленно соединится с Вильной, Гродной, „Минском", Киевом, не говоря уже о Подолии и Волыни. Польша народ такой беспокойный, что ему никак нельзя уделить свободного местечка; немедленно станет средоточием всереволюционного сопротивления. Российская империя может продлить свое существование только при том условии, чтобы „душить" Польшу по муравьевской системе... Русский народ не имеет ничего общего с российским государством, интересы их противоположны (при этом случае Бакунин выставляет следующее положение, по его собственной системе — идиотское: «Как только русское государство распадется, и народы великорусский, малорусский и проч. [восстанут] добьются свободы, для них не „страшны" будут честолюбивые замыслы польских „государственных" патриотов (comment donc! [1]). Замыслы эти опасны и гибельны только для империи» (стр. 41). Поэтому царь добровольно не откажется от малейшего клочка Польши. «А не освобождая поляков, он не может призывать славян к бунту» (стр. 104—111).

А во времена Николая путь панславизма обещал быть более полезным, чем нынче. Тогда возможно было еще рассчитывать на восстание мадьяр и итальянцев против Австрии. Теперь же Италия будет вероятно нейтральна, так как Австрия в случае надобности вероятно добровольно отдаст ей немногочисленные итальянские

---

[1]) Как бы не так!

остатки, имеющиеся еще у нее. Мадьяры, принимая во внимание их собственные „государственные“ отношения к славянам, со страстностью встали бы на сторону немцев против России. Русский император мог бы рассчитывать только на некоторое содействие со стороны австрийских славян; если бы он хотел поднять и турецких, у него явился бы новый враг, Англия. Но в Австрийской империи всего только 17 милл. славян; отсюда следует вычесть 5 милл., приходящихся на Галицию, где поляки парализовали бы русин; остается 12 милл., из числа которых надо отнять еще и тех, которые служат в австрийском войске и по примеру всякого войска бросились бы на всякого, на кого прикажет начальство. Эти 12 милл. (у Бакунина — исключительно только мужчины, притом взрослые) не об'единены в одном или нескольких пунктах; они рассеяны по всему пространству австрийской империи, говорят на весьма различных наречиях, перемешаны с немцами, мадьярами, итальянцами, румынскими народностями. «Этого очень много, чтобы держать в постоянном страхе австрийское начальство и немцев вообще, но очень мало, чтобы оказать русским войскам серьезную поддержку против об'единенных сил прусской Германии и Австрии». Русское правительство знает это и не думает вести панславянскую войну против Австрии, что по необходимоети превратилось бы в войну против всей Германии. Однако при посредстве своих агентов оно ведет действительную панславистскую пропаганду в австрийских областях. Для него полезно иметь таких слепых и пр. приверженцев во всех провинциях Австрии. «Это парализует, затрудняет, беспокоит австрийское правительство и усиливает влияние России не только в Австрии, но и во всей Германии. Императорская Россия возбуждает австрийских славян против мадьяр и немцев, зная очень хорошо, что в конце концов она выдаст их головой немцам и мадьярам» (стр. 112—113).

На западном панславянском пути России пришлось бы воевать со всеми немцами, прусскими и австрийскими, с мадьярами и с поляками. Может ли Россия в войне наступательной (какую ей пришлось бы вести якобы для освобождения славян) справиться хотя с одной только прусской Германией? Русский народ нисколько не будет заинтересован в войне, как вообще народы не интересуются чисто политическими правительственными войнами; пример последнего в новейшей истории — только Наполеон I, который, впрочем, считался продолжателем революции; в сущности пример — только последняя прусская война против второй империи. Пангерманские интересы перевешивали тогда все другие интересы в умах и сердцах всех немцев без исключения, и это в настоящее время составляет особую силу Германии... Русские же не выказали интереса к своему правительству даже во время Крымской войны, «не завоевательной, а оборонительной» (об этом на стр. 117; стало быть, война против Наполеона III была только наступательной?). Русский крестьянин не знает даже, что он славянин... Для славянских народов война против всех, сначала в союзе с латинянами, которым, как и славянам, угрожает немецкая завоевательная политика... Сначала с немцами, как только они также окажутся анти... [государственниками], но до тех пор союз славян с латинянами против немецкой завоевательной политики остается необходимостью... «Странное призвание германского племени. Вызывая (пробуждая) против себя всеобщие опасения и всеобщую ненависть, народы об'единяются»... «В этом смысле и русский народ —

народ вполне славянский». Однако враждебность эта не увлекает их настолько, чтобы они по собственному почину начали войну; она проявится лишь тогда, когда немцы сами двинутся на Россию и вздумают там хозяйничать,— но никакого участия в наступательной войне против немцев... Достаточны ли правительственные средства, финансовые и военные, против Германии?.. В данном случае (наступление русских) немцам пришлось бы сражаться у себя, и „на этот раз“ произошло бы действительно „поголовное“ восстание всех классов и всего населения Германии (стр. 114—120). Русский офицер — лучший человек, нежели немецкий... цивилизованный дикий зверь... Немцы, в особенности офицеры и чиновники, соединяют образование с варварством, ученость с лакейством... Но для регулярной армии нет ничего совершеннее немецкого офицера,— вся его жизнь: повиноваться и командовать... Немецкий солдат также образцовый солдат для регулярного войска как по природе, так и по дрессировке... Укрощают сначала тело, а затем и дух солдата... Дисциплина и т. д.... Немецкое офицерство имеет перед офицерством других народов преимущество знания, теоретического и практического знакомства с военным делом, пламенной и совершенно педантической преданности военному ремеслу, точности, аккуратности, „выдержки“, упорного „терпѣнія“ и к тому же относительной „честности“. Организация и вооружение немецкой армии существуют в действительности, а не только на бумаге, как у Наполеона III, как будет у нас. К тому же административный, гражданский и в особенности военный контроль, так что длительный обман невозможен. «У нас же, наоборот, снизу доверху рука руку моет. Из-за этого выяснить истину почти невозможно» (стр. 121—128) (последняя фраза — стр. 128). Если Россия сможет выставить даже миллион солдат, половину придется оставить внутри страны для наблюдения за возлюбленным народом. Сколько же потребуется только для Украины, Литвы, Польши (стр. 128).

«У Германии — настоящая „милліонная“ армия, по организации, „вымуштровкѣ“, духу, знанию, вооружению — первая в мире. А позади весь вооруженный народ, который вероятно не восстал бы против французов, если бы в последнюю войну победил не прусский Фриц, а Наполеон III, но против русского „вторженія“ поднялся бы как один человек... Но где же будет русский миллион? На бумаге... Где офицеры и вооружение?.. Без денег... Пять миллионов, немцы от французов. По крайней мере два на военные снаряжения... «Да, вся Германия превращена в настоящее время в арсенал», во все стороны ощетинившийся. С первого вашего шага в Германии вы будете разбиты на голову, и ваша наступательная война немедленно превратится в оборонительную; немецкое войско перейдет границы всероссийской империи. Тогда всеобщее восстание русского народа? «Да, если немцы вступят в русскую „область“, например пойдут прямо на Москву; но если они этой глупости не совершат, а направятся северным путем на Петербург через Прибалтийские области, где они найдут много друзей не только среди мещанства, протестантских пасторов и евреев, недовольных баронов и их детей, студентов, но также и среди бесчисленных наших остзейских генералов, офицеров, высших и низших чиновников, наполняющих Петербург и рассеянных по всей России; больше того, они подымут против русской империи Польшу и Малороссию» (стр. 128—131).

У поляков нет более опасного и злостного врага, нежели Бисмарк. «Кажется, что задачей своей жизни он поставил „стереть“ их с лица земли. И все это не мешает

ему призывать поляков к возмущению против России, когда того требуют интересы Германии. И несмотря на то, что поляки ненавидят его и Пруссию, чтобы не сказать всю Германию, в чем поляки „не хотѣли бы сознаться, хотя в глубинѣ ихъ души, не менѣе, чѣмъ у всѣхъ других славянскихъ народовъ, живетъ та же самая историческая ненависть противъ нѣмцевъ“..., поляки несомненно по призыву Бисмарка восстанут» (стр. 133).

«В Германии и в самой Пруссии существует давно уже многочисленная и серьезная политическая партия, даже три партии: либерально-прогрессивная, чисто демократическая и социально-демократическая, образующие вместе несомненное большинство в немецком и прусском парламенте, а тем паче в самом обществе; партии, которые, предвидя, отчасти желая и как бы вызывая войну Германии против России, поняли, что восстание и восстановление Польши „въ извѣстныхъ предѣлахъ“ является необходимым условием этой войны» (стр. 133). Ни Бисмарк и ни одна из этих партий не желают возвратить Польше все оторванные от нее с прусской стороны части: ни Кенигсберг, ни Данциг, ни малейший клочок западной Пруссии, а из Познанского герцогства как можно меньше. Зато они дают им всю Галицию с „Львовымъ“ и Краковом, так как все это стало австрийским, и столько из русской части, сколько поляки смогут сами взять. Кроме того, деньги, оружие и военную помощь, само собой разумеется, в виде польского займа с немецкой гарантией. Поляки с радостью за это ухватятся... За немногими исключениями поляки не занимаются славянским вопросом; им „гораздо понятнѣе и ближе мадьяры“... У поляков многочисленные партии; на заднем плане, однако, всегда восстановление польского „государства“ в пределах 1772 г. Разница в партиях лишь та, что одни видят единственно правильный путь к цели в одном, а другие в ином... Бисмарк потребует от них формального отречения от большей части старо-польских земель, ставших ныне прусскими... Правда, étrange Pologne [1]), восстановленная под защитой графа Бисмарка. Но лучше „странная“ Польша, нежели никакая; кроме того поляки думают, что им впоследствии возможно будет освободиться также и от опеки Бисмарка... Польша возродится, Литва также, затем небольшая буря, и Малороссия также восстанет... Польские патриоты — совсем жалкие социалисты, и у себя дома не станут заниматься социально-революционной пропагандой; если бы они захотели, Бисмарк бы не допустил — „слишком близко к Германіи“, но это можно делать в России против России. Немцам и полякам полезен крестьянский „бунт“ в России, и это им не трудно; как только поляки и немцы рассеяны по России, они союзники Бисмарка и Польши: «представьте себе наше положение: наше войско разбито на-голову, бежит, за ним по стопам идут на Петербург немцы, а с юга и с запада на „Смоленскъ“ и на Малороссию идут поляки, и в то же время, возбужденное [внешней] пропагандой изнутри и снаружи, в России и в Малороссии общее и победоносное крестьянское восстание» (стр. 138) . . . немецкое государство совершенно бы отрезало русское от Европы. «Мы говорим, разумеется, о русском государстве, а не о русском народе, который, когда это понадобится, найдет или „пробьетъ себѣ“ („пробиться“, проложить, выломать, percer, se faire jour) „всюду (всюду, со всех сторон) дорогу“» (стр. 138—139).

---

[1]) Странная Польша.

[Итак, между тем как русский народ действует как целое и прокладывает себе пути, чтобы не быть отрезанным от Европы, эти анархисты ведут войну политическую. Чего же хочет Бакунин? Немцы и поляки разрушают русскую империю, но вызывают в то же время всеобщее победоносное восстание крестьян в России. Бисмарк и поляки ничем не будут препятствовать этим крестьянам выказать себя «анархистами». Наоборот, они ведут среди них пропаганду более действенную, нежели «пресловутый» Альянс; и как только это анархистическое состояние будет создано в достаточно широких размерах, огонь перекинется также и на латинских и славянских братьев. Будет ли это следствием войны России против Германии, или начнется vice versa [1]), — не может ничего изменить по существу. (К слову сказать, так как в Сербии. по Бакунину, кроме народа существует только еще «класс чиновников», в чем же там состоять сербской социальной революции, если не в устранении чиновничьего класса, одного составляющего там „государство"?)] (стр. 138—139).

Итак, для всероссийской империи путь в Европу ныне закрыт; у врат ее стоит с ключом граф Бисмарк, который ни за что на свете не вручит их графу Горчакову. Но если закрыт путь северо-западный, то остается южный и юго-восточный, Бухара, Персия, Афганистан, Ост-Индия, наконец, Константинополь. Уже давно поставлен русскими политиками вопрос о том, не перенести ли центр тяжести из Петербурга в Константинополь. Правда, эти ненасытные патриоты желают и того и другого — Балтийское море и Константинополь. Однако приучаются отказываться: особенно глаза у них открылись благодаря событиям последних лет, а именно соединению Шлезвиг-Голштинии и Ганновера с прусским королевством, которое тем самым превратилось в Северо-Германскую державу (стр. 139).

«Всем известна аксиома, что никакое „государство" не может занимать перворазрядного места без широкой морской границы, обеспечивающей за ним непосредственную связь со всем миром и дающей ему возможность прямого участия в мировом движении, материальном, общественном, „политически-нравственномъ"... без чего вскоре застой... Китай... Существуют многообразные предпосылки для того, чтобы народ консолидированный („замкнутый в государство") принимал участие в мировом движении; нынче для этого „принадлежитъ природный умъ и прирожденная энергія", знание и способности для производительной работы „и самая обширная внутренняя свобода, столь невозможная, впрочемъ, для массъ в государстве". Но к этим условиям относятся непременно и мореходство, морская торговля, потому что морские пути, благодаря своей относительной дешевизне, краткости и также свободе, в том смысле, что море не принадлежит никому, превосходят все остальные, в том числе и железные дороги. Возможно, что воздушные сообщения окажутся во всех отношениях еще более пригодными и станут еще важнее, что они в конце концов „уравняютъ" условия развития и жизни во всех странах». (Для Бакунина главное — уравнение, нивелировка, например, всей Европы до уровня словака-крысолова) ... Пока что мореходство остается главнейшим средством для благоденствия (великий успех „преуспѣянія народовъ") народов. (Это единствен-

---

[1]) Наоборот.

ное место, в котором господин Бакунин говорит об экономических условиях, что они представляют собой основу народных различий и условий, независимых от государства). Когда не будет больше государств и на развалинах всех их возвысится совершенно свободно, организуясь снизу вверх, вольный братский союз вольных продуктивных ассоциаций, общин и „областныхъ“ федераций, об'единяющих без всяких различий — ибо свободно — людей всех языков и особенностей, тогда путь к морю будет одинаково открыт для всех: для жителей береговой полосы непосредственно, а для тех, кто живет далеко от моря, при посредстве железных дорог: он будет совершенно свободным от „государственныхъ попеченій“ (забот, охраны, устройства, вмешательства) „взиманій“ («l'action de prendre») пошлин, ограничений, придирок, запрещений, разрешений и вмешательств. Но и тогда приморские прибрежные жители будут пользоваться множеством естественных преимуществ, не только материальных, но также духовных и нравственных. Посредственное соприкосновение с мировым рынком и с мировым движением жизни вообще чрезвычайно развивает [до известной степени дениверлирует] и без того не нивелированные отношения; при всем том жители внутренних частей страны, лишенные этих преимуществ, будут медленнее и инертнее жить и развиваться, нежели жители прибрежной полосы. Смотри, почему так важно будет воздухоплавание... Но до тех пор... береговые жители будут во всех отношениях составлять авангард, своего рода аристократию человечества (Бретань, например). [А разница между равниной и горными местностями, речными районами, разница в климате, в почве, угле, железе, приобретенных производственных силах, материальных и духовных, в языке, литературе, технических способностях и пр., пр.] Тут Фурье решительнее ведет дело с уравнительным нивелированием. (Стр. 139—142.)

Тут Бакунин попутно делает открытие, что Германия (как страна не морская) в отношении торговом уступает Голландии, а в промышленном — Бельгии (стр. 143).

Пруссия, ныне олицетворение, голова и длань Германии, сильно опиралась на Балтийское и Немецкое моря (стр. 145). Гамбург, Бремен, Любек, Мекленбург, Ольденбург, Шлезвиг-Голштиния — вся Пруссия строит на французские деньги два больших флота: один в Балтийском, другой в Немецком море, и благодаря морскому каналу, который теперь прорывают для соединения обоих морей, эти два флота вскоре образуют один. Он вскоре будет много сильнее русского балтийского флота. Тогда к чорту Рига, Ревель, Финляндия, Петербург, Кронштадт! К чорту все значение Петербурга! Горчаков должен был себе все это сказать. В тот день, когда союзная Пруссия безнаказанно и как бы с нашего согласия ограбила нашего союзника — Данию (польское восстание, господин Бакунин!), «он должен был понять, что с того дня, когда Пруссия, опираясь на всю Германию и образуя в неразрывном единстве с нею сильнейшую державу на материке; с того времени, одним словом, когда новая Германская империя под скипетром Пруссии заняла у Балтийского моря свою настоящую позицию, столь угрожающую для всех соседних держав, — гегемонии петербургской России на этом море пришел конец, уничтожилось великое политическое творение Петра, а вместе с ним уничтожилась и власть всероссийской империи, если в возмещение

утраты свободного морского пути (но свободного докуда, s'il vous plait? [1]) «свободного» для англичан до самых стен Кронштадта) не откроется на севере нового пути на юг» (стр. 145—147). Подступы еще в руках Дании, но она сначала — добровольно федерирована, а затем поглотится вполне пангерманским государством. Таким образом Балтийское море вскоре станет чисто германским озером, и тогда — потеря Петербургом политического значения. Горчаков должен был знать это, когда соглашался на расчленение Дании и соединение Шлезвиг-Голштинии с Пруссией. Он либо предавал Россию, либо получил со стороны Бисмарка формальное обязательство действовать сообща с Россией для образования новой державы на юго-востоке. Для Бакунина несомненно, что между Пруссией и Россией заключен был наступательный и оборонительный союз после Парижского мира или, по меньшей мере, во время польского восстания 1863 г. Отсюда беспечность, с которой Бисмарк начал войну с Австрией и с большей частью Германии, рискуя французским вмешательством и еще более решительную войну с Францией. Малейшая пограничная демонстрация со стороны России в это время, в особенности во время последней войны, воспрепятствовала бы дальнейшему победоносному шествию прусской армии. Из Германии, в особенности из северной части Германии, во время войны были выведены все войска; Австрия вела себя тихо, только подчиняясь угрозам со стороны России; Италия и Англия потому только не вмешивались, что Россия этого не желала. Если бы она не выказала себя столь решительной союзницей Пруссии, немцы никогда не взяли бы Парижа. Но, очевидно, Бисмарк был убежден в том, что Россия его не выдаст. На чем покоилось это убеждение? Бисмарк знает, что русские и прусские интересы совершенно противоположны, за исключением польского вопроса. Война между обеими странами неизбежна. Но могут быть основания для отсрочки, при которой каждый надеется использовать невольный союз как можно выгоднее. Германская империя далеко еще не укреплена ни с внешней, ни с внутренней стороны. В стране еще множество мелких князьков. Извне — Австрия и Франция. Покоряясь внутренней необходимости, она мечтает о новых предприятиях, о новых войнах. Восстановление средневековой империи в первоначальных границах, опираясь на патриотический пангерманизм, одушевляющий все немецкое общество; об'единение всей Австрии, за исключением Венгрии, но с Триестом и с Богемией в придачу, всей германской Швейцарии, части Бельгии, всей Голландии и Дании необходимо для утверждения ее морской мощи, — планы, подымающие против нее значительную часть западной и южной Европы, вследствие чего невозможно выполнение их без согласия России. Поэтому для новой германской империи русский союз еще необходим (стр. 148—151).

Всероссийская империя со своей стороны не может обойтись без [прусско-германского] союза. Она должна распространяться на юго-восток, — вместо Балтийского моря — Черное, иначе она отрезана от Европы; а для этого необходим Константинополь; без этого ей всегда можно отрезать выход в Средиземное море, как оно п случилось во время Крымской войны. Таким образом, конечная цель — Константинополь. Вопреки интересам всей южной Европы, включая и Францию, вопреки интересам английским и даже германским, так как неограниченное

[1]) Скажите, пожалуйста!

владычество России на Черном море поставит все дунайское „прибрежье“ в прямую зависимость от России. Тем не менее, однако, Пруссия формально пообещала России поддерживать ее в ее юго-восточной политике; также верно и то, что она воспользуется первым случаем, чтобы нарушить свое слово. Но подобного нарушения договора пока ожидать не приходится; вначале он даже скорее будет выполнен. Пруссия помогла России при уничтожении условий Парижского мира: будет ей также помогать и по отношению к Китаю. К тому же для немцев полезно, чтобы Россия удалялась как можно дальше на восток. Какова цель русских войн против Китая?.. Индия? Об этом и не думают, с Китаем дело было бы много легче; русское правительство действительно как будто бы задумывает нечто в этом роде. «Оно стремится открыто оторвать от него Монголию и Манчжурию»; в один прекрасный день мы услышим о победах российского войска на западной границе (!) Китая... Китайцы чувствуют себя стесненными внутри их перенаселенной страны; поэтому эмиграция в Австралию, в Калифорнию; остальные массы могут двигаться по направлению к северу и северо-западу. И тогда в одно мгновение Сибирь, вся область, простирающаяся от Татарского пролива до Уральского хребта и до Каспийского моря, перестанет быть русской. На этом огромнейшем пространстве в 12.200.000 *км*², больше нежели в двадцать раз превосходящем размерами Францию (528.600 *км*²), теперь только 6.000.000 жителей. Из них только около 2.600.000 русских, все остальные туземцы, татарского или финского племени, а расположенное там войско совсем незначительно... Китайцы перейдут и за Урал, дойдут до Волги; увеличение народонаселения делает почти невозможным, чтобы китайцы продолжали существовать внутри китайских границ. В Китае энергичные, воинственные люди, выросшие в обстановке постоянной гражданской войны, при которой за один раз погибают десятки и сотни тысяч людей... За последнее время они ознакомились с европейским оружием и европейской дисциплиной, говоря кратко — с европейской цивилизацией. Притом великое варварство; никаких свободолюбивых или человеческих инстинктов. Уже теперь из их среды об'единяются банды под влиянием многочисленных военных авантюристов, американских и европейских, которые со времени последней французской и английской войны (1860 г.) открыли путь в Китай: таким образом, с восточной стороны большая опасность... С этой опасностью играет наше русское начальство, не задумывающееся, как дитя... Хочет расширять границы; а Россия до настоящего времени не в состоянии — и никогда не будет в состоянии — населить новоприобретенный Приамурский край, где на 2.100.000 *км*² — почти вчетверо больше, чем вся Франция — приходится вместе с армией и флотом всего 65.000 населения, притом нищета русского народа, толкающая его ко всеобщему „бунту“. Русское правительство надеется распространить свое владычество по всему азиатскому Востоку. Она должна была бы окончательно повернуться спиной к Европе,—чего, впрочем, Бисмарк и хочет,—обратить все войско на Сибирь и Среднюю Азию и, подобно Тамерлану, завоевать Восток; но за Тамерланом следовал его народ, а за русским правительством нет... Что касается Индии, то русские не могут овладеть ею вопреки сопротивлению англичан... «Но если мы не можем завоевать Индию, мы можем там уничтожить или, по меньшей мере, сильно расшатать английское владычество, вызывать к жизни туземные „бунты“ против него, помогать им, поддерживать их, если нужно даже посредством военного вмешательства». Это нам будет стоить страшно много денег

и людей... К чему?.. Чтобы беспокоить англичан без всякой пользы? „Нет“, потому что нам мешают англичане. Где они нам мешают? В Константинополе: покуда англичане сохранят свою власть, они никогда и ни за что на свете не согласятся, чтобы Константинополь стал в наших руках новой столицей не только всероссийской, но также Славянской и Восточной империи. «Поэтому русское правительство и ведет войну в Китае, поэтому оно издавна стремится приблизиться к Индии. Оно ищет точки, где оно могло бы повредить Англии, и, не находя никакой другой, угрожает ей в Индии. Так оно старается примирить Англию с мыслью о том, что Константинополь должен стать русским городом»... верховная власть в Балтийском море утрачена безвозвратно... Русская империя, основанная на штыках и кнуте, ненавистная всем народным массам, включая сюда и славянские и начиная с великорусского народа, деморализована, дезорганизована и проч... не в силах бороться с ново-возникшей Германской империей. Итак, «необходимо отказаться от Балтийского моря и ждать момента, когда вся Прибалтийская „область“ станет немецкой провинцией. Воспрепятствовать этому может только „народная революція“. Но такая революция „государству“ смерть, и не в ней будет наше правительство искать своего спасения» (последняя фраза на стр. 160). Для него не остается иного спасения, кежели союз с Германией. Отказываясь от Балтийского моря, оно должно искать возмещения в Черном море, хотя бы для самого своего политического существования, и может сделать это только с помощью немцев. «Немцы обязались помогать. Мы убеждены, — между Бисмарком и Горчаковым заключен формальный договор. Разумеется, немцы и не думают его выполнять. Они не могут предоставить на произвол России устье Дуная (Дунайские гирла) и свою торговлю на Дунае; устроить на юге Европы крупное панславянское государство было бы самоубийством со стороны государства пангерманского. Но толкать и направлять русские войска в Среднюю Азию, в Китай, под предлогом, будто это есть прямейший путь в Константинополь, — это дело другое. Горчаков и Александр II обойдены Бисмарком, как в свое время Наполеон III. Но дело сделано, изменить ничего нельзя. И не русским „дряблымъ силамъ“ опрокинуть новую Германскую империю; сделать это может только революция, и покуда она не восторжествовала в Европе и в России, всюду будет побеждать и над всеми властвовать „государственная“ Германия, а русское правительство, как и все континентальные правительства Европы, будут существовать лишь с ее разрешения и ее „милостью“»... «Немцы, больше, чем когда-либо, стали нашими господами, и не напрасно отпраздновали все немцы в России с таким жаром и шумом победу германских войск над Францией; не напрасно принимали все петербургские немцы нового пангерманского кайзера с таким торжеством». «В настоящее время на всем материке Европы осталось только одно действительно самостоятельное „государство“, это — Германия... Главной причиной является „инстинктъ общественности“, составляющий характернейшую черту немецкого народа. Инстинкт, с одной стороны, слепое повиновение сильнейшему, беспощадное угнетение слабейшего» (стр. 151—163). Следует обзор истории Германии за новейшее время (в особенности с 1815 г.) для доказательства ее рабьих чувств и стремления к угнетению... От последнего приходилось страдать в особенности славянам, ибо историческим назначением [немцев], по крайней мере на севере и на востоке, являлось, по их собственному толкованию,

уничтожение, порабощение и насильственное онемечение славянских племен. «Эта долгая и „печальная“ повесть, память о которой глубоко запечатлена во всех славянских сердцах, несомненно вновь прозвучит в последнем неизбежном бою против немцев, если социальная революция ее ранее того не смягчит» (стр. 164). Следует затем история немецкого патриотизма, начиная с 1815 г. (Материалы его из: проф. Мюллер, «История» 1816—1865 гг.).

«Политическое существование прусского королевства было пощажено лишь благодаря просьбам Александра I, (1807)» (стр. 168, 169).

Речи Фихте к германской нации: „но современные нѣмцы, сохранивъ всю громадность претензій своего философа-патріота, отъ гуманности его отказались... Для нихъ доступнѣе патріотизмъ князя Бисмарка или г. Маркса“ (стр. 171). После отступления и бегства Наполеона из России (по словам Бакунина) «Фридрих-Вильгельм III со слезами „умиленія и благодарности“ обнимал в Берлине своего рыцаря, императора всероссийского» (там же).

«Для Австрии оставалось только одно — не душить Германию своим вступлением» вместе с ее владением в германский союз, как она первоначально предполагала, «но в то же время не позволять Пруссии стать во главе германского союза. Следуя этой политике, она могла рассчитывать на действительную помощь Франции и России. Политика России вплоть до последнего времени, т.-е. до Крымской войны, состояла в поддержании систематического соперничества между Австрией и Пруссией, — в том, чтобы ни одной из них не давать перевеса над другой, и в то же время в возбуждении недоверия и страха среди мелких и средних княжеств Германии и в защите их от Австрии и Пруссии» (стр. 183). Влияние Пруссии преимущественно нравственное, от него ждали многого (после 1815 г.). Поэтому для Меттерниха важно, что нет никакой конституции (обещанной), чтобы стать вместе с Австрией во главе реакции. «В этих стремлениях он встретил пламенную „поддержку“ во Франции, управляемой Бурбонами, и в императоре Александре которым управлял „Аракчеев“» (стр. 184).

«Немцы не нуждались в свободе. Для них жизнь просто немыслима без начальства, т.-е. без начальственной воли, начальственной мысли и железной руки, „ими помыкающей“. Чем сильнее эта рука, тем бо́льшую гордость они испытывают, и тем милее им жизнь» (стр. 192).

1830—1840. Слепое подражание [галлу] французам. «Немцы перестают быть галлоедами, зато обращают всю свою ненависть против России» (стр. 198). «Все зависело от исхода польской революции. В случае ее победы прусская монархия была бы оторвана от своей северо-восточной опоры и принуждена отказаться, если не от всех, то от значительной части польских владений, была бы принуждена искать новой точки опоры в самой Германии, и так как она в то время не могла этого сделать путем завоеваний... то путем либеральных реформ» (стр. 199). После поражения поляков Фридрих-Вильгельм III, оказавший зятю своему, императору Николаю, столь значительную услугу, сбросил маску и стал преследовать пангерманских патриотов более рьяно, чем когда-либо (стр. 200).

«Будучи убеждены, что в своих более или менее развитых историей инстинктах, в своих повседневных потребностях и в своих сознательных и несознательных стремлениях народные массы носят в себе элементы своей будущей нормальной организации, мы ищем этот идеал (общественную организацию) в самом народе»

и так как всякая „государственная“ власть, всякое начальство, по существу своему и по своему положению поставлены вне народа, стоят над ним, они неминуемо должны стремиться подчинить его чуждым ему порядкам и задачам; поэтому мы об'являем себя врагами всякой начальственной государственной власти, врагами государственной организации вообще и полагаем, что народ может быть счастлив и свободен только тогда, когда он, организуясь „снизу вверхъ“ путем самостоятельных и совершенно свободных „соединеній“ и „помимо“ всякой официальной опеки, „но не помимо различныхъ и равно свободныхъ вліяній лицъ и партій, сам создаетъ свою жизнь“» (стр. 213). «Таковы убеждения социальных революционеров и поэтому нас называют анархистами» (стр. 213). «Идеалисты всякого рода, метафизики, позитивисты, защитники проебладания науки над жизнью, революционеры и доктринеры, все вместе с одинаковым „жаром“, хотя и с помощью различных аргументов, „отстаиваютъ“ идею „государства“ и „государственной“ власти, видя в ней вполне логично своего рода единственное спасение общества. Вполне логично, ибо, принимая за основу „положеніе“, что мысль предшествует жизни, а абстрактная теория общественной практике, и что поэтому наука о соціологии должна быть исходным пунктом для общественных переворотов и преобразований, они по необходимости приходят к заключению, что так как мысль, теория, наука, — по крайней мере в наше время, — доступна повсюду лишь немногим, поэтому эти немногие должны быть вожаками в общественной жизни и не только пробудителями, но также и руководителями всех народных движений, и что на следующий после [общественной] революции день должен быть основан новый общественный порядок не путем свободного об'единения народных организаций, общин, „волостей, областей снизу вверхъ“, соответственно народным потребностям и инстинктам, а только путем диктаторской власти этого ученого меньшинства, хотя бы и избранного „общенародной волей“» (стр. 214).

Поэтому «доктринеры революции» никогда не бывают врагами „государства“, а лишь существующих правительств, чье место они желают занять в качестве диктаторов (стр. 215).

«Это верно настолько, что в настоящее время, когда по всей Европе торжествует реакция, когда все правительства и пр. готовятся под предводительством графа Бисмарка к отчаянной борьбе против социальной революции; в настоящее время, когда, казалось бы, все искренние революционеры должны об'единиться, чтобы оказать сопротивление отчаянному нападению интернациональной реакции, — мы видим, наоборот, что доктринеры-революционеры под руководством господина Маркса всюду становятся на сторону „государственности“ и „государственников“ против „народной революціи“ (стр. 216). Во Франции они стояли на стороне „государственного“ республиканского революционера Гамбетты против революционной «Ligue du Midi» [1]), которая одна могла спасти Францию как от немецкого ига, так и от много более опасной и ныне победоносной коалиции клерикалов, легитимистов, бонапартистов, орлеанистов; в Испании они открыто стали на сторону Кастелляра, Пи-и-Маргаля и Мадридского учредительного собрания; в Германии, наконец, на протяжении всей Германии

[1]) Южной Лиги.

и Австрии, Швейцарии, Голландии, Дании они служат графу Бисмарку, на которого, по собственному их признанию, они смотрят как на весьма полезного революционного „дѣятеля“, помогая ему в пангерманизации всех этих стран» (стр. 216, 217).

[Фейербах был еще метафизиком: «должен был уступить место своим „законнымъ“ наследникам, главам школы материалистов или реалистов, из которых, впрочем, значительная часть, как, например, гг. Бюхнер, Маркс и проч., еще не освободились от владычества абстрактной метафизической мысли» (стр. 207.)]

«Но главным пропагандистом социализма в Германии, сначала тайным, а вскоре и явным, был Карл Маркс. Господин Маркс играл и играет в социальном движении немецкого пролетариата чересчур значительную роль, чтобы возможно было обойти эту достопримечательную личность, не попытавшись обрисовать ее несколькими верными штрихами. По происхождению своему г. Маркс — еврей. Можно сказать, что он об'единяет в себе все качества и все недостатки этого даровитого племени. „Нервный“, как иные говорят, до робости, он чрезвычайно честолюбив и тщеславен, сварлив, нетерпим и абсолютен, как Иегова, господь бог его предков, и, как и тот, мстителен до безумия. Нет той лжи и клеветы, какую он не способен был бы сочинить против всякого, кто имел несчастье вызвать его ревность или, что то же самое, его ненависть. И он не остановится перед самой „гнусной“ интригой, если только, по его мнению, — впрочем чаще всего ошибочному, — эта интрига может способствовать укреплению его положения, его влияния или его власти. В этом отношении он „человѣкъ“ совершенно политический. Таковы его отрицательные свойства. Но и положительных у него очень много. Он очень „уменъ“ и чрезвычайно многосторонен, „ученъ“, доктор философии; он стал еще в Кельне, около 1840 г., можно сказать, душой и средоточием весьма значительного кружка передовых гегельянцев, с которыми он вместе стал издавать оппозиционный журнал, вскоре закрытый по распоряжению министерства. К этому кружку принадлежали братья Бруно Бауэр и Эдгар Бауэр, Макс Штирнер, а затем в Берлине — члены первого немецкого нигилистического кружка, по своему последовательному цинизму значительно превосходившего самых ревностных русских нигилистов. В 1843 или 1844 году Маркс переселился в Париж. Там он впервые встретился с обществом французских и немецких коммунистов и со своим соплеменником, немецким евреем г. Мозесом Гессом, который до него уже был ученым экономистом и социалистом и в то время оказал значительное влияние на научное развитие г. Маркса. Редко можно встретить человека, который бы так много „зналъ“ и читал и читал „такъ умно“, как г. Маркс. Исключительным предметом его занятий была в то время экономическая наука. С особым усердием он изучал английских экономистов, превосходящих всех остальных положительностью „познанiй“ и практическим направлением ума, воспитанного на английских экономических фактах, и строгой критикой и честной смелостью выводов. Но к этому всему г. Маркс прибавил еще два новых элемента: абстрактнейшую диалектику, „самую причудливо-тонкую“, приобретенную им в школе Гегеля и которую он нередко „доводитъ до шалости, до разврата“, и точку зрения коммунистического направления. Г-н Маркс читал, само собой разумеется, всех французских социалистов от Сен-Симона до Прудона включительно, при чем последнего, как известно, он ненавидит, и несомненно, что в беспощадной критике, которой он подверг Прудона, заключается

много истинного: Прудон, при всем своем стремлении встать на реальную почву, остается идеалистом и метафизиком. Точка зрения [его направления] — абстрактная идея права: от права он переходит к экономическому факту; господин же Маркс, наоборот, высказал и доказал несомненную истину, опираясь на всю прошлую и настоящую историю человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всюду предшествовал и предшествует праву юридическому и политическому. В „изложеніи“ и доказательстве этой истины и состоит одна из величайших научных заслуг г. Маркса. Но что любопытнее всего и в чем Маркс никогда не сознавался, — это то, что в политическом отношении он является прямым учеником г-на Луи Блана. Г-н Маркс несравнимо „умнѣе“ и несравнимо ученее этого „маленкаго неудавшегося“ революционера и государственного человека; но, будучи немцем он, несмотря на „свой почтенный ростъ“, попал в учение к карлику-французу. Впрочем, эта странность об'ясняется просто: француз-ритор в качестве буржуазного политика и заядлого последователя Робеспьера и ученый немец в силу троякого своего свойства, гегельянца, еврея и немца, оба в отчаянии и оба проповедуют „государственный“ коммунизм, с той лишь разницей, что один вместо аргументов довольствуется риторической декламацией, между тем как другой, как и подобает ученому и старательному немцу, основывает тот же столь же достолюбезный ему принцип при помощи всех фокусов гегелевской диалектики и всего богатства его многосторонних знаний. Около 1845 г. г. Маркс стал во главе немецких коммунистов, а после того он вместе с господином Энгельсом, его „неизмѣннымъ“ другом, также „умнымъ“, хотя и менее ученым, но зато много более практичным и не менее его склонным к политической клевете, лжи и интригам, основал тайное общество немецких коммунистов или «государственныхъ» социалистов. Их центральный комитет, во главе которого, само собой разумеется, стоял он сам вместе с г. Энгельсом, был перенесен после изгнания обоих друзей из Парижа в 1846 г. в Брюссель, где и оставался до 1848 г. Впрочем, вплоть до этого года пропаганда их, хотя и не мало распространявшаяся по всей Германии оставалась тайной „и потому же не выходила наружу“» (стр. 221—225).

«К тому времени (революции 1848 г.) городской пролетариат Германии, по меньшей мере огромное большинство его, находился еще вне сферы влияния марксовой пропаганды и вне организации его коммунистической партией. Последняя была распространена преимущественно в промышленных городах прирейнской Пруссии, в особенности в Кельне; ответвления в Берлине, в Бреславле и „подъ конецъ“ в Вене, хотя и весьма слабые. Разумеется, немецкому пролетариату инстинктивно свойственны социалистические стремления, но никак не сознательные требования социального переворота 1848—1849 гг., хотя «Коммунистический Манифест» вышел уже в марте 1848 г. По немецкому народу он скользнул почти бесследно. Городской революционный пролетариат находился еще под прямым влиянием радикальных политических партий или в крайнем случае — демократии (стр. 230). В то время в Германии имелся еще элемент, ныне там более не существующий,— крестьянство революционное или готовое таковым сделаться... Тогда оно было готово на все, даже на „поголовный бунтъ“. В 1848 г., как и в 1830 г., немецкие либералы и радикалы ничего так не боялись, как подобного „бунта“; не любят его также и социалисты марксовой школы. Всем известно, что Фердинанд Лассаль был, по собственному его сознанию, прямым учеником этого передового вождя ком-

мунистической партии в Германии, что, впрочем, не помешало учителю после смерти Лассаля высказывать „завистливое“ (недоброжелательное) недовольство блестящим учеником, далеко оставившим позади себя в практическом отношении своего учителя; всем известно, что Лассаль неоднократно высказывал мысль о том, что подавление крестьянского восстания в XVI столетии и последовавшее затем укрепление и расцвет бюрократического строя в Германии являлись истинной победой революции. Для коммунистических или социалистических демократов Германии крестьянство, всякое крестьянство — реакция: а всякое правительство, даже бисмарковское — революция. Пусть только не подумают, будто мы на них клевещем. В доказательство того, что они действительно так думают, мы укажем на их речи, брошюры, журнальные выступления и, наконец, на их письма — все это в свое время будет „представлено“ (доставлено) русской публике. Впрочем, марксисты и не могут думать иначе; „государственники“ во что бы то ни стало, они должны проклинать всякую народную революцию, в частности крестьянскую, по существу своему крестьянскую и направленную к уничтожению „государства“. В качестве всепоглощающих пангерманистов они должны отрекаться от крестьянской революции уже по одному тому, что она революция специфически славянская» (230—232).

«Не только в 1848 г., но и в нынешнее время немецкие рабочие слепо подчиняются своим вожакам, между тем как вожаки, т.-е. организаторы социально-демократической немецкой партии, ведут их не к свободе и не к интернациональному братству, а к игу пангерманского „государства“» (стр. 254).

Бакунин рассказывает, как Фридрих-Вильгельм IV боялся Николая (ответ польской депутации в марте 1848 г. и в Ольмютце в ноябре 1850 г.) (стр. 254—257).

1849—1858: Германский союз с прочими великими державами вовсе не принимается больше в расчет. «Пруссия, более, чем когда-либо, была в рабстве у России... Преданность интересам петербургского двора доходила до того, что прусский военный министр и прусский посланник при английском дворе, личный друг короля, оба были смещены за выражения симпатий по отношению к западным державам». Николай взбешен был неблагодарностью Шварценберга и Австрии. Австрия, в силу своих интересов на Востоке — естественный враг России, открыто приняла сторону Англии и Франции против нее. Пруссия, к великому негодованию всей Германии, осталась „вѣрна до конца“ (стр. 259). «Мантейфель стал в ноябре 1850 г. премьер-министром для того, чтобы подписать все условия Ольмютцкой конференции, чрезвычайно унизительные для Пруссии, и чтобы в конце концов подчинить ее и всю прочую Германию австрийской гегемонии. Такова была воля Николая... Таковы также и стремления значительнейшей части прусского юнкерства или дворянства, не желавшего и слышать о слиянии Пруссии с Германией и преданного австрийскому и всероссийскому императору больше даже, нежели собственному королю» (стр. 261).

«В это время (около 1866 г.) образовалась так называемая Народная партия. Центр — в Штуттгарте. Группа, желавшая союза с республиканской Швейцарией, принадлежала к числу основоположников Ligue de la Paix et de la Liberté [1]) (стр. 271).

---

[1]) Лиги Мира и Свободы.

«Лассаль образовал политическую по преимуществу партию немецких рабочих, организовал ее иерархически, подчинил строгой дисциплине и своей собственной диктатуре, одним словом, сделал то, что в последующие три года желал сделать господин Маркс с Интернационалом. Попытка Маркса не удалась, попытка же Лассаля имела полный успех» (стр. 275).

«Первым актом народного „государства“ (по Лассалю) будет открытие неограниченных кредитов для производительных и потребительных ассоциаций рабочих, которые только таким образом и окажутся в состоянии бороться с буржуазным капиталом и в недалеком времени одолеть и поглотить его. Когда будет закончен процесс поглощения, начнется период радикального преобразования общества. Такова программа Лассаля, такова также и программа социально-демократической партии. Принадлежит она, собственно, не Лассалю, а Марксу, который вполне законченно „высказалъ“ ее в известном «Манифесте Коммунистической Партии», выпущенном им и Энгельсом в 1848 г. „Ясный намекъ“ встречается даже и в первом «Манифесте Международной Ассоциации», написанном Марксом в 1869 г., в словах: «первейшей обязанностью рабочего класса» и проч., или, как сказано в Коммунистическом Манифесте: «первый шаг революции» и проч., и проч. и кончая концентрацией всех средств производства в руках „государства“, т.-е. пролетариата, „возведеннаго на степень господствующаго сословія“» (стр. 275—276). «Но не „ясно“ ли, что лассалевская программа ничем не отличается от программы Маркса, которого он признавал своим учителем. В брошюре, направленной против Шульце-Делича, Лассаль... выяснив свои основные понятия о социально-политическом развитии новейшего общества, говорит прямо, что и сами эти идеи, и терминология их принадлежат не ему, а Марксу... Тем „страннѣе“ кажется протест г. Маркса, напечатанный после смерти Лассаля в предисловии к труду о «Капитале». Маркс горько жалуется на то, что Лассаль обокрал его, присвоивши себе его идеи. Протест этот — весьма „странный“ со стороны коммуниста, проповедывающего коллективную собственность и не понимающего, что идея, однажды высказанная, перестает быть собственностью одного лица. Другое дело, если бы Лассаль списал „одну или нѣсколько страницъ“...» (стр. 276). «В противовес своему учителю Марксу, сила которого заключалась в теории и в закулисных или подпольных интригах и теряла поэтому всякое значение и силу на открытой сцене, Лассаль самой природой создан был для открытой борьбы на практическом поприще» (стр. 277). «Вся либеральная и демократическая буржуазия глубоко его ненавидела; „товарищи-единомышленники“, социалисты, марксисты и сам Маркс сосредоточили на нем всю силу недоброжелательства и „зависти“ (ненависти). «Да, они ненавидели его столь же глубоко, как и буржуазия; пока он жил, они не решались высказывать свою ненависть, потому что он был для них чересчур силен» (стр. 277, 278).

«Мы уже высказывали наше глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей рабочим, если не в качестве конечного идеала, то в виде, по меньшей мере, ближайшей и важнейшей задачи, основание народного государства („народность государства“), что, по их выражению, будет не чем иным, как пролетариатом, „возведенным на степень господствующаво сословія“. Спрашивается, когда пролетариат будет господствующим сословием, над кем же он будет господствовать? Это означает („значить“), что останется еще другой проле-

тариат, подчиненный этому новому владычеству, этому новому „государству“. (Это значит, что покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом его к власти не исчезают еще его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять средства насилия, так как насилие — средство для управления; если он сам еще остается классом и если не исчезли еще экономические условия, на которых покоится классовая борьба, т.-е. существование классов, они должны насильственно быть устранены и преобразованы, процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен.) Так, например, „крестьянская чернь“ (крестьянское простонародье), как известно, не пользующаяся расположением марксистов и находящаяся на низшей ступени культуры, будет, по всей вероятности, находиться под управлением городского и фабричного пролетариата. (Это значит, что там, где крестьянин в массе своей является частным земельным собственником, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех континентальных государствах Западной Европы, где он не исчез и не заменен в сельском хозяйстве батраками, как, например, в Англии, там будет следующее: либо он станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как это было до сих пор во Франции, или же пролетариат (ибо крестьянин - собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится, и он сам перейдет на сторону революции; меры, заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к собственности коллективной и этот переход облегчающие, так что крестьянин сам до этого дойдет хозяйственным путем; однако нельзя ставить крестьянина втупик, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только тогда, когда арендатор - капиталист вытесняет крестьянина и настоящий земледелец становится таким же пролетарием, трудящимся за заработную плату, как и городской рабочий, и, следовательно, имеет одни с ним интересы непосредственно, а не только посредственно; еще меньше следует укреплять дробную собственность тем, что участки увеличиваются просто путем передачи больших имений крестьянам, как в революционном походе Бакунина); или, если рассматривать этот вопрос с национальной точки зрения, тогда по тем же причинам славяне окажутся по отношению к победоносному германскому пролетариату в такой же рабской зависимости, в какой последний находится по отношению к своей буржуазии» (стр. 278). Какой ученический вздор! Радикальная социальная революция связана с известными историческими условиями экономического развития; последнее является ее предпосылкой. Поэтому она возможна только тогда, когда при капиталистическом производстве промышленный пролетариат занимает, по меньшей мере, значительное место в народной массе, и для того, чтобы он имел хоть какие-нибудь шансы победить, он должен быть, по меньшей мере, в состоянии сделать для крестьян mutatis mutandis [1]) непосредственно хотя бы столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для тогдашнего французского крестьянина. Хороша мысль, что господство

[1]) Учитывая данные обстоятельства.

народа включает в себе порабощение сельско-хозяйственного труда! Но тут-то и проявляется затаенная мысль господина Бакунина. Он решительно ничего не смыслит в социальной революции, знает только ее политические фразы; экономические условия ее для него не существуют. Так как все существовавшие доселе экономические формы, развитые или неразвитые, включают порабощение работника (будь то рабочий, крестьянин, и т. д.), то он полагает, что при всех них одинаково возможна радикальная революция. Больше того! Он хочет, чтобы европейская социальная революция, основанная на экономической базе капиталистического производства, произошла на уровне русских или славянских сельско-хозяйственных и пастушеских народов, чтобы она не возвышалась над этим уровнем, хотя он и видит, что мореходство создает различие между братьями, но только мореходство, ибо это — различие, известное всем политикам! Воля, а не экономические условия, является основой его социальной революции.

«Если существует „государство“, то неизбежно и „господство“, стало быть, и „рабство“; господство без рабства, скрытого или явного, немыслимо, поэтому мы враги „государства“» (стр. 278).

«Что означает пролетариат, „возведенный в господствующее сословіе“ (т.-е. что пролетариат вместо того, чтобы в одиночку бороться против экономически привилегированных классов, приобрел достаточную мощь и сильную организацию, чтобы применять в борьбе против них общие средства принуждения; однако он может применять в экономической области лишь средства, уничтожающие его собственные свойства наемного труда, его классовые особенности; поэтому с его полной победой кончается также его господство его классовый характер...) или, быть может, весь пролетариат в целом будет стоять у кормила власти? Неужели, например, в профессиональном союзе (трэд-юнионе) весь союз составляет исполнительный комитет? Неужели исчезнет всякое разделение труда на заводе, а вместе с тем и различные функции, отсюда вытекающие?» А при бакунинском образовании „снизу вверх“ неужели все будут „вверху“? Тогда ведь не будет никакого „внизу“. Неужели все члены общины будут сообща ведать общими интересами „области“? Тогда не будет никакого различия между общиной и „областью“. В Германии насчитывается около 40 миллионов населения. Неужели, стало быть, все сорок миллионов будут членами правительства? (Конечно! ибо все дело начинается с общинного самоуправления). Править будет весь народ, и не будет управляемых (когда человек владеет собой он, стало быть, согласно этому принципу собой не владеет; ибо он — сам он и не кто другой). Тогда не будет ни правительства, ни государства, ибо если бы было государство, то были бы правители и рабы» (это значит только: когда исчезнет классовое господство, и не будет государства в нынешнем политическом смысле слова...) (стр. 279).

«Это противоречие марксистской теории легко разрешимо. Под народным правлением они (т.-е. Бакунин) разумеют управление народом посредством небольшого числа представителей, избранных народом. (Asine! демократическая чепуха и политическое пустословие! Выборы — политическая форма, даже в мельчайшей русской общине, в артели. Характер выборов зависит не от этих названий, а от экономических условий, от экономической группировки избирателей, и с того момента, как функции эти перестают быть политическими, 1) не существует больше правительственных функций; 2) распределение общих функций ста-

новится вопросом деловым, не дающим никакого господства; 3) выборы эти нисколько не носят нынешнего политического характера). Всеобщее избирательное право, осуществляемое всем народом (такая вещь, как весь народ — в нынешнем смысле слова — фантазия) для выбора народных представителей и „правителей государства" — таково последнее слово как марксистов, так и демократической школы — ложь, за которой скрывается деспотизм правящего меньшинства, тем более опасный, что он появляется под видом выражения так называемой воли народа. [При (социалистической) коллективной собственности исчезает так называемая воля народа, чтобы уступить место действительной воле кооператива.] Итак, в результате: привилегированное меньшинство управляет огромным большинством народной массы. Но это меньшинство, по словам марксистов, (где это сказано?) будет состоять из рабочих. Да, но, с вашего разрешения, из бывших рабочих, которые, как только они становятся только представителями или правителями народа, перестанут быть рабочими (столь же мало, как ныне фабрикант перестает быть капиталистом потому, что он гласный думы) и станут взирать на всех обыкновенных рабочих с „государственно-военной" высоты; они не будут больше представлять народ, а также самих себя и свои „притязанія" на народное правление. Кто в этом способен усомниться, тот совершенно не знает природы человеческой» (стр. 279). Если бы господин Бакунин был знаком хотя бы с положением управляющего рабочим кооперативом, все его великолепные мечты пошли бы к чорту. Он должен был бы себя спросить: какую форму могут принять административные функции на основе этого рабочего государства, если ему угодно его так называть (стр. 279).

«Но эти избранники будут пламенно-убежденными и потому учеными социалистами. Слово «ученый социализм» (никогда не употреблявшееся), «научный социализм» (употреблялось только в противовес социализму утопическому, стремящемуся навязать народу новые бредни и выдумки, вместо того, чтобы ограничивать область своего познания изучением социального движения самого народа; смотри мою книгу против Прудона), постоянно употребляющееся в писаниях и речах лассальянцев и марксистов, свидетельствует о том, что так называемое народное государство не будет ничем иным, как чрезвычайно деспотическим руководством народными массами со стороны новой и весьма немногочисленной аристократии настоящих ученых, а также и якобы ученых. Народ не научен; это значит, что он будет вполне освобожден от забот правления, он будет плотно закупорен в управляемом хлеву. Хорошо освобождение!» (стр. 279—280).

«Марксисты чувствуют это (!) противоречие и сознавая, что правительство ученых (quelle rêverie! [1]) будет наиболее тягостным, ненавистным и презрительным на свете, несмотря на все демократические формы, что оно на деле будет диктатурой, — утешаются мыслью, что эта диктатура окажется лишь преходящей и кратковременной (non, mon cher! это значит только, что классовое господство рабочих над сопротивляющимися им пережитками старого мира будет длиться лишь до тех пор, пока не разрушены экономические основы классового существования). Они говорят, что единственной их заботой и задачей будет внести просвещение и под'ем в народную среду (политиканы из кофейни!).

[1]) Что за мечта!

как с экономической, так и с политической точки зрения, вплоть до такой ступени, чтобы всякое правительство стало бесполезно и чтобы государство утратило всякий политический характер, т.-е. характер „господствующій“, чтоб оно само собой превратилось в свободную организацию экономических интересов и общин. Это очевидное противоречие. Если их государство будет действительно народным, к чему его уничтожать, а если уничтожение его необходимо для действительного освобождения народа, как же они смеют его называть народным?» (стр. 280). (Это так, если все время долбить по либкнехтовскому народному государству, которое есть явный вздор. Если обратить это против «Коммунистического Манифеста» и проч., это будет значить только: ввиду того, что в период борьбы за разрушение старого общества пролетариат действует еще на основе старого общества и поэтому движется в политических формах, до известной степени тому присущих, он в это время еще не достиг своего окончательного строя и применяет для своего освобождения средства, которые после освобождения отпадут; отсюда г. Б. умозаключает, что пролетариату лучше ничего не предпринимать, а выжидать дня всеобщей ликвидации — страшного суда.) «Благодаря нашей полемике (которая, разумеется, появилась еще до моей книги против Прудона и до «Коммунистического Манифеста» и даже еще до Сен-Симона) против них (хорошее hysteron proteron) мы довели их до признания, что свобода или анархия (г. Бакунин всего-навсего перевел прудоновскую и штирнеровскую анархию на дикое татарское наречие), т.-е. свободная организация рабочих масс снизу вверх (вздор!), является конечной целью общественного развития и что всякое государство, не исключая и народного, представляет собой иго, порождающее, с одной стороны, деспотизм, а с другой—рабство» (Стр. 280).

«Они говорят, что такое господское иго или (?) диктатура является необходимым переходным средством для достижения полнейшего освобождения народа: анархия или свобода — цель, господство или диктатура — средство. Таким образом, для освобождения народных масс их необходимо сначала поработить. На этом противоречии и основана наша полемика. Они утверждают, что только диктатура, в конце концов их собственная, может основать народную свободу; мы отвечаем, что никакая диктатура не может иметь иной цели, кроме „увѣковѣченія себя“, и что она „способна породить и воспитать в народѣ, сносящемъ ее, толко рабство; свобода можетъ быть создана только свободою“ (перманентного citoyen'а Бакунина), т.-е. „всенароднымъ бунтомъ“ и свободной организацией масс снизу вверх» (стр. 281).

«Между тем как политические и социальные теории антигосударственников социалистов или анархистов „неуклонно“ и прямо ведут к полному разрыву со всякими правительствами, со всяким родом буржуазной политики, не оставляя никакого иного выхода, кроме социальной революции (не оставляя от социальной революции ничего, кроме фразы) — противоположная теория, теория государственных коммунистов и научного авторитета, столь же „неуклонно“ втягивает и запутывает своих последователей, под предлогом политической тактики, в непрестанные „сдѣлки“ с правительствами и с различнейшими буржуазными политическими партиями, иными словами — прямо толкает их к реакции» (стр. 281). «Лучшее доказательство — Лассаль. Кому не известны его связи и сговоры с Бисмарком? Либералы и демократы воспользовались этим, чтоб обвинить его в продажности.

То же самое, хотя и не слишком открыто, „шептали“ промеж себя различные последователи г. Маркса в Германии» (стр. 282).

«Лассаль по отношению к массе простых рабочих держал себя скорее, как врач с пациентом, нежели как брат с братом. Ни за что на свете он народа не предал бы» (там же).

Лассаль вел открытую войну против либералов, демократов, он их ненавидел и презирал. Бисмарк по отношению к ним находился в том же положении. Такова первая точка сближения между обоими. «Главная же основа этого „сближенія“ заключалась в политической и социальной программе Лассаля, в коммунистической теории, основанной г. Марксом» (стр. 283).

«Основным пунктом этой программы является освобождение (кажущееся) пролетариата при помощи „только одного государства“. Два средства... пролетариат должен совершить революцию, чтобы подчинить себе государство — средство героическое... по теории г. Маркса... народ должен передать всю власть в руки своих друзей и в свои собственные... Они основывают один единственный государственный банк, концентрируя в своих руках всю торгово-промышленную, сельско-хозяйственную и даже научную продукцию, и делят всю народную массу на две армии: индустриальную и сельско-хозяйственную под непосредственной командой государственных инженеров, образующих новое привилегированное научно-политическое сословие» (стр. 283—284).

Но сделать революцию — в это сами немцы не верят — «необходимо, чтобы начал ее другой какой-либо народ или чтобы какая-либо внешняя «сила» их увлекла или „подтолкнула“. Стало быть, понадобятся и другие средства, чтобы овладеть государством (правительством, владычеством). Необходимо овладеть симпатиями людей, стоящих или могущих стать во главе государства. Во времена Лассаля, как впрочем и теперь, во главе государства стоял Бисмарк... Лассаль одарен был по преимуществу практическим и „смѣлымъ“ инстинктом, недостающим господину Марксу и его последователям. Как и все теоретики, Маркс на практике изменчивый и „неисправимый“ мечтатель. Он доказал это своим неудачным походом в лоне Интернациональной Ассоциации, имевшим целью установить его диктатуру в Интернационале, а при помощи его — и над всем революционным [рабочим] движением пролетариата в Европе и Америке. Надо быть совершенным безумцем, или совершенно абстрактным ученым, чтобы поставить себе такую цель. Г-н Маркс потерпел в нынешнем году полнейшее и заслуженное поражение, но вряд ли это „избавитъ“ его от его честолюбивых мечтаний» (стр. 284—285). «Из-за этой мечтательности, а также из-за желания приобрести почитателей и последователей среди буржуазии, Маркс постоянно толкал и толкает пролетариат на сговор с буржуазными радикалами. Гамбетта и Кастелляр — вот его „настоящіе“ идеалы». (стр. 274, 285). «К этим стремлениям к махинациям („сдѣлкамъ“) с радикальной буржуазией, особенно сильно проявлявшимся за последние годы у Маркса, надо прибавить двоякую мечту: во-первых, когда у власти окажется радикальная буржуазия, она будет иметь возможность „захотѣть“ использовать ее на пользу пролетариата, а, во-вторых, она окажется в состоянии оказывать сопротивление реакции, корни которой заложены в ней самой» (стр. 285).

Лассаль, как практический человек, понимал это (что радикальная буржуазия и не хочет, и не может освободить народ, что она хочет его только эксплоа-

тировать); к тому же он ненавидел немецкую буржуазию; Лассаль слишком хорошо знал своих земляков, чтобы ожидать от них революционной инициативы. Ему оставался только один Бисмарк. «Пункт для об'единения дан был ему самой марксистской теорией — единое, насильственно-централизованное государство. Лассаль этого хотел, а Бисмарк это сделал. Как им было не объединиться?» Бисмарк — враг (!) буржуазии. Его нынешняя деятельность показывает, что он не фанатик и не раб дворянской феодальной партии... Главное для него, как и для Лассаля, и для Маркса — государство. И поэтому Лассаль оказался несравнимо логичнее и практичнее Маркса, который [в конце концов] признает Бисмарка революционером, „конечно по-своему“ и мечтает о его падении, вероятно потому, что он в государстве занимает первое место, которое, по мнению г. Маркса, должно принадлежать ему самому. У Лассаля не было такого огромного самолюбия, поэтому оно ему не мешало вступить в союз с Бисмарком. «Вполне соглашаясь с политической программой, раз'ясненной гг. Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом Манифесте», Лассаль требовал от Бисмарка только одного: открытия правительственных кредитов для рабочих производительных обществ. И вместе с тем, «соглашаясь с программой, он начал среди рабочих мирную легальную агитацию за введение избирательного права» (стр. 288, 289).

После смерти Лассаля, на-ряду с «Рабочими Просветительными Союзами» и лассальянским «Всеобщим Германским Рабочим Союзом», образовалась «под прямым влиянием друзей и последователей г. Маркса третья партия — «Социально-Демократическая Партия немецких рабочих». Во главе ее стояли „полу-работникъ“ Бебель и Либкнехт, целиком ученый и агент г. Маркса» (стр. 289).

Мы говорили уже о деятельности Либкнехта в Вене в 1868 г. Результатом ее был Нюрнбергский конгресс (август 1868 г.), на котором окончательно сорганизовалась социально-демократическая партия. «Согласно решению (намерению) ее основателей, действовавших под прямым руководством Маркса, партия эта должна была представлять собой пангерманскую секцию Международного Общества Рабочих». Но германские и, в частности, русские законы не допускали такого союза. Поэтому это затрагивалось лишь мимоходом: «Социально-Демократическая Партия германских рабочих находится в союзе с Международной Ассоциацией Рабочих, поскольку то допускается германскими законами». «Несомненно, что эта новая партия основана была в Германии в тайной надежде и с задней мыслью о том, что посредством нее введена будет в Интернационал вся марксова программа, удаленная оттуда первым Женевским конгрессом (1866 г.)». «Программа Маркса стала программой социально-демократической партии». „Завоеваніе“ «политической власти» в качестве «ближайшей и непосредственнейшей задачи» с прибавлением следующей достопримечательной фразы: «завоевание политической власти (всеобщее избирательное право, свобода печати, союзов и стачек и пр.) как необходимое подготовительное („предварительное“) условие экономического освобождения рабочих». «Фраза эта имеет такое значение: перед тем, как перейти к социальной революции, рабочие должны закончить политическую революцию, или, что более соответствует природе немцев, завоевать, или, еще точнее, приобрести политические права посредством мирной агитации. Но ввиду того, что всякое политическое движение до или, что со-

вершенно одно и то же, вне социального движения не может быть ничем иным, как движением буржуазным, то из этого следует еще, что программа эта рекомендует немецким рабочим усвоить себе прежде всего буржуазные интересы и цели и закончить политическое движение на пользу радикальной буржуазии, которая в благодарность за это не только не освободит народ, но подчинит его новой власти, новой эксплоатацпи» (стр. 289—291).

«На основании этой программы совершилось трогательное примирение германских и австрийских рабочих с буржуазными радикалами Народной партии». «После Нюрнбергского конгресса избранные (назначенные) им для этой цели делегаты отправились в Штуттгарт, где и заключен был между вожаками обманутых рабочих и главарями буржуазно-радикальной партии форменный союз. Вследствие этого на втором конгрессе Лиги Свободы и Мира, открывшемся в сентябре в Берне, и те, и другие появились вместе. Однако весьма любопытный факт. Там произошел раскол между буржуазными социалистами и радикалами, с одной стороны, и социальными революционерами, принадлежавшими к партии Альянса» (стр. 291, 292). «В этом отношении (т.-е. в том, чтобы называть себя социалистом и другом народа и быть противником народного социализма) школа Маркса показала нам много примеров, и, пользуясь широким гостеприимством немецкого диктатора (при непременном условии — давать приют под его знаменем многочисленным от головы до пят буржуазным социалистам и демократам), Лига Мира и Свободы имела бы возможность также скрыться под этим знаменем, с единственным условием — признавать его первым „человѣкомъ“. Если бы буржуазный конгресс так и поступил, положение сторонников Альянса стало бы несравнимо более затруднительным; в таком случае между Лигой и ими возникла бы та же борьба, которая ныне существует между ними и Марксом. Но Лига оказалась глупее и в то же время честнее марксистов; она отрицала равенство (вздор!) в области экономической. Оторвалась от пролетариата; скончалась, оставила после себя лишь две скитающиеся и скорбные тени, Арманда Гёгга и сен-симониста, миллионера Лемонье... Другой факт, отметивший этот конгресс: делегаты, приехавшие из Нюрнберга и Штуттгарта т.-е. рабочие, делегированные Нюрнбергским конгрессом новой социально-демократической партии германских рабочих и буржуазно-швабской «Народной партией», вместе с большинством Лиги единодушно голосовали против равенства..... Примечателен еще другой факт, а именно, что Брюссельский конгресс Интернационала, закрывшийся за несколько дней до Бернского, отмежевался от всякой солидарности с последним и что все марксисты, участвовавшие в Брюссельском конгрессе, и высказывались, и голосовали в этом смысле. Каким же образом могли другие марксисты, действуя, как и те, под прямым влиянием Маркса, выступать в столь трогательном единении с большинством Бернского конгресса? Все сие осталось загадкой, не разрешенной до настоящего времени. То же противоречие проявлялось в течение всего 1868 г. и даже еще в 1869 г. в Volksstaat...[1]) Иногда там печатались весьма сильные статьи против буржуазной Лиги; за ними следовали недвусмысленные „заявленія“ нежности, иногда и дружеские укоры.

[1]) Орган, выходивший под редакцией В. Либкнехта. (Прим. ред.).

Орган этот, так сказать, умолял Лигу „укротить“ ее чересчур жгучие проявления буржуазных инстинктов, компрометирующие защитников Лиги перед [народом] рабочими. Такие колебания продолжались в партии г. Маркса вплоть до сентября 1869 г., т.-е. до Базельского конгресса. Этот конгресс знаменует собой эпоху в развитии Интернационала» (стр. 293—296).

Немцы впервые появились на международном конгрессе, притом в виде партии, организованной скорее по буржуазной политической программе, нежели по народно-национальной. Голосовали сплоченным строем по указке Либкнехта. Первым его делом, в силу его программы, было, разумеется, поставить вопрос политический впереди всех других. Немцы потерпели решительное поражение. Базельский конгресс поддержал чистоту интернациональной программы, не позволив немцам ее изуродовать введением их буржуазной политики; так образовался раскол в Интернационале, и зачинщиками его были немцы. Они хотели насильно навязать интернациональному по сути своей обществу свою узко-мещанскую и национально-политическую, исключительно немецкую, пангерманскую программу. «Они были разбиты на-голову, и поражением этим не мало воспользовался Союз социальных революционеров, альянсистов. Отсюда злая ненависть немцев к Альянсу. Конец 1869 и первая половина 1870 г. наполнены злостной сварой и ссорами и еще более злостной и нередко гнусной клеветой марксистов на сторонников Альянса» (стр. 296).

Победа Наполеона III не имела бы столь длительно-вредных последствий, как победа немцев (стр. 297).

Все немцы без исключения торжествовали по поводу победы, хотя они и знали, что она знаменует собой засилье милитаристского элемента; «ни один или почти ни один немец не испугался, все об'единилось в единодушном торжестве» (стр. 298). Страсть их — владычество и рабство (стр. 298). «А немецкий рабочий? Что же, немецкие рабочие не сделали ничего, не проявили ни разу сколько-нибудь энергично свою симпатию, сочувствие по отношению к рабочим Франции. Несколько митингов, где произнесено было несколько фраз, в которых победоносная народная гордость, так сказать, умолкала перед проявлением международной солидарности. Но дальше фраз не пошел никто, а между тем в Германии, совершенно очищенной в то время войсками, была тогда возможность кое-что начать делать. Правда, что большинство рабочих призваны были на войну, где они превосходно выполняли солдатский долг, все убивали и проч. по приказу начальства и сами грабили. Некоторые из них, выполнив таким образом свой воинский долг, писали в то же время жалостные письма в Volksstaat и в ярких красках изображали варварские преступления, совершаемые немецкими войсками во Франции» (стр. 298, 299). Было несколько примеров более смелой оппозиции: протесты Якоби, Либкнехта; но примеры единичные и к тому же весьма редкие.

Мы не можем забыть статьи, напечатанной в сентябре 1870 г. в «Volksstaat», в которой открыто выражалось пангерманистское упоение победой. Начинается она следующими словами: «Благодаря победам, одержанным немецкими войсками, историческая инициатива перешла, наконец, от Франции к Германии; мы, немцы и пр.» (стр. 299).

«Одним словом, можно утверждать, что у немцев безо всякого исключения брало и продолжает брать вверх победоносное чувство по поводу одер-

жанных военных и политических национальных побед. На этом, по преимуществу, основано могущество пангерманской империи и ее великого канцлера, графа Бисмарка» (299).

«А знаете ли вы, какое теперь господствует стремление в сознании и в инстинктах всякого немца? Стремление „распространить широко, далеко“ Германскую империю» (стр. 303). Страсть эта «ныне наполняет всю деятельность социально-демократической партии. Не подумайте только, что Бисмарк действительно столь пламенный враг этой партии, как он „прикидывается“. Он слишком „уменъ“, чтобы не видеть, что она служит ему наподобие пионера, распространяющего идею германского государства в Австрии, Швеции, Дании, Бельгии, Голландии и Швейцарии. В распространении этой германской идеи и состоит ныне главнейшее стремление г. Маркса, который, как мы уже имели случай заметить, пытался „возобновить“ в свою пользу в среде Интернационала движение и победу графа Бисмарка. Бисмарк держит в своих руках все партии и вряд ли отдаст их в руки г. Маркса» (стр. 304).

Это государство (пангерманское) об'явило устами своего великого канцлера войну не на живот, а на смерть социальной революции. Граф Бисмарк произнес этот смертный приговор от имени сорока миллионов немцев, стоящих за ним и оказывающих ему поддержку. Но и Маркс, его конкурент и завистник, а за ним и все вожаки социально-демократической партии Германии, со своей стороны об'явили ту же беспощадную войну социальной революции. Все это мы подробно изложим в следующей части» (стр. 307, 308). «До сих пор она (социальная революция) сосредоточивала свои силы лишь на юге Европы, в Италии, Испании и Франции; но вскоре, надеемся, восстанут под стягом ее также и северо-западные народы: Бельгия, Голландия и главным образом Англия. И тогда, наконец, последуют за ними и все славянские племена» (стр. 308).

Дополнение.

«Отличительные черты идеала» русского народа: 1) «общенародное убеждение в том, что земля, вся земля, принадлежит народу, что она полита его потом и возделана его руками; 2) что право на пользование ею принадлежит не отдельным лицам, а всей „общинѣ“, „міру“, который ее „временно“ распределяет между отдельными лицами; 3) почти абсолютная автономия, общинное самоуправление, а вследствие этого и решительно враждебное отношение „общины“ к государству» (стр. 10).

«Три теневые стороны таковы: 1) патриархальность; 2) поглощение личности «міромъ»; 3) вера в царя. Можно было бы прибавить к этому 4) христианскую веру, как официально-православную, так и сектантскую (10), но это в России не имеет такого значения, как в Западной Европе» (там же).

Пункты 2 и 3 — «естественные результаты» пункта 1), „патриархальность“, — отец, „мир“, царь (15). «„Община“ — его мир. Она не что иное, как естественное расширение его семьи, его рода. Поэтому в ней и господствует патриархальный принцип, тот же отвратительный деспотизм и та же подлая приниженность, и потому столь „коренны“ (изначальны) несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права, что и в самой семье. Решения „міра“, каковы бы они ни были — закон. „Кто смѣетъ идти противъ міра“, „с удивленіем“ тор-

жествует русский мужик... Правом голоса в „мірѣ“ пользуются только „старики“, главы семейств... Но над „общиной“, над всеми общинами стоит царь, „всеобщій“... и прародитель, отец всей России. Поэтому его власть неограниченна» (стр. 15). Каждая община образует „замкнутое“ в себе „цѣлое“, вследствие этого ни одна община не имеет и не чувствует потребности иметь какую-либо самостоятельную органическую связь с прочими общинами. Они об'единены между собой лишь при посредстве „царя-батюшки“ и только в его верховной отцовской власти». (стр. 15, 16).

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

ПИСЬМА П. ЛАФАРГА к НИКОЛАЮ — ОНУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемые ниже письма Поля Лафарга к Николаю—ону (Н. Ф. Даниельсону) являются любопытными материалами к характеристике связей русских народников классического периода народничества с первыми марксистами Запада. Н.—он не был, насколько известно, лично знаком с Лафаргом, и однако между ними одно время имела место оживленная переписка. Кроме того имя Лафарга часто упоминается в переписке Н.—она с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Именно Маркс познакомил Н.—она с Лафаргом. Знакомство это, не личное, а, так сказать, литературное, состоялось еще в 1872 г., когда Лафаргу было тридцать лет. После крушения Парижской Коммуны, в эмиграции Лафарг принужден был искать литературных заработков. Именно на этой почве Маркс и «свел» Лафарга с Н.—оном. В письме к последнему от 12 декабря 1872 г. Маркс писал: «Мой зять, французский эмигрант, доктор медицины Лафарг желал бы, буде это возможно, посылать в какой-либо русский журнал периодические сообщения или по естественным наукам, или же об общественно-политических событиях в Италии и Испании (а также и во Франции). Но его материальное положение не позволяет ему делать этого даром и, кроме того, он может доставлять свои статьи лишь на французском языке [1]).

Н.—он живо отозвался на эту просьбу Маркса. Уже 15 декабря (старого стиля) 1872 г., — как это видно из фотокопии писем его к Марксу, хранящихся в архиве Института К. Маркса и Ф. Энгельса, — он писал, что «в один журнал («Знание») можно посылать статьи по вопросам естествознания, а в другой — статьи по различным социальным вопросам, касающимся Западной Европы».

Н.—он указывал только, что редакции требуют пробных статей. В своем ответе 18 января 1873 г. Маркс писал, что «Знание» само обращалось к нему с предложением сотрудничества, но что у него «нет времеми для подобных работ». «Что касается Лафарга, — сообщал Маркс. — то он пошлет через Вас свою пробную статью».

Приходится, однако, думать, что сотрудничество Лафарга в русских журналах в 1873 и в последующие годы не осуществилось. Ни в «Знании», ни в «Отечественных Записках», т.-е. в том журнале, который мог иметь в виду Н.—он, нет за 1873 год статей, которые можно было бы приписать Лафаргу. Самое упоминание имени его в переписке Маркса с Н.—оном надолго прекращается.

Только в 1881 г. Маркс снова пишет Н.—ону о Лафарге, при чем, так как прошло уже восемь лет, Маркс вновь «знакомит» своего адресата с Лафаргом. В письме Маркса от 19 февраля 1881 г. мы читаем: «Теперь прежде всего поговорим о прилагаемой рукописи. Автор ее — Лафарг, муж моей второй дочери и один из моих прямых учеников. Он просил меня справиться у Вас, не может ли он через Ваше посредство сделаться сотрудником какого-либо петербургского журнала, например,

[1]) «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Николаю — Ону», перев. Г. Лопатина, СПБ. 1908.

«Отечественных Записок» или «Слова» (мне кажется, что это — единственные журналы, где он мог бы иметь удачу). Если это окажется исполнимым, то он уполномочивает Вас выкинуть или изменить все то, что окажется неподходящим для петербургского меридиана. Что касается до его имени, то можно будет ограничиться одними инициалами. Во всяком случае, Вам, верно, будет интересно прочесть его статью». В приписке к этому же письму Маркс просит вернуть ему статью Лафарга, если она «не найдет себе пристанища в Петербурге» [1]).

Аккуратный в своих ответах, Н.—он не замедлил посвятить Маркса в свои планы относительно статьи. 24 февраля 1881 г. он писал Марксу: «Замечательная статья г. Лафарга будет напечатана в третьем номере «Современного Обозрения». Не буду говорить Вам, с каким интересом я прочел ее. На мой взгляд она появится вполне своевременно. Ни одно слово не будет изменено в ней. Я ожидаю с нетерпением продолжения ее. (Гонорар будет выслан в середине марта, когда появится книжка журнала, — около шестидесяти рублей за лист)».

Однако ожидания Н.—она не оправдались. Нужно думать, что этому помешала казнь Александра II. В письме к Марксу от 29 апреля того же года Н.—он сообщает: «Статья появится в ближайшем номере «Слова». Сегодня я получил об этом сведения от издателя. Она появится в первую неделю июня. Я желал бы, чтобы она появилась в «Отечественных Записках», как самом влиятельном органе (около 10.000 подписчиков), но за последний год этот журнал стал придерживаться очень определенных оптимистических взглядов на экономические явления и отказался напечатать статью. «Современное Обозрение» уже не выходит. Я пошлю Вам «Слово».

Н.—он снова ошибся в своих расчетах. После 1 марта 1881 г. в отношении русской журналистики правительством был взят «твердый» курс. «Слово» вскоре умолкло. Но Н. — он не терял надежды, как это видно из следующего письма его к Марксу от 25 августа 1881 г.: «Я очень огорчен, что не могу послать Вам журнал «Слово» со статьей г. Лаф. Но у нас редактор предполагает, а цензура располагает: с мая месяца этот журнал уже не выходит, хотя майский, июньский и июльский номера (в последнем помещена статья г. Л.) уже отпечатаны... Статья г. Л. так понравилась главному редактору журнала, что он хочет во что бы то ни стало поместить ее в другом журнале» (вероятно в «Отечественных Записках»).

Этим мытарства статьи Лафарга не закончились. Больше года пролежала она в редакциях трех русских журналов («по независящим от редакций условиям»), прежде чем увидела свет в четвертом. Еще в январе 1882 г. она не была напечатана.

10/22 января 1882 г. Н.—он вновь писал Марксу: «Наш русский журнал «Слово» умер. На его место появится новый журнал «Устои» (издатель тот же самый). Я не могу предсказать, насколько они устойчивы... В них будет помещена статья г. Лафарга. Она уже отпечатана, но издатель пустит ее, лишь когда получит ее продолжение. Завтра Вы получите печатную копию перевода. Вы убедитесь, что ни одно слово не выброшено, хотя статья прошла через чистилище цензуры». В том же письме Н.—он сообщал, что он вышлет гонорар за статью в феврале и что «издатель убедительно просит Лафарга послать продолжение работы и стать сотрудником журнала».

По всей вероятности, Н.—ону не удалось выслать гонорар в феврале, так как статья была напечатана в «Устоях» позже. Только 7/19 мая 1882 г. он писал дочери Маркса, Элеоноре: «Будьте любезны сообщить Вашему шурину, что его первая статья напечатана в последней книжке журнала, а конец будет напечатан в следующем номере. Издатель просит его о дальнейшем сотрудничестве, но он желает знать 1) размеры его следующей статьи (о производстве хлеба в Америке и т. д.) [2]) и 2) когда он сможет послать ее.

---

[1]) Там же.

[2]) «Хлебная промышленность на северо-западе Американских Соединенных Штатов» (подпись П. Л—рг) была напечатана в «Отечественных Записках» в 1884 году; на иностранных языках эта статья появилась в печати позже, чем на русском языке. По-немецки, напр., в 1885 г.: «Das amerikanische Getreide — seine Produktion und sein Handel», III, 246, 289, 337 и «Der Getreidehandel der Vereinigten Staaten», III, 458, 499, 546.

Во исполнение этой просьбы Лафарг послал продолжение статьи, и 10/22 сентября 1882 г. Н.—он уже сообщал Марксу: «Вторая часть статьи г. Лафарга напечатана в № 6 «Устоев». Я думаю, что он получил этот номер (но я не уверен в этом: аккуратность не составляет добродетели наших издателей). Гонорар будет выслан после 20 сентября». Эта статья, первая из статей Лафарга, появившихся на русском языке, называлась: «Движение поземельной собственности во Франции» [1]). Этим письмом заканчивается первый период «заочного» литературного знакомства П. Лафарга с Н. Даниельсоном. Вскоре умер Маркс, и таким образом прекратилось его посредничество в сношениях французского марксиста с русским народником. Их сношения приняли новую форму: они вступили в непосредственную переписку.

Первым дошедшим до нас памятником этой переписки является впервые публикуемое ниже письмо I [2]). Речь идет о «Северном Вестнике», редактором которого была в то время А. М. Евреинова. Несомненно, что этому письму Лафарга предшествовало письмо Н.—она, которым мы, к сожалению, не располагаем. В этом письме Н.—он, по всей вероятности, просил Лафарга принять в «Северном Вестнике» участие в качестве сотрудника и даже указывал на характер или содержание ожидаемой от Лафарга статьи. Приготовления к № 1 журнала, видимо, начались заблаговременно, так как уже ответ Лафарга помечен 12 января 1885 г., а первая книжка «Северного Вестника» вышла только в сентябре. Статья Лафарга «Происхождение семьи», высланная им вместо заказанной, не была напечатана в журнале, так как такой статьи нет в «Северном Вестнике» ни за 1885-й, ни за 1886-й, ни за последующие годы [3]).

Те статьи, которые Лафарг предлагал Н.—ону для «Северного Вестника» в письме II, т.-е статьи о преступности, о кризисе морали, о происхождении романтизма во Франции, также не были напечатаны в «Северном Вестнике». Очень возможно, что Лафарг, получив уклончивый ответ из России, и не посылал их [4]).

Вообще Лафаргу не везло с «Северным Вестником». Несмотря на желание Евреиновой иметь его своим сотрудником, статьи его в журнале не появлялись. Возможно, что причиной этого были все те же «независящие от редакции обстоятельства». Темы, предложенные Лафаргом (о преступности, о морали), были по русским условиям того времени весьма «скользкими», в особенности если вспомнить, какими вышли из-под пера Лафарга очерки на эти темы.

Тем не менее переписка его с Н.—оном не прекращалась. Как увидит читатель, в письмах речь шла не только о том, как бы «пристроить» ту или иную статью. Лафарг делился со своим корреспондентом политическими новостями Франции и обсуждал теоретические вопросы. В конце письма III, например, речь идет о статье Лафарга в позитивистском журнале «Revue Philosophique», редактором которого был Т. Рибо. Статья Лафарга «Recherches sur les origines de l'idée du bien et du juste» была помещена в томе XX журнала (1885 год).

Особо следует остановиться на письме V. «Английский перевод книги Вильямса», о котором пишет Лафарг, это — английский перевод I тома «Капитала» Маркса. В своей переписке с Н.—оном Маркс подписывал письма: А. Вильямс. Книга

---

[1]) «Движение поземельной собственности во Франции» Поля Лафарга, «Устои» № 3—4 (стр. 154—183), и № 6 (стр. 1—44). «Устои» начали выходить в январе 1882 г.; редактором-издателем был С. А. Венгеров.

[2]) Первые письма Лафарга подписаны: П. Меза. П. Меза был испанским интернационалистом.

[3]) Статья эта появилась в «Neue Zeit», 1886 (IV, 6): «Das Mutterrecht. Studie über die Entstehung der Familie», и в «La Nouvelle Revue» (1886, Mars - Avril): «Le Matriarcat. Etude sur les origines de la famille».

[4]) Статья об эволюции преступности была написана Лафаргом позже (см ниже). Статья о происхождении романтизма появилась по-немецки в «Neue Zeit» в 1896—1897 гг. (XV, I. Band, №№ 1—4): «Die Anfänge der Romantik», и по-французски в «Le Devenir Social», 1896, № 7: «Les origines du romantisme».

была выслана Н.—ону Ф. Энгельсом 12 февраля 1887 г., как последний сам пишет об этом Н.—ону в письме от 19 февраля того же года.

Что касается писем Маркса Н.—ону, то последний сам, еще в 1883 г., сейчас же после смерти Маркса, предложил его дочери выслать все полученные от Маркса письма. Энгельс в письме от 11 февраля 1885 г. (первое его письмо к Н.—ону), благодаря его за это предложение, указывает, однако, на то, что в настоящее время он занят разбором рукописей Маркса. Через некоторое время (7/19 апреля 1887 г.) письма эти были посланы Н.—оном Энгельсу, и последний 24 апреля 1887 г. уже сообщал отправителю о «благополучном прибытии двух заказных пакетов с письмами». Энгельс, сняв копии (письма были перепечатаны на машинке дочерью Маркса Элеонорой), возвратил Н.—ону оригинал писем значительно позже, именно во второй половине 1891 года.

Заметим кстати, что брошюрой, приложенной Лафаргом к письму V, судя по всем признакам, были знаменитые памфлеты Лафарга: «Le Droit à la paresse. La Religion du capital», Bruxelles 1887.

Первые же строки следующего письма Лафарга (VI) свидетельствуют о том, что Н.—он сообщал ему какие-то сведения о его статьях. Некоторый свет в этом отношении проливает переписка Ф. Энгельса с Н.—оном, начало которой относится к первым годам после смерти Маркса. «Я передал, — пишет Энгельс Н.—ону 4 июля 1889 г., — Лафаргу и Каутскому все, что Вы имели любезность сообщить насчет их статей, напечатанных в «Северном Вестнике». Вследствие этого Лафарг прислал мне новую статью об эволюции собственности с просьбой переслать ее Вам, в надежде, что Вы не откажетесь передать ее редактору «Северного Вестника» на прежних условиях относительно гонорара. Итак, посылаю ее Вам сегодня заказной бандеролью» [1]).

Прежде всего встает вопрос, что именно сообщил Н.—он Энгельсу о статьях Лафарга и Каутского. К сожалению, ответить со всей определенностью на этот вопрос мы не можем. В письмах Н.—она к Энгельсу, дошедших до нас, есть, несомненно, пробел. Все сохранившиеся письма Н.—она к Энгельсу имеются в фотокопиях в архиве Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В этой пачке после письма от 11/23 декабря 1887 г. следует непосредственно письмо от 10 июля 1889 г. Между тем Энгельс 4 июля 1889 г. отвечает Н.—ону на только что полученное от него письмо. Таким образом, следует признать, что именно это письмо не сохранилось.

В отношении статей Каутского можно легко догадаться, о чем писал Н.—он. Он писал о тех статьях Каутского, которые к тому времени были в переводе Г. Л. (Г. Львовича) [2]) напечатаны в «Северном Вестнике». Статьи эти следующие: «А. Шопенгауэр» (1888, № 12), «Противоречия классовых интересов во Франции в 1889 году» (1889, №№ 4, 5 и 6). Статьи Каутского появлялись и в дальнейших номерах «Северного Вестника».

Что же касается Лафарга, то после просмотра журнала напрашивается только один вывод: Н.—он писал, что в № 4 «Северного Вестника» была напечатана статья Лафарга: «Машина, как фактор прогресса» [3]). Эта статья на немецком языке была напечатана Лафаргом в «Neue Zeit» в 1888 г. (VI, 3), как заключительная глава большой работы: «Das Proletariat der Handarbeit und Kopfarbeit».

Но уже следующей статье Лафарга вновь не повезло. Сначала все шло как будто хорошо. Отвечая 10 июля (старого стиля) Энгельсу на письмо его от 4 июля 1889 г., Н.—он писал: «Спешу сообщить Вам, что статья Л. по всей вероятности будет помещена в «Северном Вестнике». Так как я через две недели еду за-границу,

---

[1]) «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Николаю — ону», перев. Г. Лопатина, СПБ. 1908

[2]) Редакция предполагает в ближайшем будущем поместить специальный очерк, посвященный Г. Львовичу, как переводчику марксистской литературы на русский язык и проводнику марксизма на русской почве.

[3]) «Северный Вестник», 1889, № 4, стр. 83—96.

вероятно в Норвегию, и буду отсутствовать недель 6—7, то прошу Вас прислать мне возможно скорее адрес Л., чтобы я мог послать ему чек (гонорар)» [1]).

Чека, однако, посылать не пришлось... 14/26 ноября 1889 г. Н.—он вновь писал Энгельсу. К сожалению, и это письмо не сохранилось; тем не менее, о нем и о его содержании (новые затруднения) мы узнаем из письма Энгельса к Н.—ону от 5 декабря 1889 г. В этом письме Энгельс сообщает: «Тотчас по получении Вашего письма я сообщил Лафаргу его содержание. Он отвечает, что сам уже написал Вам, что он не получил никакого письма от издательницы «Северного Вестника» [2]), что он предлагает ей пять статей с правом поместить их все или какую-нибудь из них по ее желанию. Что касается выпуска некоторых мест из той статьи, которая находится сейчас в ее руках, то в письме ко мне он не говорит ничего по этому поводу. Если и в письме к Вам не содержится никакого ответа по этому пункту, то мне кажется ясным, что он предоставляет это усмотрению самой издательницы. Его адрес прежний» [3]).

Хронологически только после этого письма Энгельса следует письмо Лафарга к Н.—ону (VI). 18 декабря 1889 г. последний сообщал Энгельсу: «Письмо Лафарга я получил и тотчас же ответил ему».

Следующее письмо Лафарга (VII) от 22 марта 1890 г. проливает свет на содержание ответа Н.—она: речь шла о помещении статьи Лафарга в мартовской книжке «Северного Вестника». Несомненно, это была статья об эволюции преступности во Франции с 1840 г. по 1886 г. [4]). Однако к тому времени у Евреиновой накопилось уже несколько статей Лафарга. Ни одной статье не суждено было увидеть свет в русском журнале.

17 мая 1890 г. Н.—он принужден был сообщить Энгельсу неприятное известие: «Теперешний редактор и издатель «Северного Вестника», Евреинова, продала его [5]). Она не раз пыталась поместить статью Л., но напрасно: наша цензура слишком строга... Простите, что я со следующей почтой пошлю Вам рукописи. Я не посылаю их непосредственно автору, так как я не уверен, что он получает мои письма».

Письмо VII является последним письмом Лафарга Н.—ону. Вместе с последним письмом Лафарг послал своему корреспонденту свою статью из «Nouvelle Revue». Дата письма позволяет заключить, что это был ответ Лафарга Гексли: «Rousseau et l'égalité. Réponse au professeur Huxley» («Nouvelle Revue», 15 Mars 1890) за подписью: Fergus.

Так закончилась борьба французского марксиста с царской цензурой, борьба, нужно сказать, далеко не равная, несмотря на благожелательное отношение к Лафаргу редакций русских прогрессивных журналов и на поистине дружескую помощь Н. Ф. Даниельсона.

Лафарг ценил это дружеское отношение к себе Н.—она. В письме к последнему Энгельса от 10 июня 1890 г. [6]) мы читаем: «Я получил Ваши любезные письма от 18 декабря, 22 января, 24 февраля и 17 мая, а также и статью Лафарга, воз-

---

[1]) В утерянном письме, о котором мы говорили, Н.—он, несомненно, уже просил Энгельса сообщить ему адрес Лафарга, потому что Энгельс 15 июля 1889 г. (не получив еще письма Н.—она от 10 мая) пишет ему: «Извините, что по странному, до смешного, недосмотру я не сообщил Вам адреса Лафарга. Вот он: «M-r Lafargue, 10 Avenue des Champs Elysées. Le Perreux, Seine, France.

[2]) А. М. Евреинова была редактором «Северного Вестника» с самого начала (сентябрь 1885 г.), издателем была А. В. Сабашникова; в 1889 и 1890 гг. (до № 4 включительно) Евреинова была редактором-издателем.

[3]) «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Николаю — ону», СПБ. 1908.

[4]) На немецком языке эта статья появилась в «Neue Zeit» в 1890 г. (VIII, 1, 2, 3): «Die Kriminalität in Frankreich von 1840—1886); на итальянском яз.—«La criminalità in Francia dal 1840 al 1886» в «Cuore e Critica» за 1890 г. (IV, №№ 7, 15, 19, 21, 22—23 и 24), окончание в «Critica Sociale», 1891, №№ 3 и 4.

[5]) Евреинова как раз в это время продала «Северный Вестник» Б. Глинскому. До № 9 1890 г. она оставалась еще редактором, с № 10 1890 г. редактором-издателем стал лично Б. Глинский.

[6]) В «Письмах К. Маркса и Ф. Энгельса к Николаю—ону», СПБ. 1908, ошибочно указано 10 июня 1891 года.

вращенную ему редакцией. Я сообщил ему, что Вы писали ему дважды — в марте и апреле, но не имеете пока положительных сведений о получении им этих двух писем. Его жена, находящаяся в эту минуту здесь, не могла сказать мне по памяти ничего положительного на этот счет. Она очень сожалеет о переходе «Северного Вестника» в другие руки и просит меня передать Вам от нее и ее мужа искреннюю благодарность за Ваши любезные хлопоты в их интересах».

Таков трогательный эпилог деловой и дружеской переписки П. Лафарга и Н. Ф. Даниельсона.

Письма Лафарга к Н.—ону были переданы в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса М. Воронцовой, женой покойного В. В[оронцова].

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса и редакция «Летописей Марксизма» пользуются случаем еще раз выразить свою благодарность М. Воронцовой, любезность которой дает возможность ознакомиться с нижеследующими материалами к истории проникновения марксизма в Россию.

И. Луппол.

I

Париж, 12/1, 85.

Милостивый государь!

При сем прилагаю статью о «Происхождении семьи». Хотя это не та статья, которая была мне заказана и которую я еще не имел времени написать, но я думаю, что она будет встречена с интересом ввиду важности вопроса и характера его трактовки. Как мне говорили, во главе журнала стоит дама, которая будет очень довольна приводимыми мною историческими данными о преобладающей роли женщины в прошлом.

Несколько недель тому назад я послал вам две газеты, в которых были интересные для вас статьи. Получили ли вы их?

Экономический кризис страшно свирепствует во Франции и в Европе, и французское правительство, самое глупое из всех правительств парламентарных стран, под предлогом открытия новых рынков для французской торговли в Тонкине, бросило Китай в об'ятия Америки и Германии, которым первый заказывает свои пушки, рельсы и т. п., необходимые ему для промышленного и военного оборудования. Но тонкинская экспедиция принесла огромные барыши крупным спекулянтам, правящим Францией в гораздо большей мере, чем господа Ферри и болваны, сидящие в министерствах. Плутократия перевернула парламентскую аксиому: она управляет, но не царствует. Из своих кабинетов она отдает приказания министрам, которые являются только марионетками в ее руках.

У вас теперь в полном разгаре новогодние праздники, которые у нас уже прошли. Примите наилучшие мои пожелания к наступающему году.

Сердечно жму вам руку. П. Меза.

Известите меня, пожалуйста, о получении статьи и сообщите, принята ли она и когда появится.

II

Париж, 15/VIII, 85.

Милостивый государь!

Меня очень обрадовало ваше последнее письмо, в котором вы сообщаете мне об оживлении в русской литературной жизни. С вашей обычной любезностью, которая мне уже сослужила службу, вы предлагаете служить посредником между мною и редакцией «Северного Вестника»; с благодарностью принимаю ваше предложение.

Я уже давно изучаю проблему влияния экономических явлений общества не только на его политические движения, но и на развитие его литературной и философ-

ской мысли и на его моральное развитие. В процессе моих изысканий мне пришлось заняться проблемой происхождения преступности. Мне удалось связать колебания преступности каждой эпохи с процессом экономических явлений. К вопросу о возникновении преступлений я применил метод Маркса — и следовал примеру Кетле, который в своем «Essai sur le développement physique et moral de l'homme» (Исследование физического и нравственного развития человека) опирался на теорию вероятности. Мое исследование содержит новые взгляды, которые противоречат данным современных криминалистов, в особенности знаменитого итальянца Ломброзо. Но мои теоретические выводы так естественно вытекают из фактов, что я считаю их неуязвимыми.

Если такая тема подходит для журнала, я мог бы написать статью на основании своих заметок. Чтобы придать моим доказательствам больше ясности и убедительности для читателя, я должен снабдить их несколькими диаграммами и графиками. Они будут литографированы или гравированы; в случае надобности, я закажу гравюры в Париже и пошлю их вам по почте. Это обойдется недорого, — франков 25 или 30.

N. B. У меня имеется также набросок статьи о «Кризисе морали». Современные моралисты потому не могут найти никакой основы морали, что мораль не неподвижна, как они воображают, а, наоборот, зависит от явлений социальной жизни. Если моралисты-эволюционисты школы Спенсера точно так же беспомощны в этом отношении, то это происходит от того, что они не умеют связать явлений моральной жизни с явлениями жизни материальной, с явлениями экономической жизни. Мне бы очень хотелось написать эту статью, но это лучше было бы сделать лишь после появления первой статьи — о преступности, — ибо она была бы, так сказать, теоретическим выводом из нее.

У меня теперь нет вполне законченных статей, кроме статьи об общественной жизни Виктора Гюго. Но в ней слишком много политических и социальных нападок, и она поэтому не подойдет для вашего журнала. Смерть его придает свежий интерес моим изысканиям в области литературы первой половины нашего столетия. Та часть, которая касается происхождения романтизма во Франции, закончена, и я мог бы вам ее прислать.

Избирательная кампания теперь у нас в полном разгаре. Главная борьба идет между оппортунизмом, представителем которого является Ферри, и радикализмом, который представляет Клемансо. Весьма вероятно, что победит оппортунизм, потому что он гораздо больше соответствует логике вещей, чем розовая водичка радикализма господина Клемансо. Социалистическая партия поведет кампанию в Париже и в нескольких больших городах, но новый способ голосования (по департаментским спискам) совершенно неблагоприятен для нее.

Сердечно жму вам руку. Хозе Меза.

Мой новый адрес: José Mesa, 140, Rue de Rivoli, Paris.

III

Париж, 10/X, 85.

Милостивый государь!

По возвращении в Париж я застал ваше письмо. С 20 сентября я находился в провинции, чтобы поддерживать свою кандидатуру, хотя я был выставлен кандидатом и в Париже. Мне незачем говорить вам, что в Париже, как и в департаменте

Аллье, я потерпел поражение. Идеи, представителем которых я являюсь, слишком новы для того, чтобы иметь шансы на успех: мы на выборы смотрим лишь как на очень удобное время для пропаганды. Во время выборов на собрания приходят такие элементы населения, которых в другие моменты редко удается расшевелить.

Последние выборы показали, что монархические партии опять начинают завоевывать почву. С 1878 г., когда власть попала в руки Гамбетты и его сторонников, совершен был целый ряд ошибок и политических преступлений. Несмотря на войну и необходимость уплатить военную контрибуцию, доходы Франции возрастали с каждым годом. Доход от налогов превышал предположения министра финансов. Оппортунисты опьянели от этого благоденствия; они предались неслыханным расхищениям. Каждый год в такой степени увеличивал расходный бюджет, что постоянно приходилось заключать займы для приведения бюджета в равновесие; с 1878 до 1883 г. сумма займов достигла полутора миллиардов. За это время неконсолидированный долг страшно возрос, — в 1883 г. он доходил до 1.200 милл.; он был консолидирован за счет сберегательных и сохранной касс. Соответственно с этим росли и налоги. В настоящее время, когда мы переживаем ужасный экономический кризис, захватывающий все слои нации, тяжесть налогов становится особенно чувствительной. Не довольствуясь расхищением богатств, оппортунисты втянули Францию в колониальные экспедиции в Тунис, на Мадагаскар, в Тонкин, которые повлекли за собою только большие потери людей и денег и обогащение нескольких финансистов. Все эти преступления и еще многие другие породили большое недовольство в стране и вызвали сильную реакцию. Кроме того, парламентская система есть система неустойчивого равновесия, и партия, не находившаяся у власти, восстанавливает свою невинность и использует все ошибки правительства. Теперь на консерваторов, которых все ругали и которые принуждены были отказаться от власти, начинают смотреть, как на святых, ничем себя не опорочивших и способных еще спасти страну.

Политическое положение начинает становиться очень интересным во Франции. Успех монархистов сблизил различные фракции республиканской партии. Радикалы и оппортунисты прекрасно уживаются, и не будет ничего удивительного, если Клемансо, глава радикальной партии, станет также главой республиканской коалиции. Это было бы занятно. Социалистическая партия наверное выиграет от этого республиканского союза.

Очень благодарен вам за ваши заметки о земельных переделах в России. То, что вы мне пишете, особенно обнаруживает слабую сторону моей статьи. Мне следовало бы развить мысль Гоббса и Локка и доказать цитатами, что племена, не дошедшие еще до земельных переделов, совершенно лишены всякого представления о справедливости, и что земельные переделы, как вы правильно указываете, повсюду являются вторичной формой владения землей, которая первоначально находилась в общем владении всех членов племени, рода. Но эти рассуждения завели бы меня слишком далеко, и мне пришлось бы затронуть слишком жгучие вопросы. Ибо, хотя во главе «Revue Philosophique» стоит человек весьма доступный новым идеям, я все же боялся рисковать. Я предпочел не договорить до конца, чем извратить мою мысль.

Как только окончатся выборы, я пересмотрю свои заметки и напишу статью о морали.

Сердечно жму вам руку. П. Меза.

IV

Париж, 21/X, 86.

Милостивый государь!

Одновременно с этим письмом я посылаю вам книгу Ф. Энгельса о семье, собственности и т. д.

Вы совершенно справедливо удивляетесь, что Молинари предоставил мне страницы «Journal des Economistes» для защиты теории прибавочной стоимости. Чтобы понять этот факт, надо знать, что г. Болье приехал в Париж без копейки денег, — он прибыл из Бельгии, как и его брат Анатоль, который недавно издал обративший на себя большое внимание труд о России и о деятелях эпохи освобождения крестьян (Самарине, Черкасском и т. д.). Благодаря своему пронырству, г. Б[олье] был очень хорошо принят Мишелем Шевалье, бывшим сен-симонистом, ставшим завзятым защитником свободной торговли (он так свободно изменил своим социалистическим убеждениям [1]), сенатором при империи, спекулянтом в финансовых и промышленных делах. Г-н Шевалье выдал свою дочь замуж за Болье, рабские наклонности которого он имел возможность оценить. Перед смертью он передал ему свою кафедру в Collège de France и свое место в академии. Сыновья, племянники и зятья всегда пользуются местами и положением, приобретенными предками. Г-н Болье, лет двенадцать тому назад не имевший ни гроша за душой, спекулировал, подобно своему тестю, и в настоящее время является большой персоной с огромным честолюбием, — l'appetit vient en mangeant (аппетит приходит с едой). Он стремится стать министром финансов, — для этого надо быть депутатом или сенатором. Три раза он выставлял свою кандидатуру на выборах — и три раза проваливался. Социалисты ставили ему палки в колеса, — поэтому он их так не любит. Его быстрая карьера создала ему много завистников и недоброжелателей среди его собратьев-экономистов, которые находят, что у них не меньше, а, пожалуй, и больше достоинств, чем у г. Б[олье], и они всегда рады, когда удается подставить ему ножку. К тому же, г. Молинари охотно разрешает нападки на него в редактируемом им журнале.

Старая священная экономия терпит крушение, как вы знаете. Старые догматы о конкуренции, свободе торговли, протекционизме, экономической гармонии дают течь со всех сторон. Старые экономисты слишком косны, чтобы сжечь своих кумиров. Молодые же, — а их довольно много, — находятся в безвыходном положении: они не могут открыто исповедывать социалистические убеждения, потому что это значит осудить себя на голодное существование. С другой стороны, они не могут принимать всерьез экономические басни, которые радовали сердца господ Бастиа, Сэев, Джевонсов и т. д. Капиталистическая система достигла в Северной Америке и в Западной Европе такой степени развития, при которой единственной теоретической экономической системой является социализм, т.-е. отрицание или, вернее, преобразование существующего строя. Экономисты являются светскими священниками, — они получают плату лишь за то, что теоретически поддерживают существующую систему, и они могут лишь заниматься болтовней или довольствоваться статистическими изысканиями, — конечно, с буржуазной точки зрения. Они не хотят больше заниматься теорией, так как, по их словам, это напрасная трата времени; они проводят свои дни над сравнением экспорта

---

[1]) Здесь забавная игра слов: libre échangiste (il avait échangé si librement ses opinions socialistes). (Прим. ред.)

с импортом, над изучением колебаний уровня процентов и банкового учета; они следят за колебаниями цен золота, серебра и т. д. или же занимаются бесконечным словопрением о биметаллизме, о государственном выкупе железных дорог и т. д. Словом, они стали болтливыми и назойливыми животными.

Мы вступаем или, вернее, уже более года тому назад вступили в период повторяющегося каждые десять лет кризиса. Металлургия — в состоянии острого кризиса; кризис начинается в шелковом производстве и скоро распространится на хлопчатобумажное и шерстяное. В Лионе, центре шелковой промышленности, кризис обостряется, растет нищета, социалистическая агитация принимает угрожающие размеры. Если бы в ваших журналах было место, я предложил бы вам статью о лионском кризисе, об его возникновении, развитии и тенденции, потому что в настоящее время это самый серьезный экономический вопрос. Будущее рисуется в мрачных красках. В Париже в эту зиму будет царить сильная нужда. Целая отрасль его промышленности — производство мебели — совершенно подорвана машиной. Другие промышленные центры, а также и угольные, задеты кризисом. Но все эти народные бедствия, которые даже вызовут, может быть, волнения, примут лишь тогда опасный характер, когда кризис станет и финансовым. Социалисты ждут и предсказывают бедствия не только во Франции, но и во всей Европе.

Боюсь, что вы преувеличиваете заслуги Спенсера. Он только компилятор, не представляющий большой философской ценности. Он вводит в заблуждение, потому что он координирует цитируемые им факты. Но если рассмотреть его классификацию, то можно видеть, что явления соединены у него по самым грубым своим признакам. Он производит на меня впечатление химика, который стал бы классифицировать тела на основании их кристаллических форм, или ботаника, который классифицировал бы растения по окраске их цветов. Бабочки, вероятно, так и классифицируют растения. От Спенсера ничего не останется, кроме воспоминания о неблагодарном труде, который он дал типографским рабочим, набиравшим его толстые томы.

Преданный вам

П о л ь М е з а.

V

Париж, 2/IV, 87.

Милостивый государь!

Целую вечность уже не имел удовольствия получать от вас письма. Правда, я сам немного в этом виноват, так как очень давно уже не писал вам.

Вы, вероятно, получили английский перевод книги Вильямса. Третий том скоро будет сдан в печать. Энг[ельс], у которого я был в январе в Лондоне, должен был написать вам и просить вас прислать ему имеющиеся у вас письма В[ильямса]; он хочет собрать его обширную корреспонденцию, которая составит не наименее любопытную и замечательную часть его трудов. Вильямс интересовался всеми научными, литературными и политическими вопросами, и в его переписке можно найти его мнение по всем современным вопросам.

Злободневный характер имеет теперь для нас вопрос о том, как вести себя по отношению к России и к Германии, которые обе заискивают перед Францией. Знаменитая речь Бисмарка, которую он произнес перед роспуском рейхстага, весьма напугала французов. Они считали, что уже об'явлена война, а война их пугает больше

всего, потому что она будет происходить на их территории и потребует миллиардов денег и сотен тысяч людей. Французы обратили свои взоры на Россию. Вот кто их союзница! — распевали на все лады парижские патриотические газеты. Энтузиазм их был так велик, что явилось даже подозрение, что он поддерживается золотом русского посольства, — и это более чем вероятно. Но после окончания немецких выборов Бисмарк, разыграв свою комедию, успокоился, и теперь он настроен очень мирно. Французы свободно вздохнули, и любовь к франко-русскому союзу несколько остыла. Теперь хотят только возобновления торговых дел, которые находятся в плачевном состоянии.

Французские филистеры воображали, что работы по подготовке всемирной выставки внесут оживление в торговлю и промышленность. На самом же деле эти работы оказывают такое же влияние, как пластырь на искусственную деревянную ногу. Кризисы, которые прежде повторялись каждые десять лет, продолжались два или три года и прекращались. Нынешние же экономические кризисы не такие податливые и не хотят так скоро проходить. Вот уже несколько лет, как мы переживаем кризис, который, повидимому, собирается еще задержаться у нас. От времени до времени на бирже и в других местах возвещают, что дела скоро поправятся, что они даже уже поправились. Но проходит месяц или два — и оказывается, что то была ложная надежда. Казенные экономисты начинают терять свою слепую веру в растущее благополучие капиталистической системы, а некоторые из них предвидят даже необходимость ее преобразования.

Прилагаю при сем маленькую брошюру не для того, чтобы вызвать возмущение с вашей стороны, а чтобы показать вам, как легко и шутя относятся к вопросам, считающимися самыми важными и святыми. Эта брошюра, изданная в Париже и Брюсселе, имела успех среди социалистических партий. Она уже переведена на немецкий и голландский языки и перепечатана в Америке. По ней вы можете судить о степени разложения принципов, лежащих в основе современного честного и умеренного общества.

До свидания, будьте здоровы. П. Меза.

Неужели не будет журнала, в котором можно было бы писать?
Мой адрес: 140, Rue de Rivoli, Paris.

VI

Le Perreux, 14/XII, 89.

Милостивый государь!

Очень благодарен вам за ваше письмо и за те сведения, которые вы сообщаете мне о моих статьях. От редактора журнала я еще ничего не получил.

Энгельс все еще болеет глазами; думаю, однако, что, благодаря принимаемым им мерам предосторожности, зрение его все же поправляется. Энгельс не любит говорить о себе; я только через третьих лиц знаю, что состояние его здоровья, к счастью, удовлетворительно.

В настоящее время он работает над третьим томом, и Каутский помогает ему в этой работе. Вы знаете мелкий почерк Вильямса. В рукописях он еще менее разборчив, потому что там есть сокращения, которые приходится угадывать, помарки и поправки над поправками, которые надо расшифровывать. Их так же трудно читать, как греческие палимпсесты с титлами. К[аутский] сперва прочитывает руко-

пись и переписывает ее, после чего читает ее Э[нгельс] и дополняет по другим рукописям. В одном из своих последних писем Э[нгельс] пишет мне, что он очень доволен таким способом работы и что К[аутский] очень хорошо разбирает текст Вильямса.

Энгельсу исполнилось 69 лет, и, как он мне пишет, сколько ни переворачивай цифры, все же будет 69. Я ответил ему, что ему надо дожить до 99 лет, чтобы можно было, перевернув обе цифры, получить 66. Прямо удивительно, как он справляется с изданием трудов Вильямса и с обширной корреспонденцией, которую он ведет почти со всеми странами Европы и Америки. Не знаю, пишет ли он вам по-русски, но он по-русски бегло читает; у него мания переписываться всегда на языке того лица, которому он пишет. Он настоящий полиглот, он знает не только литературные языки, но и диалекты, например ирландский, и старые наречия, как провансальское, каталонское. И его знание языков далеко не поверхностное. В Испании и в Португалии я читал письма к тамошним товарищам, которые находили, что они написаны на прекраснейшем испанском и португальском языках, и я знаю, что он пишет по-итальянски. А между тем чрезвычайно трудно писать свободно на этих трех родственных языках, столь похожих один на другой. Но Энгельс замечательный человек; я никогда не встречал столь свежего и гибкого ума с такими энциклопедическими знаниями. Когда вспоминаешь, что он свыше 20 лет работал в Манчестере в торговом доме, одним из компаньонов которого он состоял, то спрашиваешь себя, где он находил время, чтобы накопить столько знаний в своей голове, которая, кстати сказать, вовсе ие так велика, несмотря на его большой рост.

Я сообщу Каутскому то, что вы говорите о нем. Его очень обрадует, как обрадовало и меня, что его труды так же ценятся в России, как в Германии и во Франции.

В моих статьях будут диаграммы, — нельзя писать работ по сравнительной и моральной статистике без диаграмм. Посылаю вам одну из моих таблиц. Если редакция пожелает, я могу выслать ей клише таблиц, но я предпочел бы, чтобы она переделала их, потому что я доведу свои исследования до 1888 г. вместо 1886 г. Я могу взять на себя заказать гравюры, это будет стоить недорого, потому что они будут воспроизведены по способу фото-гравюры, как посылаемый мною вам оттиск.

Преданный вам

П. Фарголс.

VII

Le Perreux, 22/III, 90.

Милостивый государь!

В вашем последнем письме вы писали мне, что моя статья должна пойти в мартовском номере и что издательница журнала напишет мне, но я ничего не получил от г-жи Евреиновой и не знаю, помещена ли статья. Вероятно г-жа Е[вреинова] затрудняется писать по-французски, — поэтому я прошу вас быть столь любезным и продолжать служить нам посредником, потому что в противном случае я рискую не получать никаких известий от редакции.

Мои изыскания в области преступности, которые появились в Германии и будут напечатаны в итальянском журнале, имеют ценность только благодаря диаграммам, которые делают их понятными, и если г-жа Е[вреинова] возражает против диаграмм, то лучше пусть она совсем не помещает этой статьи. Вместо нее я пошлю ей философский очерк о происхождении идеи справедливости.

Посылаю вам с этим письмом одну из моих статей в «Nouvelle Revue», где я подписываюсь Фергюс: мадам Адан, редактор журнала, боялась, что мое имя повредит мне в глазах читателей. Это очень странно, но это факт.

Избрание социалистов в Германии — самое важное событие за последние 20 лет. Социалисты Европы и Америки праздновали избирательную победу немецких социалистов как международное торжество. Социализм становится силой, с которой правящим классам придется считаться.

Берлинская конференция, к которой так враждебно относилась буржуазия Франции, Англии, Бельгии и т. д., впервые придает рабочему вопросу интернациональный характер. Рескрипты императора Вильгельма и конференция вызвали уже конфликт между Бисмарком и императором; но конференция наверное вызовет другие волнения в Германии, а может быть, и в Европе. Мы приближаемся к эпохе социальных бурь.

Энгельс поправляется.

Сердечно жму вам руку.

П. Фарголе.

ПИСЬМА М. БАКУНИНА к А. РУГЕ [1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уехав в начале января с Гервегом из Дрездена, Бакунин прибыл в Цюрих в середине января 1843 года. Судя по тому, что 13 января он, как видно из письма его к Эмме Зигмунд [2]), находился еще в Страсбурге, он никак не мог прибыть в Цюрих раньше 15—16 числа. Таким образом, письмо его к Руге от 19 января является одним из первых, если не первым письмом Бакунина из Цюриха, и написано через пару дней после его приезда туда [3]).

Круг, о котором пишет Бакунин Арнольду Руге и который он характеризует здесь, примерно, теми же словами, что и в письме к Э. Зигмунд от 2 февраля [4]), состоял, кроме Гервега, из А. Рейхеля, находившегося тогда в Цюрихе, семейства Пескантини, перебравшегося в Швейцарию, и знакомого А. Руге еще по Дрездену, писателя А. Фоллена, старого приятеля Гервега; Юлия Фребеля, тогда ярого демократа и лидера цюрихских радикалов, издателя «Швейцарского Республиканца»; брата его, писателя Карла Фребеля, издававшего «Der deutsche Bote aus der Schweiz» (до перехода его к Гервегу) и т. д. Это был круг буржуазно-демократический, ничем не отличавшийся от того, в котором Бакунин вращался в Германии. Но скоро ему пришлось в Швейцарии познакомиться с другим кругом — с коммунистами, группировавшимися вокруг В. Вейтлинга. О знакомстве с последним и говорит второе из печатаемых здесь писем, письмо от 11 марта 1843 года. Это знакомство, как известно, оказало сильное влияние на судьбу Бакунина и в частности дало ему толчок в сторону социализма.

Но еще до личного знакомства с Вейтлингом Бакунин обратил внимание на незадолго до того вышедшую основную работу Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы». Из письма от 19 января видно, какое сильное впечатление эта книга произвела на Бакунина (как, впрочем, и на других деятелей тогдашнего радикального лагеря — Фейербаха, Маркса и Энгельса). Не вполне соглашаясь с произвольными конструкциями второй части, Бакунин отмечает достоинства первой, критической части книги, которую он называет «действительно замечательной». Интересно, что Бакунин обратил внимание на ее чисто «пролетарский» характер.

---

[1]) Оба печатаемые ниже письма М. Бакунина, от 19 янв. 1843 и 11 марта 1843 г., принадлежат Институту К. Маркса и Ф. Энгельса. Оригиналы хранятся в архиве Института.

[2]) «1848. Briefe von und an Georg Herwegh», 1898, p. 9.

[3]) Следующее письмо к Эмме Зигмунд датировано «3 февраля 1843. Цюрих» (цит. книга, стр. 9—12), а первое из цюрихских писем Бакунина к родным написано 10 февраля (29 января) 1843 г., т.-е. еще позже (А. Корнилов, Годы странствий М. Бакунина, 1925, стр. 220 и сл.). У Корнилова только ошибка: он говорит, что конец письма не сохранился (стр. 231), а между тем на стр. 265—266 он дает конец этого письма в виде якобы самостоятельного и относит его к лету того же года. К сожалению, у Корнилова это обычная ошибка. Мы исправили ее путем обращения к оригиналу. Об'единяя оба отрывка, мы и получим фразу, относящуюся к Руге: «Papa Coligny (т.-е. Руге) приедет к нам в мае месяце. Он (слово, почему-то выпущенное Корниловым — *Ю. С.)* теперь свободен, потому что D[eutsche] J[ahrbücher] сели на мель». О надежде скоро свидеться с Руге в Цюрихе говорится и в письме от 19 января, которое здесь печатается.

[4]) «Этот кружок не блестящ, но он очень приятен, и полагаю, что вы себя чувствуете в нем хорошо».

В этом письме Бакунин сообщает о своем желании познакомиться с Вейтлингом. Желание это возникло у него под влиянием впечатления, произведенного на него книгой. Вскоре через посредство Гервега это знакомство состоялось. О нем Бакунин подробно рассказывает в своей «Исповеди». Вейтлинг, правда, не сделал его коммунистом, но без сомнения беседы Бакунина с вождем тогдашнего немецкого коммунизма не остались без влияния на процесс духовного развития молодого мятущегося радикала.

Возможно, что именно знакомство с Вейтлингом и другими коммунистами, примыкавшими к нему в Швейцарии (Августом Беккером, Симоном Шмидтом, Зейлером), сыграло свою роль в решении Бакунина сделаться рабочим, мысль, которою он одно время (с марта по лето 1843 г.) увлекался. Это, впрочем, могло быть лишь добавочным мотивом. Основною причиною такого решения был несомненно тот денежный кризис, который тогда разразился над Бакуниным и которому посвящено второе письмо его к Руге от 11 марта.

Как известно из его писем к родным из Цюриха, Бакунин уехал из Германии, задолжав около $2\frac{1}{2}$ тысяч талеров. Руге, который за него поручился, очутился в тяжелом положении. Бакунин ждал денег как от родных, так и от Тургенева, легкомысленно надававшего ему обещаний, исполнить которых он не мог. Время шло, деньги не приходили, а кредиторы начали требовать уплаты. Руге написал Бакунину, повидимому, несколько писем. На одно из них отвечает письмо Бакунина от 11 марта. Ответом на вопрос является письмо Бакунина к Руге от 19 марта, которое мы опубликовали в № 14 «Красного Архива», в статье «Бакунин в сороковых годах». Наконец, сюда же относятся письма Бакунина к брату Павлу от 10 мая 1843 г. (Корнилов, цит. соч., стр. 254—261) и от 13/25 мая (Корнилов, стр. 262—264).

В высшей степени интересно отношение Бакунина к писанию для заработка. Он отказывается написать за деньги книгу о России и вообще испытывает отвращение к писательству как источнику заработка. В этом можно, конечно, усмотреть проявление чисто дворянской, помещичьей психологии, которая тогда еще сильна была в Бакунине. Впрочем, и в дальнейшем он проявлял нежелание или неспособность писать для денег, что, между прочим, очень возмущает Герцена, который сам, однако, для заработка никогда не писал.

Бакунин предполагает сделаться простым рабочим, «настоящим пролетарием, ремесленником». На случай, если обстоятельства принудят его перейти в «пролетариат», Бакунин предлагает Руге взять у него формальный вексель на всю должную им сумму. Через 8 дней он выслал ему вексель на 2.500 талеров, который Тургенев отказался в Петербурге оплатить. После этого Руге написал Бакунину довольно резкое письмо, и перед Бакуниным встал призрак долговой тюрьмы. В конце концов, дело каким-то неизвестным нам образом уладилось.

Письмо к Руге от 11 марта подтверждает высказанное нами во втором издании первого тома нашей книги о Бакунине предположение, что слова его о превращении в пролетария надо понимать не в смысле проявления глубокого интереса к рабочему классу и желания слить свою судьбу с его судьбой, а в смысле результата временного отчаянного настроения, вызванного финансовым кризисом. Повидимому, в марте Бакунин довольно твердо решил сделаться рабочим (об этом же он говорит в письме к брату Павлу от 10 мая), потому что не видел для себя другого исхода. А придя к этому решению, он на время несколько успокоился. Это видно из его письма к Руге от 19 марта, где, сообщив о желании цюрихских властей выслать его, он прибавляет: «С того момента, как я в пролетариате нашел для себя радикальное средство против всех превратностей судьбы (vicissitudes de la fortune), я совершенно успокоился насчет своей будущности и целиком погрузился в настоящее моих работ».

Рабочим Бакунин не сделался. А в апреле он поехал к своим друзьям Пескантини на остров Ж.-Ж. Руссо, откуда написал свое бодрое, полное огня и веры письмо к Руге, напечатанное в «Немецко-Французских Летописях». Бакунин не был человеком, способным надолго впадать в уныние, да еще по поводу денежных дел.

Ю. Стеклов.

I

Цюрих, 19 января 1843.

Дорогой друг! Я вам больше не буду говорить о своей благодарности, — я вам ее раз навсегда высказал, а теперь буду ждать первой возможности, чтоб доказать ее практически — хотя я знаю, что вы не нуждаетесь в доказательстве, чтобы мне поверить. Запрещение «Deutsche Jahrbücher» никого здесь не удивило, так как все ждали этого, как необходимого результата давно нам угрожавшей реакции, которая наконец-то проявилась, — но зато после этого запрещения все надеются, что вы нас здесь скоро посетите и что вы даже сами, может быть, решитесь пробыть дольше в Швейцарии. Я думаю, что вам здесь понравится; круг людей не велик, но он, право же, очень приятен и уютен; у всех самые большие симпатии в отношении вас, каждый с удовольствием ждет более близкого знакомства с вами, в особенности Фоллен, хотя вы оба, кажется, при первой встрече не очень-то друг другу симпатизировали. У него было предубеждение против вас, от чего он теперь совершенно освободился, и я уверен, что и ваше предубеждение против него, если у вас таковое есть, совершенно исчезнет при ближайшем знакомстве. Он, право же, чудесный человек, практический и с характером, — а это очень много в нашем бесхарактерном абстрактно-теоретическом мире.

Гервег все это время был немного нездоров; быстрая смена впечатлений во время путешествия его несколько утомила; но теперь ему лучше; вчера он в первый раз вышел. Вскоре после нашего приезда студенты пропели ему серенаду; ремесленники тоже хотят так сделать; но, с другой стороны, на него часто нападают здешние аристократические листки; вы не читали его короткий ответ против Шенлейна; я думаю, что он займет в Германии много праздных голов и языков. «Der Deutsche Bote» скоро выйдет в свет, — à propos, будьте так добры, пришлите мне как можно скорее мои бумаги, чтобы я мог для «Deutsche Bote» продолжить работу, начатую для покойных «Deutsche Jahrbücher». Через два дня после моего прибытия в Цюрих я имел счастье видеть и слышать обоих Ромеров, Мессию и его брата, — именно в процессе против Фребеля и Фоллена перед верховным судом. Я постараюсь вам дать маленький пример красноречия и своеобразной логики Фридриха:

«Много говорят о той науке мира, которую я вещаю; да, милостивые государи, это большое и удивительное творение, и в то же время оно просто, очень просто; это практическое творение, оно должно помочь миру, освободить мир; я не только человек науки, господин президент и милостивые государи, но и государственный муж, — обратите на это внимание, это важно, это очень важно, — я государственный муж и скоро это докажу, скоро, очень скоро меня будет чтить вся Германия; меня упрекают

в том, что я уж так давно возвещаю о своем произведении и оно все еще не появилось на свет; для этого у меня есть основания, и очень важные, очень практические основания; если бы оно появилось в прежнем виде, то даже ученым понадобилось бы два месяца, чтоб его понять, а после моей переработки любому крестьянину нужно будет не больше 4 месяцев. Меня еще упрекают в том, что я пью много вина, но, господин президент и милостивые государи, разве Гете, Наполеон и даже Александр Великий не пили вина, разве министры, например, и высокопоставленные особы не пьют охотно тонкого вина; а я знаю, и я должен это сказать здесь, что я высокопоставленная особа и очень скоро это докажу, очень скоро, и это очень важно». Здесь публика разразилась смехом, так что он совершенно смешался и, несмотря на ряд попыток, должен был отказаться от слова. Фребель вам бы давно прислал этот анекдот, если б можно было отсюда посылать пакеты оплаченными, он хотел вас избавить от расхода; но вы их вскоре получите; статья о новой цензурной инструкции какого-то прирейнского жителя великолепна, ваша статья о прессе тоже; я еще не прочел всей работы, но думаю, что она будет иметь величайшие последствия и surtout испортит много крови. Только одна статья мне очень не понравилась — Фейербаха; и это догматическое опровержение догматизма, афористический тон его отличается нестерпимым благородством, — и в конце он говорит то, что мне сказал мой друг Менцер, — если философия вступит в более близкое родство с естествознанием, тогда мир будет несомненно спасен; эти исторические рецепты спасения очень смешны и нужно, право же, обладать большой способностью абстрагировать от действительности, чтобы развлекаться ими в нашей бедной современности, столь нуждающейся в практицизме. Не сердитесь на меня, дорогой Руге, я знаю, что вы очень высоко ставите Фейербаха; я тоже, — я его несомненно считаю единственным живым человеком среди философов; в нем много гениальности, непосредственности, что доказывают и эти статьи, — он существует, а это главное, — так как другие даже не существуют, — и все-таки его статья плоха, не существует, т.-е. она только теоретическая, не действенная статья. Есть еще попытка спасти теорию, которая в своей целокупности должна быть отброшена изнутри, в этом ее единственное спасение, — практика внутри теории — это величайшее противоречие. Недавно вышло новое первое коммунистическое немецкое произведение, оно принадлежит портному Вейтлингу («Гарантии свободы и гармонии» Вильгельма Вейтлинга. Вивис. Декабрь 1842). Вейтлинг очень беден, и так как у него не было никаких средств, то он должен был сам, т.-е. собственноручно напечатать свою книгу; — это действительно замечательная книга, правда, вторая часть, органическая, пострадала от слишком односторонней, произвольной конструкции, но первая часть, критика современных условий, написана живо и часто верно и глубоко; чувствуется, что это написано из практического сознания современности; даже теоретические конструкции интересны, так как они не являются продуктами посредственной образованной теории, но выражением новой практики, которая стремится подняться до сознания; когда читаешь эту книгу, то чувствуешь, что Вейтлинг излагает то, что он действительно чувствует, и то, что он, в качестве пролетария, думает и должен думать, — и это так интересно, — даже можно сказать самое интересное в наше время. Иногда он очень энергичен:

[1]) «Но степень зла должна быть представлена всем в легко понятной форме, тогда

---

[1]) Зачеркнуто: «Бросьте кругом себя внимательный взгляд в жилища людей».

вырастет мужество, чтоб взяться за дело разрушения непорядков тысячелетней давности. Если мы покажем обществу, чем оно является при плохой организации и каким оно могло бы стать при лучшей, и если оно это все поймет, тогда нам ни в какой степени не надо беспокоиться о постройке, и мы не должны придавать слишком большой цены нашим любимым планам нового строения, но мы будет разрушать весь старый хлам, и к чорту все эти новые леса и все новые фундаменты, в которых скрываются хотя бы остатки старого зла». —

«И вот, читатель, если ты в этой книге найдешь истины, то возьмись за дело их распространения; ибо времени терять нельзя. Миллионы несчастных существ взывают к богу о помощи. Налогами и милостыней, законами и наказаниями, петициями и религиозными утешительными речами здесь помочь нельзя. Старое зло уже слишком сильно в'елось. Катастрофа должна повести к гибели хорошего и дурного. Она неизбежна, если каждый, по мере сил, будет стремиться подготовить ее».

«Совершенное общество имеет не правительство, а управление, не законы, а обязанности, не наказания, а средства исправления».

Если б я хотел переписать для вас все, что мне понравилось в книге, то мне нехватило бы места; но надеюсь, вы сами прочтете эту книгу, — я непременно хочу познакомиться с этим Вейтлингом.

До свидания, дорогой друг: будте здоровы и благоразумны, с добрым утром — я вспомнил о вас, когда проезжал через Баварию, — все баварские кучера произносят «с добрым утром», как вы. Я не могу вам описать, с каким нетерпением я жду того времени, когда я снова услышу ваше «с добрым утром». То, что вы мне сообщаете о моем брате во Христе, меня огорчает, но не удивляет, и я думаю, что вы, мой бедный и неизменный друг, уже не раз имели такой печальный опыт; мне приятно, что Кёхли ведет себя хорошо; кланяйтесь ему от моего имени. Что же касается всеведущего и вездесущего д-ра Франка, то я в его влияние вовсе не верю, — он теряет слишком много времени на посредничество между бароном Бюловым и мисс Аустин, — и несмотря на то, что он так же не молод, он слишком мало имеет права сказать вместе с Фаустом: «Я слишком стар, чтобы лишь играть, — и чтоб выполнить что-нибудь действительное».

До свидания, — кланяйтесь вашей жене, — и скажите вашим детям, что вы в Дрездене уже больше не являетесь настоящим Руге, а лишь его отображением, — и что настоящий Руге с момента запрета «Deutsche Jahrbücher» находится в Швейцарии и особливо в моем сердце.

До свидания

Ваш М. Бакунин.

Передайте барону Клоху мое письмо через Пескантини. И пришлите мне статью Жюля Элизара о редакции в Германии, Фоллен хотел бы ее прочесть.

До свидания.

II

Цюрих, 11 марта 1843.

Дорогой Руге! Моя любовь и глубокое уважение к вам и участие, которое вы мне выказали, обязывают меня совершенно откровенно рассказать вам о моем теперешнем положении; да, в этом я чувствую даже потребность, и я должен предупредить

всяческие сомнения, которые могли быть вызваны странным стечением обстоятельств, но никак не виной с моей стороны. Я вам не буду повторять то, что говорил уже в прежних письмах относительно честности моих денежных ожиданий; или вы мне верите, и тогда повторения излишни; или же вы мне не верите, и тогда они совершенно бесполезны, так как я вам уже почти все сказал, что только мог сказать.

Но я вам еще хочу сказать, что̀ я собираюсь сделать в случае, если ожидаемые мною субсидии из России не придут; тогда мнѐ останутся два выхода: или записаться в ряды chevaliers d'industrie и унизиться до попрошайничества; или же собственной работой зарабатывать себе на хлеб, — так как в Россию, даже если б мне обещали абсолютную безопасность, я не возвращусь. Еще меньше могу я примириться с позорной ролью какого-то паразита. Мне остается только работа в поте лица.

И вот возникает вопрос, какого рода работу я могу выбрать? Я еще так непрактичен, у меня так мало практических и теоретических навыков, что эту задачу трудно разрешить. Может быть, писательство было бы таким средством, — но я должен вам признаться, дорогой Руге, что у меня какое-то отвращение от писательства как единственного средства к существованию; распространение мыслей и убеждений должно быть культом, и разве не возникает опасность принизить этот культ, если его сделать единственным средством существования? Совсем иначе бывает с теми, которые уж создали себе имя своими большими знаниями, талантом и прежними значительными произведениями, так что они теперь могут зарабатывать хлеб новыми трудами, не изменяя при этом себе самому и своему чувствительному сознанию религиозной убежденности, а также без той поспешности, которая почти всегда ведет к шарлатанству. — Но я, у которого еще так мало знаний и так мало формального таланта, который так еще неизвестен и еще должен создавать себе имя, я, который только тогда могу писать, когда, действительно, в данный момент охвачен и проникнут своими убеждениями, и когда я еще так слаб, что не могу вынести охлаждающих пределов определенного срока, когда работа должна быть окончена, — нет, я не могу, я не смею искать спасения в этом средстве.

Фоллен, которому новидимому через Гервега стало известно о моем траги-комическом положении, предложил мне в самой деликатной форме и все-таки так, что у меня все сердце сжалось, не как равный равному, а скорее как покровитель, — за что я на него не в претензии, так как он в конце концов только хотел мне помочь, — Фоллен предложил мне написать книгу о России. Помимо всего вышесказанного, у меня против этого предложения следующие возражения:

1. Для того, чтобы из этого вышло что-нибудь хорошее, я должен бы был работать над этим целый год; и так как у меня не было бы других средств к существованию, я был бы вынужден, в течение этого времени, жить на средства другого, а это мне невозможно; за короткое время я это слишком хорошо почувствовал. — хорошая ли это или дурная гордость, — но я твердо решил никому не быть обязанным, обязанным в материальном отношении; да, дорогой друг, эта гордость безграничной независимости для меня единственное условие, условие sine qua non моего личного достоинства, а последнее — единственная ценность, которую я спас во время моего крушения; я должен его сохранить в чистоте, охранить от малейшей тени; итак, обстоятельства и теперешнее настроение моего духа вынуждают меня придерживаться ригористического пуританизма.

2. Если бы я хоть был уверен, что моя книга о России будет иметь действительный успех и даст мне средства уплатить деньги, потраченные в течение этого рабочего года; но как я могу это знать? Я только твердо знаю, что буду верен своей доброй воле, своим убеждениям, своему решению, пока хоть капля крови течет в моих жилах,— но убеждение — это еще не талант; я еще не знаю, есть ли у меня настоящий талант, в состоянии ли я создать нечто значительное — вы не должны думать, что я так самоуверен, чтоб маленькую и незначительную статью в «Deutsche Jahrbücher» считать доказательством своего таланта и призвания. Итак, я, может быть, должен буду целый год жить из милости, чтобы потом убедиться, что я не в состоянии выкупиться из этой неволи благодарности? Нет, это для меня невозможно, я не могу на это пойти.

Но есть еще третья причина, почему я не могу пойти на предложение Фоллена; я могу написать о России и высказать по поводу России самые горькие и печальные истины, не боясь при этом погрешить против своей родины. Но я не могу написать такую книгу из нужды; это противоречит моей любви к родине. Дорогой Руге, я надеюсь, что вы меня поймете и, если даже эти соображения вам покажутся претенциозными и слишком деликатными, то вы мне простите, приняв во внимание мое несколько чувствительно-раздраженное настроение.

Что же я теперь буду делать?

Я еще немного обожду; я ведь совсем не уверен, что деньги не придут; наоборот, я твердо еще надеюсь их получить, и потому всякий решительный шаг был бы пока дон-кихотством. Условия и обстоятельства должны еще больше выясниться; — я хочу еще месяц, даже два месяца ждать. А потом я продам все свои прекрасные одежды, все, что я, как член образованного общества, имею, за исключением моих книг и некоторых мелочей, и превращусь в настоящего пролетария, в ремесленника.

Может быть, вы на это мне скажете, что и тут имеются трудности; — я знаю, что трудности и даже очень большие трудности встречаются во всем, что предпримешь серьезного; я очень хорошо знаю, что во всякое ремесло я внесу полное незнание, — но я верю, что с помощью твердой воли, да, страстной религиозной воли, можно преодолеть все трудности.

Может быть, вам этот шаг покажется слишком эксцентричным, вызванным отчаянием; но по этой именно причине я и решаюсь на него.

Дорогой Руге, попробуйте на мгновенье перенестись в мое положение; до сих пор я жил в достатке и был материально независим; а теперь обстоятельства заставляют меня от этого отказаться, и мне остаются только два выхода: или попасть в шаткое, совершенно зависимое и потому недостойное положение — или же перейти на новое, философски выражаясь, качественно иное положение, такое положение, которое и в своей бедности или, вернее, именно по своей бедности переносит в независимый и цельный мир.

Да, дорогой друг, сознаюсь вам откровенно, меня очень тянет поступить именно так — дать себе самому фактическое и несомненное доказательство своей свободы, вы ведь знаете, что человек так уж создан, что каждый шаг, на который он решается, сопровождается в его сердце множеством фантазий; и у меня тоже есть свои фантазии; кто знает, может быть, на этом пути я буду полезен, может быть, гораздо полезнее, чем на других? Тогда я откажусь за малым исключением от всех знакомств и дружб и с религиозной страстью весь нераздельно отдамся новому миру, которому отныне буду принадлежать; я встречу там новых друзей и новых братьев, я все свои физиче-

ские и духовные силы пущу в ход, чтоб создать что-нибудь хорошее и найду свое личное счастье в сознании и в чувстве своей любви и самопожертвовании и в своем незапятнанном достоинстве; и если бы мне даже не удалось создать что-нибудь, то я зато в крайнем случае получу полное сознание своего достоинства и доброй воли, которая не побоялась итти в своих выводах до конца; и поверьте мне, дорогой Руге, это тоже не последнее дело. Впрочем, вы не должны слишком беспокоиться о моей судьбе:— я, благодарение р а з у м у, здоров и могу многое вынести, и если мне действительно доведется взяться за что-либо значительное, то никакая жертва не может быть достаточно велика, чтоб заплатить судьбе за это; если же я от природы приговорен к духовному бессилию, то мне действительно, а не на словах, совершенно безразлично, умру ли я так или иначе.

Но теперь остается еще последнее затруднение, именно мои д о л г и. Вместе с тем это — единственное, что меня действительно мучит. Мое самолюбие никак не может еще свыкнуться с тенью нечестности, которая теперь на мне лежит. Но что же делать? Придется примириться и с этим последним унижением. Впрочем, это долго тянуться не может; в случае, если обстоятельства заставят меня превратиться в пролетария, я буду вас просить взять с меня форменный вексель по всем моим долгам; никакое правительство не будет в состоянии воспрепятствовать уплате по этому векселю, а я ни на мгновение не сомневаюсь, что вам по нему будет уплачено. — Тогда вы будете настолько добры, что расплатитесь со всеми моими кредиторами. До тех пор я буду вас просить не брать на себя обязательства за меня; было бы нечестно с моей стороны допускать, чтобы вы и впредь за меня ручались, так как в настоящий момент я потерял всякое мерило уверенности; по законам человеческой уверенности я должен был бы уже давно получить ожидаемые деньги, а денег еще нет. Если бы только я мог написать в Россию, но с русской перлюстрацией писем ничего не поделаешь; я бы еще мог скомпрометировать моего брата Павла и Тургенева.

Ну, дорогой Руге, теперь я доволен, исповедавшись вам полностью. Теперь я опять могу свободно разговаривать с вами; но я не воспользуюсь теперь этой свободой, так как уже очень поздно, а мне нужно лечь спать, чтоб завтра встать пораньше. Я теперь работаю очень усердно и не без успеха.

Вы ведь уже знаете, что Гервег 8 марта обвенчался в Бадене; он и его жена очень счастливы; он уже написал много эпиграмм, которые по своей меткости и изящному остроумию очень заденут этих господ и будут весьма неудобоваримы. Но об этом в другом письме. Теперь я должен кончать.

Еще одна просьба, дорогой Руге, покажите это письмо госпоже Пескантини и попросите ее от моего имени перевести его ее мужу; он также принимал участие во мне и в моих долгах, и я, таким образом, обязан благодарностью и ему.

С добрым утром — дорогой друг.

Ваш М. Б а к у н и н.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Д-р Шенлейн, лейб-медик прусского короля, устроивший в 1842 году Гервегу прием у Фридриха-Вильгельма IV. Это тот самый Шенлейн, о котором так часто упоминается в берлинских письмах Бакунина (он лечил его сестру Варвару).

2) «Deutsche Jahrbücher» были закрыты в январе 1843 года. Бакунин готовил для них какую-то статью о берлинских философах. Он думал затем поместить ее в «Deutsche Bote», но статья эта там не появилась. Именно об этой статье Бакунин писал 3 февраля Эмме Зигмунд: «Жюль Элизар пишет статью для «Deutsche Bote», и я надеюсь, что она будет лучше и практичнее первой». Первая статья Бакунина была напечатана в «Deutsche Jahrbücher» №№ 247—251 от 17—21 октября 1842 г. под заглавием «Die Reaktion in Deutschland. Ein Fragment von einem Franzosen» за подписью Jules Elysard.

3) «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publizistik» — двухтомный сборник статей К. Маркса, Бруно Бауера, А. Руге, Л. Фейербаха, Ф. Кеппена и других. Выпущен «Литературной Конторой», основанной Ю. Фребелем для издания радикальной литературы, появление которой в Германии было невозможно вследствие цензурных гонений. В примечаниях тов. Рязанова к I тому Сочинений Маркса и Энгельса (Госиздат, 1923, стр. 504) указано, что сборник вышел в свет в марте 1843 года. Но, судя по письму Бакунина от 19 января, он вышел уже в январе этого года (и даже в первой половине января). Статья «Рейнца», которая так понравилась Бакунину, принадлежала перу К. Маркса; она была напечатана в первом томе «Анекдотов». Не понравившаяся Бакунину статья Фейербаха «Предварительные тезисы для реформы философии» появилась во втором томе.

4) Главная работа В. Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы», вышедшая в декабре 1842 г., стала уже известна Бакунину в январе 1843 года, т.-е. сразу после ее выхода.

5) Пескантини — итальянский республиканец, мадзинист, с которым Бакунин познакомился и сдружился в Дрездене. Жена его была немкой из Риги. Оба они прекрасно относились к Бакунину и даже предлагали ему поселиться на год в их доме, который они собирались купить себе на Женевском озере. Одно время Бакунин и гостил у них близ Ниона, хотя жил и не в их доме, летом 1843 года.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

I. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

А. Троицкий. Философия и марксизм. Гос. Издат. Москва—Ленинград. 1926. Стр. 39.

Брошюра является переизданием статьи автора, напечатанной им в «Большевике» 1925 г. и озаглавленной: «Зазорно ли большевику заниматься философией?» Как в свое время было указано автором в письме в редакцию «Правды», эту статью издали отдельной брошюрой, изменив ее заглавие без ведома и согласия автора. Этим обстоятельством и об'ясняется то, что заглавие брошюры — «Философия и марксизм» — не совсем соответствует ее содержанию, а именно оно шире содержания.

С некоторого времени стали распространяться мнения, даже среди марксистов, что философия совершенно не нужна, что ее давно пора сдать в архив. Автор прежде всего и останавливается на вопросе о «снятии» философии, под которым понимается или полнейшее ее упразднение (т. Минин), или отождествление ее с современным естествознанием (т. Степанов). Суждения Энгельса по этому вопросу, высказанные им в «Анти-Дюринге» и в «Л. Фейербахе» и приводимые автором, сводятся в кратких словах к тому, что философия, как абсолютная система, стоящая над прочими науками, должна быть отвергнута, но философия в качестве науки о мышлении и его законах должна остаться необходимой частью марксизма. Автор приводит также мнение Ленина о значении и роли философии, подтверждающее необходимость философии для марксизма. «Философия нашего времени, наша философия, — пишет автор, — одна из наук, и вопрос о ее возможности, значении и т. д. решается вопросом о наличии самостоятельного об'екта этой науки, об'екта, не совпадающего с об'ектом какой-либо другой области познания» (стр. 21).

Таким самостоятельным об'ектом философии-науки является область теоретической мысли. «Учение о мышлении и его законах, — это и есть философия в новом понимании этого слова» (стр. 32).

Автор отмечает весьма распространенное мнение, будто бы философия уже исчерпала свой предмет: размеры и границы мышления точно вымерены и дальше итти некуда! «Но, — пишет он, — смотреть на мышление так, это значит рассматривать его как божественный подарок, тогда как оно в действительности является продуктом исторического развития, продуктом человеческой истории» (стр. 33). «Наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука», говорит Энгельс.

Далее автор подчеркивает ту связь между действием и мышлением, которая является характернейшей чертой марксизма. «Действие, практика, движет мысль, но мысль, теория, руководит действием» (стр. 37). Это положение прекрасно развил Ленин, и его необходимо помнить всем тем, кто пытается выбросить философию за борт!

Автор удачно справляется со своей задачей — роль и значение философии для марксизма им вполне выяснена. Язык брошюры — простой, ясный, остроумный — делает ее доступной широким массам. Есть некоторые недочеты — например вопрос о «предмете» философии разработан недостаточно; для полной разработки его — брошюры, конечно, мало. В общем брошюру т. Троицкого следует признать удачной и полезной для ознакомления с одним из наиболее актуальных в наши дни вопросов марксизма.

Основы диалектического материализма в отрывках из произведений классиков марксизма. Составил Б. А. Фингерт. Гос. Издат. Ленинград 1926. **Выпуск первый, стр.** 185; **выпуск второй, стр.** 184.

Рецензируемые книги представляют собою типичную хрестоматию по марксизму, хрестоматию, которая является уже далеко не первой и, к сожалению, наверное, окажется не последней. Как показывает название, хрестоматия эта — по преимуществу философская. Первый выпуск целиком посвящен именно философским вопросам. Тема этого выпуска — диалектический материализм в своем возникновении, истории и систематике (теория познания и миропонимание). Второй выпуск занимается социальными проблемами в широком смысле этого слова. Вопросы исторического материализма в их связи с общефилософскими предпосылками марксизма и с теорией научного социализма, а также с практикой революционного рабочего движения, — таково содержание второго выпуска. В приложениях составителем даются довольно подробные списки литературы по соответствующим вопросам.

Составитель видит свою задачу в том, чтобы читателя, знакомого с элементами марксизма, подвести к более или менее углубленному изучению основ диалектического материализма. Однако нужно сказать, что оба выпуска сами дают лишь элементы марксизма и притом формально в худшей форме: в форме небольших, подчас совсем коротких отрывков. Получаются не элементы, а фрагменты марксизма. Вырванные из живого контекста, поставленные вне времени или рядом с другими отрывками из совершенно иной эпохи, эти фрагменты, конечно, прежде всего проигрывают. Далее составитель еще больше обезличивает их, выбрасывая содержащийся в них полемический элемент. Это делается, видите ли, на том основании, что сохранение полемики «лишило бы изложение цельности и систематичности».

Последних качеств составитель хочет достигнуть такими подбором и группировкой отрывков, «чтобы сборник приобрел характер цельной книги, в которой глава опирается на главу, параграф вытекает из параграфа». Задача, конечно, трудная и Б. Фингерту не удавшаяся. Вместо «цельных» глав с поставленным составителем заглавием перед читателем проходят фрагменты, об'единенные темой, но далеко не всегда «вытекающие» друг из друга. Никаких пояснений, хотя бы указаний на год написания той вещи, откуда взят отрывок, никаких «связей», которые бы могли для неподготовленного читателя соединять отрывки и в то же время пояснять их, — ничего этого в хрестоматии Б. Фингерта нет. Поэтому его книжки никак не могут подвести читателя к углубленному изучению диалектического материализма. К такому изучению может подвести, вообще говоря, чтение не фрагментов, а отдельных произведений классиков марксизма, при условии, если эти произведения снабжены соответствующим уровню читателя пояснительным аппаратом. В таком же виде, в каком в хрестоматии Б. Фингерта выступают Маркс, Энгельс, Плеханов и Ленин, их воздействие на читателя умаляется, а сам читатель не приучается, а отучается от марксистской книги.

А. Самойлов. Детская болезнь «левизны» в материализме. (Поход против **философии, идеологии, мировоззрения**). **«Прибой». Ленинград 1926. Стр.** 255.

Как указывает подзаголовок рецензируемой книги, автор имеет дело с походом против философии, идеологии, мировоззрения. Поход этот состоит в пол-

ном отказе от какой бы то ни было идеологии, в решительном отметании всякой философии. «Этот радикализм, это своеобразное «упрощенство», — пишет автор, — мы считаем вреднейшим явлением, вносящим сумятицу в головы неподготовленной, марксистски еще неграмотной, пролетарской учащейся молодежи» (стр. 10). Разоблачение невероятной путаницы, полнейшего непонимания диалектической точки зрения марксизма в вопросе о соотношении марксизма и философии, борьба с «анти-философами» и «анти-идеологистами» — такова задача автора.

Книга распадается на две части; первая озаглавлена: «Религия, философия и наука в свете материалистической теории идеологии», вторая — «Ревизия марксизма в материалистической теории сознания и идеологии». В первой части автор имеет дело с тем походом против философии, который предпринял «анти-философ» Минин. Основные положения Минина заключаются в следующих «аксиомах»: 1. религия есть порождение феодальной эпохи, 2. философия — эпохи буржуазной, 3. наука — эпохи пролетарской.

Автор совершенно справедливо указывает на полнейшую несостоятельность этих положений с точки зрения диалектического материализма. Он довольно подробно останавливается на разборе и критике каждой из этих «аксиом», черпая свои аргументы из сочинений Маркса и Энгельса и подкрепляя свои рассуждения бесчисленными цитатами. Автор правильно указывает, что основной мотив всех рассуждений Минина, заключающийся в положении: «Философию за борт! Наука — на капитанский мостик!» — покоится на ложном понимании Мининым как той роли, какую играет в марксизме философия, так и ее отношения к науке. Минин не понял, что Маркс и Энгельс уничтожили философию как науку наук, но сохранили ее как науку об общих законах процессов мышления, т.-е. как диалектику и логику. Не понял Минин и того, «что всякая идеология есть результат практической деятельности людей» и что с этой точки зрения не только философия, но даже и религия в свое время имела raison d'être.

То противопоставление философии науке, которое мы имеем у Минина, не выдерживает критики с точки зрения марксизма, во-первых, потому, что философия марксизма тоже есть наука, имеющая свой предмет, отличный от предметов всех других наук, во-вторых, потому, что зачатки научных знаний Маркс и Энгельс находили «даже в самых нелепых системах». (Стр. 74.) Это противопоставление основано на «анти-диалектическом подходе к проблеме развития научных знаний». (Стр. 74.) Утверждение же Минина, что наука начинается только с развитием пролетариата, является нелепым игнорированием истории наук. В доказательство абсурдности этого положения автор пытается н а т р е х с т р а н и ч к а х изложить историю наук, что, конечно, чрезвычайно трудно сделать сколько-нибудь удовлетворительно. Автор указывает неправильный взгляд Минина на науку, как «просто науку», стоящую вне класса, вне партии. В кратких тезисах, которыми автор заканчивает первую часть, он еще раз подчеркивает недиалектичность подхода Минина ко всем разбираемым им вопросам — «вместо диалектической точки зрения он (Минин) подносит нам анти-исторические абстракции à la Дюринг». (Стр. 104). Так поступает он в вопросе о религии, которую он берет как абстрактную идеологическую форму, без выяснения социальных корней ее происхождения и внутренних двигателей ее развития. Так же поступает он и в вопросе о философии, не отделяя материализма от идеализма и не усматривая принципиального различия между содержанием философии до Маркса и Энгельса и тем содержанием, какое вложил в нее марксизм. Так поступает он и в вопросе о науке, давая неясное определение и резко отграничивая ее от философии.

Во второй части своей книги Самойлов останавливается на том походе против идеологии, который предприняли в свое время В. Адоратский и И. Разумовский. Основные положения В. Адоратского таковы: 1. Идеология есть неверное сознание. 2. Идеология должна быть противопоставлена науке. 3. Идеологическое сознание — порождение строя, основанного на эксплоатации. 4. Идеологии до раз-

деления труда, возникновения общественных классов и развития эксплоатации не было. Автор подробно останавливается на критике этих положений, указывая на их несостоятельность с точки зрения диалектического материализма, подчеркивая, как основной недостаток В. Адоратского, игнорирование им диалектического метода, который один помог бы ему «установить генезис общественного и индивидуального сознания, связь сознания с действительностью и его роль в приспособлении человека к окружающей среде». (Стр. 117.) И. Разумовский тоже считает идеологию извращенным сознанием. Чтобы показать неверность этих утверждений, автор останавливается подробно на отношении Маркса и Энгельса к идеологии и приходит к правильному заключению, что они «не отрицали умозрения вообще, как и идеологии вообще, а лишь исключительное пользование ими как методом научного исследования». (Стр. 125.) В огромном большинстве случаев, говорит автор, понятие «идеология» означало у Маркса и Энгельса «надстройку» над экономическим базисом; там же, где они понимают «идеологию» в специфическом смысле, там, в сущности, все сводится к разоблачению неправильных предпосылок в идеалистических системах, отстаивающих приоритет разума над действительностью, равно как и независимость мира идей от этой действительности». (Стр. 141.)

Далее автор выясняет вопрос о процессе формирования идеологических форм и сопутствующих им идеологических извращений с точки зрения диалектического материализма, указывая на неправильное понимание этого процесса «анти-идеологистами», у которых происходит разрыв между сознанием и идеологией, при чем первое является продуктом естественного развития, тогда как вторая результатом искусственных мероприятий. Автор совершенно справедливо упрекает анти-идеологистов в полном забвении диалектики при подходе к этому вопросу, в забвении того момента релятивизма во всяком сознании, на который справедливо указал еще Гегель. В заключении своей книги автор подробно (излишне подробно) останавливается на «теории» Енчмена, указывая как на ее социальные корни, так и на ее связь с рефлексологией (упрощенно плохо понятой Енчменом).

Таково содержание рецензируемой книги. Автор в своей борьбе против «анти-идеологистов» и «анти-философов» стоит на точке зрения диалектического материализма, которую он более или менее удачно выдерживает как в общей своей концепции, так и в частностях. Но книга не лишена некоторых недостатков. К таковым следует отнести неясность и расплывчатость некоторых формулировок, злоупотребление рефлексологическими терминами, в результате которого у читателя создается впечатление, что автор стоит всецело на точке зрения рефлексологии в вопросе о происхождении сознания (только последние страницы книги разубеждают его в этом впечатлении), чрезмерное обилие цитат, которые часто излишни (автор нередко цитирует Маркса и Энгельса не по их сочинениям, а по хрестоматиям, что вряд ли можно считать научным приемом). Растянутость, бесконечные повторения, разнообразные вариации на одну и ту же тему, неяркий и нечеткий язык книги утомляют читателя и притупляют интерес. Странное (чтобы не сказать больше) впечатление производит манера Самойлова обращаться с некоторыми из критикуемых им авторов. На протяжении всех 225 страниц он ни разу не называет т. Минина по фамилии, предпочитая называть его длинно и туманно, например, «автор двух статей, направленных против философии». С другими своими противниками автор обращается менее «деликатно».

С. Ю. Семковский. Диалектический материализм и принцип относительности. Гиз. 1926. Стр. 230. Цена 2 р. 25 к.,

Во всяком случае эту книгу нельзя назвать новой. Основной ее стержень — первые три главы, излагающие положительные воззрения т. Семковского на теорию относительности — появляются в свет уже третий раз: первый раз в виде отдельной брошюры (1924), второй раз в «Этюдах» т. Семковского и третий раз

сейчас. Остальные главы представляют полемические статьи против тт. Деборина и Тимирязева и также частично уже были напечатаны. Новое здесь — лишь весьма незначительная заметка, излагающая учение Гегеля о времени и пространстве. Таким образом книга представляет собой не систематический труд, а как бы полное собрание сочинений т. Семковского по поводу теории относительности.

Появление книги, посвященной разбору отношения диалектического материализма к теории относительности, можно только приветствовать. Однако то, как выполняется эта задача т. Семковским, вызовет у всякого диалектического материалиста по меньшей мере недоумение.

Прежде несколько замечаний по существу развиваемых им взглядов, а затем и о форме их изложения.

Если не в полном согласии с теорией относительности, то вполне в духе ее, т. Семковский представляет собой как бы вполне самодовлеющую систему, не подверженную общему потоку пространственно-временного бытия, в которой некоторые процессы природы протекают с чрезвычайной медленностью. Уже несколько лет под-ряд неизменно он направляет все перлы красноречия и скорпионы своего остроумия на один и тот же предмет — философскую схоластику в марксизме. Нужды нет, что все находящиеся вне «системы» т. Семковского «наблюдатели» до сих пор никак не могут уразуметь, против каких же принципиальных воззрений борется т. Семковский в лице этого таинственного противника. Тов. Семковский при всяком удобном и неудобном случае во все тяжкие поносит тех, кто на страницах «Под знаменем марксизма» защищает диалектику; однако с не менее величественным презрением он третирует и механистов. Тов. Семковскому не нравятся те, кто изучает Гегеля с точки зрения марксизма. Однако, особенно после появления соответственных конспектов Ленина и «Диалектики природы» Энгельса, он сам занялся, судя по рецензируемой книге, довольно ученическим конспектированием «Натурфилософии» Гегеля. Однако, так же, как море остается неизменным в смене приливов и отливов, гнев т. Семковского против философского Карфагена остается равным самому себе, несмотря на всю неустойчивость его принципиальной позиции.

Его позиция всеобщего отрицания явно недостаточно импозантна; она должна для полноты величия сочетаться и с чем-либо положительным. Таким положительным дополнением к философии отрицания т. Семковского является пафос преклонения пред «современной» наукой. Нельзя противопоставлять философию науке, философия должна следовать науке — вот бездонный кладезь премудрости т. Семковского. Он действительно питал бы живой водой, если бы при этом сама марксистская философия (только о ней и речь!) рассматривалась как необходимая составная часть науки, направленная своим острием и против псевдо-научного в современном знании. Однако т. Семковским единство философии и науки представляется лишь в том виде, в каком, перефразируя слова Маркса, ветхозаветный бог являлся Моисею, — наука к его философии обращена всегда лишь своим a posteriori.

Это прекрасно иллюстрируется им самим на анализе принципа относительности. Наш автор слепо следует Эйнштейну. Его изложение теории относительности не выходит за пределы популярных брошюр типа Макса Борна и др., критика же по адресу Эйнштейна ограничивается лишь декларированием несогласия с тем или иным из особенно бьющих в нос махрово-идеалистических заявлений Эйнштейна. Каковы их корни в самой теории относительности, остается для нашего исследователя книгой за семью печатями.

В краткой рецензии следует указать лишь несколько важнейших пунктов.

Несомненно материалистическим мотивом в теории Эйнштейна является установление неразрывной связи между пространством, временем и материей, намеченной еще Гегелем и составляющей одно из важнейших положений «Диалектики природы» Энгельса.

Однако специальный принцип относительности, исходящий из метафизически противопоставленных друг другу «наблюдателей», не связанных никакой опосредствующей их средой, должен быть решительно отвергнут. Философский релятивизм, неизбежно вытекающий из этой стороны теории относительности, ничего общего с марксизмом иметь не может. Движение материи с точки зрения диалектики включает в себя момент относительности, но не как относительность точки зрения наблюдателей, а как «телесную относительность» в том смысле, в каком употребляет этот термин Вихерт. Именно поэтому оказывается возможным перейти «от относительного к абсолютному» и абсолютное рассматривать как процесс в мире относительного. Основной исходный пункт идеалистических построений теории относительности и заключается в том, что математическим фикциям она придает реальное значение в природе.

Совершенно непонятно, как т. Семковский сочетает отрицание механического материализма в предисловии и заключении своей книги с признанием пустоты и отрицанием эфира, уже не говоря о том, что в данном случае он запаздывает в погоне за современной наукой, поскольку и сам Эйнштейн за последнее время все более и более склоняется к признанию эфира. Ведь именно механический материализм исходит из признания материи, состоящей из неделимых материальных точек, движение которых в пустоте и образует все существующее.

Неосновательен экскурс т. Семковского в историю философии, когда он полемизирует с теми, кто вслед за «буржуазным историком философии» (вот ужас-то!) Дж. Бёрнетом считает элеатов материалистами. Во всяком случае подлинной схоластикой является опровержение Бёрнета ссылкой на Гегеля, как известно также не особенно сочувствовавшего коммунизму и материализму. Тов. Семковскому следовало бы уразуметь, что самый переход от элеатов к Демокриту был возможен именно потому, что парменидовским бытием, которым у элеатов обладал весь мир материи в целом, у Демокрита были оделены атомы.

Наконец, несколько слов о форме изложения т. Семковского. Несмотря на то, что в числе источников т. Семковского числится сам Козьма Прутков (см. стр. 228: Прутков, Козьма. Полное собрание сочинений, 11-е изд., СПБ, 1912; см. также стр. 72), а одновременно, на стр. 142, им перепутывается «Энциклопедия» и «Философия природы» Гегеля (по т. Семковскому они представляют разные книги, в то время, как на деле «Философия природы» лишь вторая часть «Энциклопедии»), по адресу противников теории относительности он позволяет себе такие выражения, которые во всяком случае не делают ему чести. Полемизируя с т. А. К. Тимирязевым по поводу одной ошибки в переводе у того, Семковский пишет: «Если бы такой казус случился в нашей кафедре (!!) с каким-нибудь (!) аспирантом, он сгорел бы со стыда». Нам кажется, что безграничное самохвальство т. Семковского заставит скорее сгореть от стыда читателей его книги, так как сам он как будто совершенно потерял эту весьма полезную для человека способность. По крайней мере, в тоне своей полемики.

Б. Спиноза. Принципы философии Декарта. **Перевод с латинского и предисловие Г. С. Тымянского. Труды Института Красной Профессуры, секция философии, под общей редакцией А. М. Деборина. «Новая Москва» 1926. Стр. XVI+104.**

Знакомый читателям по своему переводу «Рассуждения о методе Декарта» (1925) Г. Тымянский издал теперь «Принципы философии Декарта» и «Метафизические мысли» Б. Спинозы. О полезности переводов сочинений классиков философии распространяться не приходится. Предлагаемая же книжка представляет для изучающих историю философии двойной интерес. Прежде всего мы получаем неизвестное на русском языке произведение Б. Спинозы и в то же время изложение философии Декарта, сделанное в известном смысле его учеником. «Геометрический способ» изложения, принятый Спинозою, вполне соответствует ученому

стилю XVII века. Таким образом русский читатель получает любопытный документ: Спиноза в роли преподавателя философии Декарта.

Нужно сказать, что в первой работе Спиноза, поскольку возможно, воздерживается от критики, и потому мы не имеем здесь собственно «спинозизма»; во второй же работе собственная концепция Спинозы достаточно отчетлива, в особенности в отношении проблемы единства субстанции. Перевод т. Тымянского, сделанный с латинского языка, в общем хорош, только изредка встречаются тяжеловесные фразы, однако следует помнить, что латинский подлинник дает себя знать в любом переводе.

К произведениям Спинозы переводчик присоединил свое предисловие. Оно имеет целью дать читателю историко-критический комментарий. В этом предисловии автор, несомненно, несколько погрешил против исторической истины, слишком сблизив концепции Декарта и Спинозы (которых он в ущерб второму почти об'единяет) с диалектическим материализмом. Это имеет место при трактовке роли Декарта и Спинозы в реформе логики, а также и по вопросу об «ясном и отчетливом познании». Автор несколько модернизирует принцип ясности и отчетливости в его специфически картезианском значении и видит в нем положительное решение проблемы реальности познания. Последнее само по себе не плохо, но, как это известно и самому автору, утверждение реальности познания у Декарта и Спинозы, с одной стороны, и в диалектическом материализме, с другой стороны, покоится на совершенно иных основаниях.

Нужно надеяться, что добросовестный труд т. Тымянского окажется полезным и сыграет свою роль в деле ознакомления читателей с классической философской литературой. Переводы классиков мысли быстро подвигаются вперед, и переводчику, специализировавшемуся на Декарте и Спинозе, следовало бы подарить теперь русскому читателю давно ожидающий своей очереди «Краткий трактат» Спинозы.

К сожалению, издательство свою роль выполнило прескверно: неудачный для небольшой книжки формат, скверная бумага, неважная типографская краска.

И. Вороницын. К. А. Гельвеций. «Биографическая библиотека», Госиздат. (Краснодар) 1926. Стр. 97.

Книжка в значительной своей части является сокращенным переводом большой работы A. Keim'a: «Helvêtius, sa vie et son oeuvre, d'aprês ses ouvrages, des écrits divers et des documents inédits». Paris. 1907, pp. VIII+719. Поскольку эта работа на русский язык не переведена, да и вряд ли будет переведена, краткое изложение ее по-русски сослужит, несомненно, службу в деле ознакомления русского читателя с одним из французских материалистов XVIII века. Однако этот читатель должен был бы знать, что именно работа Гельвеция положена в основу изложения И. Вороницына. Между тем, последний нигде ни единым словом не указывает источника всей фактической части своей работы.

В книжке И. Вороницына сделана попытка взять Гельвеция в призме диалектического материализма. В этом отношении автор идет по следам «Очерков по истории материализма» Плеханова, имя которого, конечно, не в пример имени Кейма, упоминается И. Вороницыным многократно.

На канве указанных работ и составлена книжка. Входит она в «Биографическую библиотеку» Госиздата. Автор начинает с краткой характеристики Франции XVIII века и картины просветительного движения. Далее следует биография Гельвеция и изложение его основных работ: «Об уме» и «О человеке». Эта часть работы, — почти вся книга, — до мелочей сохраняет расположение материала, как оно дано у Кейма. Последняя глава дает оценку Гельвеция как атеиста и материалиста. При отсутствии на русском языке оригинального монографического исследования о Гельвеции книжечка И. Вороницына может принести известную пользу начинающим изучать французских материалистов XVIII века.

В. Сережников. К а н т. «Биографическая библиотека». ГИЗ. Москва-Ленинград, 1926. Стр. 255. Ц. 2 р. Научно-политической секцией ГУС'а р е к о м е н д о в а н о в качестве учебного пособия для специального семинария.

Задуманная как серьезная марксистская монография о Канте, книга т. Сережникова, однако, ни в коей мере не заполняет существующего здесь пробела: слишком уж много в ней того, что возбуждает возражения. Прежде всего — метод писания книги. К марксистской литературе больше, чем ко всякой другой, мы пред'являем требование указывать использованные автором источники. Тов. Сережников, за исключением трех-четырех мест, все время забывает эту свою обязанность, при этом как раз тогда, когда ссылка совершенно необходима. Источниками же для него послужили: Ф. Паульсен («Иммануил Кант», русск. изд. 1905 г.), Куно Фишер (1 полутом о Канте), Плеханов, Аксельрод-Ортодокс и Деборин, у которого взята оценка кантовской диалектики. В использовании этих источников характерна одна черта, говорящая далеко не в пользу автора: списывая, последний не только не делает ссылок, но и слегка видоизменяет текст. Образцом всего этого может служить страница 249. Перечисляя «противоречия кантовской системы», автор «странным образом» формулирует их почти полностью в выражениях Аксельрод-Ортодокс. У Сережникова: «Кант об'являет необходимость существования высшего идеала, но считает его неосуществимым в пределах земной жизни». У Ортодокс же написано («Философские очерки», 1906 г., стр. 63): «Кант признает существование в сознании человека высшего идеала... но в то же время считает этот идеал неосуществимым в пределах земного бытия». У Сережникова дальше: «Кант отрицает возможность доказать бытие бога и в то же время требует безусловной веры в это бытие», а у Ортодокс: «Он не находит возможным обосновать бытие бога, но требует безусловной веры в это бытие» и т. д. и т. п. (Читатель сам сравнит стр. 23 — 24, 27, 30 — 31, 39, 40—50, 67—71 и др. с Паульсеном, соответственно стр. 29—31, 34—35, 42—43, 51, 63—66, 131—132; стр. 53, 54 и 62 с Фишером,—стр. 149—153, 161 и др.

Против всего этого можно было бы возражать лишь с точки зрения литературных нравов, если бы не страдала принципиальная установка. Но сожительство с Паульсеном вряд ли поможет марксизму. Не помогло оно и т. Сережникову.

Укажем еще па одну особенность этой «марксистской» монографии. Зная об обусловленности надстройки базисом, т. Сережников начинает свою книгу с выяснения «социальных предпосылок философии Канта». Однако это сделано в таких формах, что перестает что бы то ни было выяснять. Автор впадает здесь в эклектику в том отношении, что набрасывает лишь социальный ф о н, на котором разыгрываются в дальнейшем все перипетии кантовской философии. Получается как на второразрядной провинциальной сцене: декорации сами по себе, актер — сам по себе. Между тем, задача марксиста в этой области заключается не в том, чтобы дать фон (от чего не отказываются ведь и идеалисты), а в том, чтобы в ы в е с т и основные черты философской системы из всего сложного переплета общественной жизни, показать историческую обусловленность первой. Если же этого по каким-нибудь (техническим) причинам нельзя сделать, то лучше и не начинать с марксистообразного описания базиса. Достаточно будет и одной общефилософской критики, если... если она будет хороша.

А какова она у т. Сережникова? Наиболее общий и сразу бросающийся в глаза недостаток ее в том, что критика не сопровождает изложения отдельных частей системы Канта, а отодвинута в «Заключение». И это сокращает и упрощает критику. Большая же часть изложения построена в эпически-повествовательных тонах, иногда перемежающихся эпитетами вроде: «высочайшая ступень познания, на которую когда-либо поднимался человек» (это — о «Критике чистого разума! — стр. 41). Или: «со всем свойственным ему бесстрашием (!) он учит:... непознаваемое нечто есть вещь в себе» (стр. 90). Поэтому критика мелка и есть лишь популярный пересказ Плеханова и Ортодокс. Не желая здесь «пускаться

в излишние подробности» (стр. 234), автор, тем не менее, отнюдь не чуждается последних при изложении самого Канта. В результате всего этого — перед нами работа, которая подстать самому заправскому кантианцу, старающемуся доказать научность кантовской философии.

Говоря о «единстве логического сознания», автор пишет: «Человек, который не может сохранять значение своих понятий (их тождества и единства), вообще неспособен к мышлению и является душевнобольным. Это мы (?) понимаем априори, так как мы (?) знаем прочную организацию нашего собственного мышления. Таков этот априорный (!) закон организации нашего интеллекта...». (Стр. 97.) И дальше: «опять-таки априори (!) понятно положение, что познание состоит в согласии нашего понятия с предметом». (Ibid.) И ко всему этому протаскиванию априоризма не прибавлено ни одного слова критики! Вместо этого в конце главы сентенция: «таковы об'яснения априорных познаний, которые мы можем (!) почерпнуть (!) у Канта». (Стр. 100.) А засим и надлежащая аналогия: «Как из водорода и кислорода образуется вода, так из априорных положений и чувственных явлений возникает продукт, который называется опытом и ведет к тому, что мы познаем чувственные явления, как явления природы». (Стр. 100 — 101. Курсив автора.) Не есть ли все это более или менее откровенная апологетика? Дабы не было сомнений при ответе на такой вопрос, автор пишет: «Априорный орган состоит исключительно из форм. Это положение не подлежит никакому сомнению, так как вне материи (явления) (?!) для нас просто не существует ничего познаваемого, кроме формы». (Стр. 102, курсив наш.) Так пишется «марксистская» монография о Канте, на деле пропагандирующая кантовский априоризм! И подобных апологетических мест в работе т. Сережникова сколько угодно. Наиболее же яркие находятся в конце страницы 183. Говоря о философии истории Канта в докритический период, автор спускается до плоского отождествления Канта с марксизмом. Он пишет: «Необходимо отметить... еще одну черту исследователя Канта: его реализм. Он рассуждает как реальный политик, как политик-материалист, взвешивая имеющиеся налицо политические силы в государстве и их взаимоотношения. «Сквозь его рационализм проглядывает острое чутье действительности». (Курсив автора.) В данном случае автор следует тому, довольно распространенному, но ничего общего с марксизмом не имеющему взгляду, что, во-первых, реализм в политике тождественен с материализмом, и что, во-вторых, в своей философии истории Кант чуть ли не стоял на точке зрения исторического материализма. И то, и другое совершенно неверно. Очевидно, автор вновь кому-то следует в своем изложении.

Применяемый т. Сережниковым метод вовлекает его и в другое искажение действительности. Поверив на слово Ф. Паульсену (стр. 128 и сл.), что, хотя Кант «впоследствии очень восхвалял свое различение синтетических и аналитических суждений и считал его классическим, оно, тем не менее, своею мнимою ясностью скорее запутывало, чем раз'ясняло проблему «Критики», и что эти суждения «не играют в дальнейшем изложении («Критики чистого разума») важной роли» — т. Сережников совсем забыл сказать об аналитических и синтетических суждениях, хотя в истории философии они имели и имеют большое значение: отсюда, через Фихте и Шеллинга, вышел Гегель, да и многие современные проблемы так или иначе связываются с анализом и синтезом.

Столь же надуманной и не соответствующей учению Канта, а, следовательно, и ослабляющей марксистскую критику его системы, является мысль, что чистый разум «должен быть неким организмом» и притом «действительно существующим, а не вымышленным организмом». (Стр. 92. Курсив автора.) В соответствии с такой антропологизацией автор приписывает Канту и еще менее верную мысль о «самом априори», или «формальной сущности». (Стр. 104 — 105.) Всем этим он показывает свою полную неспособность не только марксистски критиковать философию Канта, но и сколько-нибудь правильно ее понять.

И. Дицген. Против идеализма и поповщины. С приложением статей: «И. Дицген, его жизнь и деятельность» и «Ленин о Дицгене.» Составил и перевел А. М. Шифрин. Госиздат. Москва-Ленинград 1926. Стр. 225.

Основоположники научного социализма очень высоко ценили философские работы Иосифа Дицгена. Они обращали внимание на «замечательный инстинкт, который помог придумать так много правильного при такой недостаточной подготовке». «Несмотря на некоторую путаницу, — писал Маркс, — рукопись Дицгена о «Способности мышления» содержит много превосходного и — как самостоятельный продукт рабочего — даже достойного удивления». Огромное внимание уделяли Дицгену Плеханов и Ленин. Они подчеркивали, что диалектически-материалистической философией исчерпываются взгляды Дицгена, что во всех основных вопросах теории познания и мировоззрения Иосиф Дицген вовсе не развивал особой философии, отличной от диалектического материализма.

Но у Иосифа Дицгена путаный, неточный, изобилующий утомительными повторениями способ выражения. Эти повторения, в которых Энгельс видел недостаток диалектического развития, часто ведут к неверным, расплывчатым, слишком широким обобщениям. Главнейшие из этих неясностей и путаница, за которую, как известно, ухватились в свое время «дицгенисты», стремящиеся «дополнить» марксизм чуждым Иосифу Дицгену «дицгенизмом», были в свое время разобраны Плехановым и Лениным.

Русский издатель Дицгена должен учесть это обстоятельство, — надо сделать Дицгена доступным русскому читателю таким путем, чтобы читатель мог на произведениях Дицгена уяснить основные вопросы диалектического материализма, а не путаться в широких, расплывчатых и нередко неверных формулировках. И т. Шифрин хорошо сделал, что после своей вступительной, — кстати, превосходно, в общем, написанной, — статьи поместил отрывки из «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, в которых раз'яснены и слабые стороны Дицгена. Но, во-первых, отрывки из Ленина имеют в виду немецкий текст, и притом некоторые такие работы Дицгена, «местонахождение» которых в хрестоматийном собрании т. Шифриниа совершенно нельзя определить, не имея под рукою оригинала, а во-вторых, в отрывках, взятых из полемического контекста, направленного против махистов, естественно не отразился целый ряд неверных положений, например, стремление Дицгена «примирить» или «сменить» противоположность между материализмом и идеализмом, критика «старого» материализма или о «материи и духе» (стр. 68) и т. д. Вывод — редактор перевода должен был снабдить текст Дицгена подробными примечаниями, указывая на путаницу и особо подчеркивая все места, когда сам Дицген поправляется и продолжает вновь линию диалектического материализма.

Второе замечание нам хотелось бы сделать относительно принципа, которым руководился редактор при составлении книги, вернее, — относительно отсутствия принципа. Редактор отказался помещать цельные работы и статьи Дицгена, и в то же время своим подбором отрывков (особливо в 1-й части) только усугубил слабую сторону Дицгена. Книга с большой пользой могла бы быть сокращена до 5 — 6 печатных листов. Отсутствие всяких указаний, откуда взят тот или другой отрывок, сильно затруднит пользование книгой. Надо отметить, что «заглавия, которые дает отдельным главам» сам редактор, не всегда соответствуют содержанию, а заглавия самого Дицгена — точнее и выразительнее (например, стр. 35).

Ввиду этого книга может быть рекомендована только подготовленному читателю.

Такому читателю небезынтересны будут, между прочим, страницы 16—17 предисловия Шифрина, где автор сопоставляет различные оценки Дицгена марксистами. Оказывается, например, что Л. И. Аксельрод-Ортодокс упрекает Дицгена в кантианстве за ту главу, которую особенно ценил Ф. Энгельс. Она же

считает позитивистски-махистским тот абзац у Дицгена, который В. Лениным считается вполне выдержанным в духе диалектического материализма.

Перевод сделан удачно. Есть неряшливость, — сокращения, которым подвергся текст Дицгена, нигде не оговорены, не отмечены многоточиями, а ведь, судя по обложке, автором книги является И. Дицген.

II. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МАРКСИЗМ

Л. Троцкий. Д. И. Менделеев и марксизм. Доклад четвертому Менделеевскому с'езду по чистой и прикладной химии 17 сентября 1925 г. Госиздат 1925. Стр. 24.

Брошюра т. Троцкого есть изложение его речи, произнесенной при открытии четвертого Менделеевского с'езда химиков. Уже не впервые виднейшим марксистам приходится выступать на естественно-научных с'ездах. В этом факте заключается замечательнейший симптом: участники и руководители Октябрьского переворота вновь начинают заниматься вопросами науки. Тов. Троцкий правильно видит в этом особый смысл, который заключается в том, что пролетариат начинает вступать в права культурного наследства, оставленного буржуазией. Но что и как наследовать — вот вопрос. На это т. Троцкий дает ответ: «Социалистическое общество с особенной благодарностью приемлет колоссальное наследство положительных наук, отметая, по праву инвентарного выбора, все то, что служило не познанию природы, а оправданию классового неравенства и всякой иной исторической неправды». Естественные науки в буржуазном обществе заслуживают по преимуществу название науки, тогда как официальные науки об обществе этого названия почти не заслуживают. Это особенно ясно из того, насколько те и другие способны предвидеть ход событий в своих областях. Официальная наука об обществе оказалась слепой и не предвидела тех событий, которые готовила история. Эта способность предвидения, и, значит, признак научности, были проявлены лишь марксизмом.

Тов. Троцкий делает два сопоставления: 1848 год и 1871 год. События в области общественных явлений этих годов были уже теоретически об'яснены и предсказаны «Коммунистическим манифестом» Маркса и Энгельса. Примерно к этим же годам относятся и два замечательнейших предсказания в области естествознания: предсказание Леверрье планеты Нептуна и предсказание Менделеевым новых элементов, — предсказания, блестяще оправдавшиеся.

Но если официальная буржуазная наука об общественных явлениях обнаружила в себе черты гнилости, то не сказывается ли влияние буржуазного общества и на естествознании?

Рассматривая деятельность Менделеева, т. Троцкий дает положительный ответ на этот вопрос. «И очень поучительно, — говорит он, — что, под несомненным давлением консервативного общественного внушения, Менделеев в великом процессе химических превращений отстаивал начало устойчивости и неизменности. Великий ученый с замечательным упорством настаивал на неизменности химических элементов и их непревращаемости друг в друга».

Этот вопрос несомненно очень важен, так как мы теперь вплотную подошли к усвоению, с точки зрения марксизма, результатов естествознания буржуазного периода. В чем слабость буржуазных естествоиспытателей? Только ли в том, что в их мировоззрение кое-где просачивались консервативные взгляды буржуазного общества, или это влияние сказывается и на их методологии собственно в области естествознания?

При рассмотрении общественных взглядов Менделеева т. Троцкий подчеркивает эмпиризм первого. Но не был ли таким эмпириком Менделеев и в области естествознания? Несомненно, что и в области методологии естествознания Мен-

делеев тоже был эмпириком. Влияние английского эмпиризма и скептицизма ясно сказывается на взглядах Менделеева.

Это обстоятельство не могло не привести к ошибкам и в собственно исследовательской области. Менделеев ошибся не только по вопросу о неизменности и абсолютной индивидуальности атомов, но он ошибся и по вопросу об электролитической диссоциации. Консервативное влияние школы менделеевских химиков по этим вопросам можно проследить даже до сегодняшнего дня. Но т. Троцкий совершенно прав, когда он, несмотря на эти «просчеты» Менделеева, подчеркивает его огромнейшие прозрения и открытия в области науки, когда он подчеркивает веру Менделеева в неограниченную мощь человеческого познания природы и в неограниченную возможность технического подчинения последней человеку. Несомненно правильно подмечена Троцким типичная черта Менделеева — «научно-технический оптимизм».

Переходя к общественно-политическим взглядам Менделеева, т. Троцкий подчеркивает, что здесь «основная ткань общественного миросозерцания Менделеева была консервативна»... Однако отдельные догадки великого химика великолепны и в этой области. Так, Менделеев придавал большое значение развитию промышленности, как средству национального перевоспитания, выработки нового, более устойчивого, более дисциплинированного и выдержанного национального характера; он придавал также большое значение устранению противоположности между городом и деревней и пр.

Менделеев, как химик, как естествоиспытатель, выражал революционную тенденцию буржуазного общества — развитие производительных сил; как общественный деятель, он отражал консервативные тенденции буржуазии как класса. Поэтому справедливо до известной степени противопоставлять естественно-научные взгляды Менделеева его общественно-политическим взглядам. Но до какой степени возможно это противопоставление?

Тов. Троцкий пишет: «Менделеев в области естествознания и, прежде всего, химии является, по методам и по наиболее высоким своим достижениям, не кем иным, как диалектическим материалистом [1]). Не есть ли такая характеристика — преувеличение по отношению к Менделееву и преуменьшение по отношению к диалектическому материализму? Нам кажется, что да. Нам кажется несомненным, что Менделеев, как естествоиспытатель, был все же типичным эмпириком, т.-е. ограниченным мыслителем. Диалектический же материализм не ограничивается эмпиризмом и не отождествляется с ним, к каким бы ценным результатам последний ни приводил в тех или иных отдельных случаях. Диалектический материализм есть метод и мировоззрение, он распространяется не только на область эмпирического исследования природы, но и на область мышления и на область общественных явлений. Менделеев, несомненно, никогда не дорастал и не мог дорасти до диалектического материализма. Единственно, что можно сказать о Менделееве, так это то, что он, несмотря на свой агностицизм, стихийно был материалистом и подготовлял почву для диалектического материализма в области современного естествознания.

Если бы мы стали накладывать на того или иного буржуазного естествоиспытателя штемпель «диалектического материалиста», то мы под конец не смогли бы сказать, что же такое сам диалектический материализм, так как между последним и буржуазным естествознанием в смысле методологии не оказалось бы никакой разделяющей границы. Кроме перечисленных вопросов в брошюре т. Троцкого рассматриваются еще некоторые другие чрезвычайно важные вопросы. Если отвлечься от того, что может быть признано спорным, то речь т. Троцкого несомненно — незаурядное явление, так как она ставит на обсуждение ряд очень важных проблем, так сильно волнующих сейчас молодых марксистов. В этом смысле нельзя не приветствовать, что и поколение старых марксистов пытается

---

[1]) Рассматриваемая брошюра, стр. 17.

приложить свои силы к разрешению вопросов, которые перед нами поставила наша практическая деятельность. Особенно замечательным явлением последнего времени нужно признать то, что в орбиту нашего влияния втягивается и теоретическое естествознание.

К. Тимирязев. Наука и демократия. Сборник статей 1904—1919 гг. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1926. Стр. 432+XVI. Тираж 6.125 экз. Цена 2 руб. 75 коп.

К. А. Тимирязев представляет собою выдающееся культурно-историческое явление. В его лице мы имеем одного из крупнейших ученых, на склоне дней своих пришедших если не к полному пониманию, то к ярко выраженному сочувствию пролетарской революции и выдвинутой ею советской власти. Рецензируемый его сборник содержит различные статьи общего характера, напечатанные главным образом в «Русских Ведомостях» и «Вестнике Европы» в течение богатых событиями пятнадцати лет: от 1904 до 1919 гг.; этот промежуток наложил на весь сборник печать известной неоднородности, отражающей политическую эволюцию К. А. Тимирязева. От демократического либерализма и своеобразного либерального «западничества», переходящего иногда в прямое преклонение перед «великими демократиями» Европы и Америки (см., например, стр. 2, 9, 40, 338 и др.), от либерального парламентаризма (стр. 33 — 37) и от либерального патриотизма (стр. 95 — 96) Тимирязев пришел к прямому сочувствию рабочей революции. В этом смысле Тимирязев останется всегда примером для интеллигенции — и в этом заключается историческое значение его самого и в частности его сборника «Наука и демократия».

Однако этим уже самим по себе не малым обстоятельством и исчерпывается значение политических и общественных высказываний К. Тимирязева. Нельзя, конечно, говорить о выдержанном, скажем, большевизме Тимирязева, хотя бы и в последнюю эпоху (статьи этого периода занимают не более четверти всего сборника). Да этого, собственно говоря, никто и не может требовать от ученого, только на склоне дней застигнутого революцией.

Для нас гораздо важнее другая сторона деятельности Тимирязева, именно — его научно-философские взгляды, нашедшие свое выражение и в рецензируемом сборнике; гораздо важнее потому, что здесь возможна переоценка Тимирязева, в смысле признания его чуть ли не «стопроцентным» диалектическим материалистом, признания, ведущего затем к приравниванию его в методологическом отношении к основоположникам марксизма.

Для нас, с одной стороны, крайне ценными являются отдельные высказывания К. Тимирязева против, скажем, махизма (из которого он без основания выделяет К. Пирсона), против Бергсона, против Бэтсона с его фразой: «Наш век — не век великих задач». Последнее положение (стр. 146) следует запомнить многим эмпирикам, умаляющим значение теории и обобщений и твердящим, вслед за Бэтсоном, одно: факты, факты и факты! Тимирязев, как дарвинист, не мог не возражать против такого узкого понимания естествознания; однако и сам он, находясь при этом в плену у философии контовского позитивизма, не мог занять здесь, как и во многих других вопросах, правильной точки зрения.

Именно на недостатках его методологии и его философских взглядов и следует здесь остановиться, памятуя выше отмеченную возможную опасность и помня кроме того слова самого Тимирязева, повторенные им в сборнике в двух местах: «Наш долг по отношению к мертвым тот же, что и по отношению к живым — правда» (стр. 264 и 334).

Это необходимо сделать тем более, что от указанных недостатков, вытекающих из контовского позитивизма, Тимирязев не освободился вплоть до своей смерти.

Контистом Тимирязев стал еще на университетской скамье (стр. 75), и затем всю жизнь он не переставал величать Конта иначе, как гениальным (стр. 72),

великим (стр. 202 212), мыслителем, «воздвигнувшим свою философскую систему на прочной основе науки» (стр. 220) и т. д., и т. п. Как контист, Тимирязев не замечал, что, воюя с Махом, с Оствальдом, он имеет с ними и кое-что общее, именно — позитивизм. Когда это общее выдвигалось, помимо воли автора, на первый план, Тимирязев бывал вынужден отделываться от него ничего не стоящими фразами. (См., например, вопрос о гипотезе эфира, стр. 81.) Тимирязев ничего не находит возразить Кирхгофу, который говорил, что задачей механики является не об'яснять, а описывать явления. (Стр. 277.)

Тимирязев принимает и много раз повторяет контовскую схему периода человеческой мысли: теология, метафизика и наука. Он против метафизики вообще, при чем под метафизикой здесь понимается, конечно, не то, что под ней понимал Энгельс, а то, что вкладывают в это слово все позитивисты, в том числе и махисты. Материализм Маркса-Ленина в таком случае вполне подходит под это понятие (см. «Материализм и эмпириокритицизм»).

Неизбежным спутником позитивизма является агностицизм. «Строгий позитивизм и откровенный (!) агностицизм», — так формулирует И. И. Мечников и идущий вместе с ним Тимирязев свое мировоззрение. (Стр. 260.) В других местах Тимирязев высказывается резко против искания «конечных причин», не различая здесь идеалистической и материалистической постановки вопроса.

Конту Тимирязев приписывает исключительную роль и как предшественнику Дарвина (стр. 103, 203, 416), и как предшественнику физиолога Павлова (стр. 212). Ему было неизвестно, что с гораздо бо̀льшим правом можно было бы говорить здесь о французских материалистах XVIII века, высказывавшихся гораздо более решительно и по вопросу о материальном характере психических явлений (цитата из Конта, приводимая Тимирязевым, носит весьма расплывчатый характер), и по вопросу об эволюции живых существ, и даже, в отдельных местах, о естественном отборе. О всех французских философах XVIII века Тимирязев говорит те же шаблонные фразы, которые всегда говорили все буржуазные писатели. Это, — по словам Тимирязева, — «философствующие литераторы, за неимением фактов прибегающие к расплывчатым философствованиям, а когда и для них нехватает почвы, пускающиеся в праздные догадки, вплоть до самых нелепых». (Стр. 201.) Эта характеристика, распространяющаяся у Тимирязева и на Ламарка, совершенно не заслужена материалистами XVIII века. У них были крупные недостатки, прежде всего их механическое миропонимание, но об этом как раз автор не говорит.

Вообще характерно, что Тимирязев нигде не употребляет даже слова «материализм», считая его превзойденным своим «строгим» позитивизмом, о котором Маркс отзывался, как о жалкой и пошлой философии по сравнению с Гегелем. (См. письмо его к Энгельсу от 7 июля 1866 г.)

Когда Тимирязев познакомился с марксизмом, то он не нашел в нем никакой особой философии и попрежнему продолжал быть последователем Конта. В статье «Дарвин и Маркс» (1919 г.) он говорит лишь об историческом материализме Маркса, с которым он, по его признанию, не был знаком до 1914 г., когда в энциклопедии Граната появилась статья Ленина. Но и исторический материализм Тимирязеву понять, как следует, все же не удалось: он все время стремился сблизить, отождествить его с «утилитаризмом» Милля. (Стр. 419, XIII и др.)

Совершенно неправильным является представление Тимирязева о Марксе, как о творце исключительно общественной науки. Маркс, по его мнению, был не основоположником нового всеоб'емлющего мировоззрения, а только революционером в области общественных наук. Равным ему революционером в естествознании был Дарвин. Всякому видно, что̀ здесь выпало из поля зрения Тимирязева; это — материалистическая диалектика, основной костяк всей марксистской теории. Вместо нее он снова выдвигает Конта, как синтез Маркса и Дарвина. (Стр. 420.) Нечего, конечно, и говорить, насколько все это далеко от подлинного понимания Маркса.

Не имея правильной методологической установки, Тимирязев скатывается иногда прямо в идеализм, что весьма характерно для всякого позитивиста. Он весьма близок к той точке зрения, которая часто высказывается буржуазными естествоиспытателями, а именно, что в основе всего исторического процесса лежит наука, далее, что человек науки обладает «абсолютной свободой ума» (стр. 248), что «не давление потребностей, не запросы техники налагают свой отпечаток на развитие науки, а наука, развивающаяся своим самостоятельным логическим путем, и личные таланты ее служителей рассыпают щедрой рукой те приложения к жизни, которые поражают воображение масс» (стр. 31—32) и т. п. Эта классическая по своей неправильности фраза находится в чуть ли не лучшей статье сборника, посвященной популяризации проблемы добывания селитры из воздуха.

Очень хорошей мысли о демократизации знания несколько противоречат непереведенные иностранные выражения на различных языках. В этом отношении второе издание лучше первого (1920 года), но и оно несвободно от этого недостатка.

Книга Тимирязева, несмотря на указанные недостатки, еще долго будет иметь значение, как исторический документ.

Необходимо твердо помнить при этом, что если для своего времени взгляды Тимирязева были весьма прогрессивными, то в наши дни с позитивизмом может выступать только противник марксизма. Если Энгельс в свое время, критикуя агностицизм, называл его стыдливым материализмом, то в Советском Союзе стыдиться материализма не приходится. И если в наши дни нашелся бы какой-нибудь защитник агностицизма и позитивизма, то мы с полной уверенностью можем его обвинить... в стыдливом идеализме. Это позволяет нам наша диалектика, отражающая великие исторические сдвиги.

Р. Леммель. Физика труда и производительных сил. Социальная физика. Перевод с 10-го немецкого издания под редакцией и с примечаниями заслуженного профессора О. Д. Хвольсона. Книгоиздательство «Сеятель» Е. В. Высоцкого. Ленинград 1926. Стр. 115. Ц. 1 р.

Родоначальник позитивизма, Огюст Конт, негодуя на предшествующую ему философию (французский материализм XVIII века) за то, что та «стремилась к бесконечному продолжению революционного состояния», предложил общественному вниманию Франции свою «Социальную физику» как руководство для водворения «органического» порядка в дорогом отечестве и во всей Западной Европе вообще. Если просветители XVIII века в борьбе против феодальных оков социального развития апеллировали к разуму, то Огюст Конт «бесповоротно» подчинил разум сердцу как в философии, так и в «социальной физике» в особенности. Но «Социальная физика» Конта оказалась плохим руководством, неспособным сообщить что-либо уму или сердцу.

Автор рецензируемой «Социальной физики» Леммель тоже подчинил разум, но уже не сердцу, а «фактам». Одно другого стоит. «Факты» в «Социальной физике» Леммеля преобладают над мыслью. Мысль... ну что мысль! Мысль должны родить факты, если она им потребуется. «Мы желаем рассмотреть факты, а выводы пусть делает читатель»,— говорит Леммель. Современный естественно-научный эмпиризм, ущемляя теорию в угоду «фактам», полагает, что тем самым он освобождается от спекуляции мысли. Он забывает, что «факты» должны быть теоретически осмыслены. И если из «фактов» Леммеля вытекают курьезные выводы, то только потому, что осмысливание «фактов» Леммелем, вопреки рекламированной беспристрастности, суть неприкрытая их фальсификация.

Леммель в своей книжке поставил вопрос ни больше, ни меньше, как о возможности социализма (и ставит и решает он этот вопрос как идеолог отечественной мелкой буржуазии). «Факты», поднесенные автором, приводят к отрицательному ответу; заслуженный профессор Хвольсон без малейшей оговорки предло-

жил книжку Леммеля советскому читателю. Разбирая с «естественно-исторической стороны» социальный вопрос о возможности социализма, физик Леммель формулирует его так: «Имеется ли на земле столько богатства, чтобы все люди могли жить в достатке?» (Стр. 8.) Под богатством Леммель разумеет ту сумму сил природы, которая доступна технической эксплоатации. Коэфициент полезного действия используемого сырья (угля, нефти и пр.) для производства технически потребляемой энергии автор, ничесоже сумняшеся, называет «прибылью». (См. стр. 55.) Надо вычислить возможное «богатство», определить «душевое потребление» его, разделить первое на второе, и простая арифметическая операция решает поставленный социальный вопрос. Вычислительные операции приводят Леммеля к печальным результатам. Из шести источников энергии, принятых в расчет, уголь и сила воды, имеющие преобладающее значение, будучи подсчитаны по коэфициенту полезного действия при данном состоянии техники, приводят автора к следующим выводам: «Добываемый уголь работает на каждого человека с непрерывной мощностью в 0,0727 к.-в. Между тем энергия, получаемая из силы воды, производит па душу только 0,0153 к.-в., что составляет приблизительно $^1/_5$ мощности угля. Таким образом, еще очень далеко до нашего социального минимума в 2 к.-в.». (Стр. 76.) Произведя расчет «при полном использовании существующих залежей угля» в течение десяти поколений, автор нашел, что «и при интенсивной эксплоатации всех угольных запасов на земле нельзя добиться необходимого социального душевого потребления». (Стр. 77.) Точно так же мало утешительны вычисления в отношении использования силы воды: «уже при современной численности населения, — пишет автор, — ни в одной из больших стран земли это душевое потребление не может быть даже приблизительно удовлетворено силами воды». (Стр. 85.)

На этом «глубокий» анализ социального вопроса автором не кончился, он надеется на «открытие новых великих источников энергии». «Поэтому, — говорит автор, — и тревожная проблема обитателей земли сводится к общему вопросу об открытии новых источников энергии». (Стр. 88.) В поисках новых источников энергии автор делает ряд «открытий». «Так как еще солнечные лучи не перешли в чью-нибудь собственность, — рассуждает он (будь это хотя бы государство), — то каждый человек мог бы свободно пользоваться их силою. На нашей земле еще нет пошлин на солнечные лучи (жаль!?). Итак, быть может, солнце и представляет собою тот «желанный источник» самой дешевой энергии, которым каждый может пользоваться, чтобы стать богачем». (Стр. 101.) Вот оно что, а мы говорим социализм!

«На нашей земле» ведь нет еще пошлин и на ветер. Надо спешить обогащаться, пока, чего доброго, не обложили пошлинами и ветер. От этих пошлин житья нет на «нашей земле». При подобных тяжелых обстоятельствах неизбежно придешь к такому выводу: «Солнечным машинам и ветряным двигателям предназначено решать двоякую социальную задачу. Во-первых, они обеспечивают энергией маленького человека, под которым мы здесь разумеем и мелкого землевладельца, и мелкую общину, одинокого хуторянина, и отдельно живущего горного жителя. Представим себе, чего будет стоить воздушная проводка тока высокого напряжения длиною в 15 или 20 километров к какой-нибудь маленькой деревушке; за эти деньги можно получить дюжину ветряных моторов, да еще выгадать на том, что почти не будет текущих расходов». (А когда будет ветреное затишье, тогда стоит устроить дни отдыха!)

«А другой социальный фактор, придающий вес таким мелким предприятиям, заключается в их содействии снижению цен, устанавливаемых крупными предприятиями». (Стр. 103.) Даже профессор Хвольсон усомнился в значимости подобного рода мелко-буржуазной фантастики.

Но возвратимся к пресловутым вычислениям, к арифметике, решающей социальные вопросы. Нужно быть абсолютно безграмотным по части социальных наук, чтобы сделать какой-нибудь решающий вывод из «фактов» Леммеля. Дело

в том, что влияние физико-географических условий на общественное развитие есть величина переменная, зависящая от состояния производительных сил. Коэфициенты полезного действия, принятые Леммелем при его вычислениях, упираются в вопрос состояния техники. Хищническое отношение к сырьевым запасам топлива и др. при капитализме очевидно и общеизвестно. Развитие техники тормозится прежде всего монополистическим характером современного капитализма и массою других его противоречий. Монополизм же есть неизбежный продукт развития капиталистического способа производства. Последний из фактора, содействовавшего развитию производительных сил в момент своего возникновения, в настоящее время превратился в их оковы. Поэтому и «вычисления» Леммеля лишь отводят внимание читателей от главного тормоза, который мешает развитию и который надо разрушить, чтобы ступить в полосу общественного развития, когда устройство «счастливой жизни» станет реальной действительностью. Буржуазные предрассудки мешают Леммелю взглянуть об'ективно на «факты»; в своей фантастике о «счастье» он не расстается с мыслью об отношениях собственности, которые изжили себя и грозят невиданными разрушениями при дальнейшем их существовании.

Об'ективное значение книги Леммеля безусловно реакционно, ибо его идеи связаны кровными узами родства с классами, которые должны умереть (социально) насильственной смертью в ходе общественного развития.

Чтобы быть так или иначе использованной в стране Советов, «Социальная физика» нуждается в весьма основательном предисловии, которое дало бы критику тенденциозному осмысливанию «фактов» немецким автором. Ламентации в предисловии проф. О. Д. Хвольсона о страшном призраке «истощения запасов угля и нефти» только усугубляют ненаучность книги.

М. А. Бубликов. Борьба за существование и общественность. Дарвинизм и марксизм. Био-социологический очерк. (Как идет борьба за существование у растений, животных и людей. Общественность как фактор борьбы.) Издат. «Сеятель» Высоцкого. Ленинград 1926. Стр. 240. Ц. 1 р. 60 к.

С дарвинизмом в момент его родов случилось приключение; сразу и независимо один от другого два естествоиспытателя — Дарвин и Уоллес — «открыли» мальтузианство в природе. Так теперь дарвинисты «открывают», что дарвинизмом «дополняется» марксизм. Совершенно серьезно приводятся доказательства даже... даже методологического равенства дарвинизма и марксизма. Диалектика при этом прячется подальше от взоров читателя на последние страницы. И там, во всяком случае, «не оказывается» разницы между диалектикой Маркса и Дарвина. То, что Маркс пользовался методом материалистической диалектики сознательно (и был ее творцом), а у Дарвина проскальзывают стихийно элементы диалектики (поэтому неполно и недостаточно,) — это мало трогает Бубликова и других. Своеобразие бубликовщины заключается в том, что дарвинизм основательно подштукатуривается. Классический дарвинизм молча оставляется на полках архива и выволакиваются после-дарвиновские данные биологии, не то для подкрепления старой теории, не то для теоретического об'яснения данных научной биологии. Бесспорно одно, что теоретическая биология топчется на месте. И от просмотра интересных данных, которых не лишена книжка Бубликова, все же остается впечатление теоретического маразма и застойности мысли. Тем более достойно сожаления то, что в эту рутину «впихивается» и марксизм, в котором едва ли разбирался Бубликов. Впрочем, и дарвинизм Бубликов понял, как французский студент Лебье, выступающий под псевдонимом Родиона Раскольникова у Достоевского. Бубликов теоретически применяет к человеческому обществу теорию «борьбы за существование» так же, как Лебье применил ее практически (убив старуху-молочницу). Разница между Лебье и Бубликовым лишь в том, что последний выступает теоретическим «обоснователем» права, «подкрепляясь» за счет т. Крыленко, тогда как Лебье был жертвой современного ему права, жертвой

эшафота. Убийство и преступление вообще с «философской» колокольни Бубликова лишь «недозволенная форма борьбы».

Вся теоретическая глубина концепции борьбы за существование у Бубликова выражается в расчленении борьбы на два вида: борьбу прямую и борьбу косвенную, и подчинении ей момента общественности. В случае прямой борьбы «конкурирующие особи прямо нападают на жертву, будь то соперник или об'ект наживы, с целью нанесения ему вреда или даже совершенного уничтожения. Косвенная же борьба сводится преимущественно к тому, что в жизненной конкуренции выживают организмы более стойкие, более приспособившиеся к окружающим условиям». (Стр. 31.) Это раз. С другой стороны, Бубликов хочет «дать социологии биологическую основу».

Намеченные контуры вырисовывают абрис всей книжки. Оба вида борьбы вытекают, разумеется, как и требует приличие, из мальтусовых посылок, перенесенных в природу. К прямым видам борьбы у растений автор относит паразитизм и хищничество. К практикующим первую форму прямой борьбы относятся такие растительные существа, как бактерии и грибы из низших, из высших — такие паразиты, как заразиха, повилика, и полупаразиты: омела, погремок, очанка, вшивица, Иван-да-Марья и др. Хищники — растения насекомоядные: росянка, мухоловка и пр.

Косвенным видам борьбы растения обязаны разного рода морфологическими и физиологическими приспособлениями к условиям существования. Пробковая ткань, например, «защищает тело растений от быстрых изменений температуры». (Стр. 35.) Различные покровные образования: волоски, смолистые выделения, уменьшение числа устьиц и их суживание являются средствами защиты от излишних испарений у ксерофитных растений. Сюда же относится вырождение листьев в колючки у кактусов и т. п. Точно так же у животных: инцистирование у простейших, у высших автотомия, мимикрия, маскировка, миграция рассматриваются как косвенные формы борьбы за существование. Паразитизм и хищничество, как прямая форма борьбы у животных, не нуждаются в иллюстрации.

Но главное, чему автор уделяет больше всего внимания, это эволюция «института общественности». «Общественность» у растений изучает теперь даже особая ботаническая дисциплина «фито-социология». Уже у растений фито-социологи находят «господствующие классы», «согосподствующие», угнетенные и вполне угнетенные или вымирающие. «Заслуга» Бубликова заключается в том, что он дает систему (хоть и не свою) фито-зоо- и вообще биосоциологии, как основы настоящей человеческой социологии, систему, правда, несложную, заключающуюся в двух словах: аггрегат и интеграт.

Общественность «начинается уже на самой низшей ступени — у одноклеточных протистов». (Стр. 89.) Одноклеточные собираются в колонию, как, например, Volvox, и составляют недифференцированный аггрегат. Обслуживая всю колонию, клетка-индивид вступает в первую ступень общественной жизни. Он обслуживает общество, без которого не в состоянии сам существовать.

Но весьма грубая биологическая ошибка — рассматривать многоклеточный организм как «общество клеток». Всякий многоклеточный организм есть уже органическое единство. Volvox, как и всякий другой организм, имеет уже сложные, дифференцированные половые органы, которые никак нельзя включить на правах индивида-клетки в «общество», называемое Volvox'ом. Понятие «многоклеточный организм» есть биологическая категория, и большой методологической путаницей является подмена ее социальной категорией — «обществом клеток». Источник путаницы — некритическое использование Бубликовым Герберта Спенсера.

Далее, от простого аггрегата общества недифференцированных клеток Бубликов следует к замене «простого сотрудничества» клеток аггрегата «разделением труда, разделением функций» (стр. 85) между клетками в более сложных многоклеточных организмах.

В законе «физиологического разделения труда» клеток Бубликов усматривает «осуществление принципа разделения труда, того самого, который лежит в основе всякой большой трудовой коммуны, где существуют отдельные группировки людей по роду деятельности». (Стр. 86.) Новая беспардонная путаница, и так без конца. Подобный процесс (путаницы категорий) есть последовательное проведение вульгарного эволюционизма. Вот почему некоторым необходимо доказывать глубокое методологическое различие диалектики и эволюционизма, марксизма и дарвинизма.

Следуем дальше. Когда многоклеточные организмы (с клетками, уже дифференцированными на различные ткани) вступают в новую колонию «и образуют органическое сообщество, и притом высшего типа, с полным разделением труда», тогда уже получается интеграт. Как пример, приводятся сифонофоры.

В растительном сообществе Бубликов «открыл» даже «попутчиков». О борьбе классов буквально так и пишется: «в растительном сообществе образуются классовые группировки, ведущие между собою ожесточенную борьбу». (Стр. 97.)

В заключение биосоциоанализа приведем два последние тезиса выводов автора: «9. Какой вид общественности мы ни возьмем, она есть не что иное, как приспособление к окружающей среде, выработанное в известной постепенности ходом эволюции, — такое же, как форма тела, защитная окраска, сила, быстрота, и т. п. 10 Такой характер общественность принимает как в растительном, так и в животном мире, — первоисточник общественности, ее зерно одинаково в том и в другом. Какой это важный вывод с точки зрения монистического миропонимания, которое есть также миропонимание марксистское, ясно само собою и в пояснениях не нуждается». (Стр. 123.) Законы общественного развития подчинены более «общему» закону «приспособления к окружающей среде». Марксизм покрывается дарвинизмом. Такой смысл имеют два последние тезиса.

Может быть, закон приспособления к среде и есть наивысший «закон законов», но Бубликов использует его явно негодно. Бубликов плохо приспособляется, потому что он не ведает, что такое «диалектический материализм», чем он отличается от материализма без эпитета диалектический, потому что не понимает вообще, что такое материализм. Для естествоиспытателей наших дней философская безграмотность — явление обычное. Остается еще пожать плоды биосоциального анализа в человеческом обществе. Схема все та же: прямая и косвенная борьба и подчинение ей общественности. Опять паразиты, хищники и косвенные приспособления в борьбе, дозволенные и недозволенные формы борьбы и прочая ахинея. И «главным орудием в этой борьбе со стороны человека является его умственное развитие».

Какая разница между людьми и животными? «В древности войны велись, главным образом, с целью захвата военнопленных и превращения их в рабов, — явление, аналогичное тому, которое мы видели у некоторых муравьев» (стр. 181); «торговля есть также не что иное, как та же борьба за существование». Бубликов может текстуально сослаться на Дарвина. Верно. Он и ссылается. Любопытно, как он, давая резюме синтезу марксизма и дарвинизма, привлекает сюда еще и третий авторитет — К. А. Тимирязева. «Дарвин не довольствовался чисто биологической стороной, а рассмотрел и социологическую сторону. Здесь он отметил, что, говоря словами Тимирязева, «все умственное и нравственное превосходство над животными (вся идеологическая надстройка, как выразился бы Маркс) берет начало в двух материальных особенностях: в головном мозгу и в его результате — развитии умственных способностей, и в развитии «социального инстинкта», присущего и высшим животным». Таким образом социальный инстинкт, общественность, и у него, как и у Маркса, является исходным началом естественно-исторического развития умственного и нравственного облика человечества». (Стр. 224.) Это написано в главе о диалектике у Дарвина! Тут и «надстройка», и базис, и Дарвин, и Маркс во всем их величии.

Бубликова нельзя назвать скромным; он не прочь дать урок настоящим и будущим поколениям, мимоходом уличив их в глупости: борются люди, как животные, с природой за пространство, а болот даже не осушат — злостный «источник опасных заболеваний». В будущем же все без исключения болота, вероятно, будут осушены, и память об их былом существовании сохранится лишь в старинных книгах и исторических картах, свидетельствуя о некультурности, слабой предприимчивости и глупости современных и ближайших последующих поколений, занимавшихся, благодаря капиталистическому строю, больше взаимной грызней и угнетением, нежели борьбой с природой». (Стр. 191).

Бубликову ничего не стоит об'явить земному шару, что «для буржуазии полному фактическому об'единению пока еще мешают государственные границы и борьба за рынки. Но эти препятствия не принадлежат к числу непреодолимых». (Стр. 209.) Как тут не пожалеть, что «все время на арене истории идет борьба за исключительные права тех или иных общественных групп, но очень мало проникаются идеей о правах человека вообще, идеей солидарности всего человеческого рода!»

Много еще можно почерпнуть всякого вздора из рецензируемой книжки. Мы хотели подчеркнуть важнейшее.

С. Н. Блажко. Коперник. **«Биографическая библиотека». Госуд. Издательство. Москва-Ленинград 1926. Стр. 101. Ц. 70 к.**

Все более пробуждающийся в широких читательских массах интерес к естествознанию, соединенный с поисками цельного революционного материалистического мировоззрения, требует систематического освещения в нашей печати вопросов, связанных с историей естествознания. До последнего времени мы не имели новых книг по истории наук о природе, — теперь этот пробел заполняется, и в этой связи должна быть упомянута большая биографическая серия, предпринятая Госиздатом, которая, по мнению издательства, призвана «дать ясное представление об истории той или иной науки».

Почему все до сих пор написанные книги и отдельные работы из истории естественных наук были неудовлетворительны? Потому, что огромное большинство авторов в этой области, даже если они являлись крупнейшими учеными той или иной специальности, не подходили к истории науки с исторической точки зрения, а если и подходили, то никто, положительно никто из них не пользовался при этом единственно научным методом Маркса — историческим материализмом.

Вследствие этого мы совершенно не имеем до сих пор научной истории естественных наук. А между тем для нашей революционной эпохи, когда перед ближайшими поколениями будет стоять задача коренной перестройки всех естественно-научных дисциплин в духе диалектического материализма, крайне важно широкое и глубокое знакомство с прошлым развитием наук о природе, где были и немалые достижения, потом оставленные, и прозрачные ошибки, заменявшиеся потом менее прозрачными, а потому и более вредными. Особенно интересными эпохами в этом отношении для нас могут быть эпохи революционных сдвигов и потрясений: такова эпоха Возрождения, эпоха английской, французской и германской революций, — все эпохи, связанные с бурным ростом естествознания, ожидающим еще марксистского исследователя.

Если бы наши издательства и авторы поняли эти задачи и, в меру своих сил, приступили бы к их разрешению, они сделали бы большое революционное дело. К сожалению, приходится констатировать, что и в новых изданиях не чувствуется никаких новых веяний. Авторы новых работ по истории естествознания, повидимому, и не подозревают о необходимости научного подхода к истории наук, как прежде всего истории, не подозревают о необходимости здесь более, чем где бы то ни было (например, в специальной области), марксистского метода. И они идут по старой, проторенной дорожке, название

которой — исторический идеализм. В этом — крайне важный и опасный недостаток чуть ли не всех выходящих сейчас книг по истории наук.

После всего вышесказанного вполне понятной будет причина недостатков рецензируемой книги профессора С. Н. Блажко о Копернике. В то время как в ней обстоятельно рассказывается история жизни и служебной карьеры величайшего революционера астрономии, самая сущность переворота, связанного с именем Коперника, сущность, выходящая, быть может, за пределы узкой астрономии, но тем не менее обязательная в смысле изучения для всякого историка науки, в этой книге остается не выявленной.

Автор этой книги не знаком, повидимому, с историческим материализмом; на примере его книги легко можно усмотреть всю опасность и вредность пренебрежительного отношения наших естествоиспытателей к марксистской теории. Упадок науки в средних веках автор об'ясняет распространением христианства и великим переселением народов. У арабов, а на исходе средних веков и в Европе, пробиваются «ростки науки». (Стр. 20 и 21). Как? Почему? В чем здесь корни науки? Над этими вопросами автор не задумывается. Сомнения в истинности старой астрономии возникали только в силу сложности старой системы. (Стр. 22.) Что старая астрономия и построенные на ее основе таблицы не удовлетворяли испанских моряков и вызывали целый ряд жалоб, это остается у автора без всякого упоминания. Коперник у него появляется на сцену просто как свободный, сильный ум, математически развитой, который был «способен» и т. д., и т. д.

Какова была связь Коперника, его предшественников, далее Птолемея и др. с общим мировоззрением той или иной эпохи, каково здесь было значение натур-философских идей, — это в книге совершенно не выявлено. Автор упускает, например, из вида огромное значение, какое имела натур-философия Платона для всех позднейших греческих астрономов. Именно платоновская система требовала от астрономов сведения видимых неправильных планетных движений к правильным, т.-е. к круговым и равномерным. Проявление стремления к такому сведению автор называет просто «чистой» наукой. (Стр. 10.) Об'ективно «чистой науки» так же не существует, как не существует и «чистого искусства». Науки о природе служат либо непосредственно технике, либо, через мировоззрение, интересам классовой борьбы.

Итак, выразим настойчивое пожелание, чтобы наши естествоиспытатели, — и в первую голову занимающиеся историей науки, — предприняли труд познакомиться с последним достижением исторической науки — с методом Маркса-Энгельса. Это внесет «живой дух» в их даже социальные исследования.

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

В. Р. Чернышев. Рикардо и Маркс. **Опыт параллельного исследования их экономических систем. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1925. Стр. 216.**

Давид Рикардо. Принципы политической экономии. **Сокращенный перевод с английского под редакцией и с историко-критическим очерком** В. Р. Чернышева. **Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1924. Стр. 63+134.**

«Опыт параллельного исследования экономических систем Рикардо и Маркса» распадается на четыре очерка: первый посвящен методу, предмету и задачам политической экономии в учении Д. Рикардо, второй — теории трудовой стоимости у Рикардо и Маркса, третий — проблеме земельной ренты и, наконец, четвертый — учению о заработной плате и прибыли Рикардо и рикардианцев. Вводный очерк автора к переводу «Принципов» построен по тому же плану: сначала идет метод, предмет и задачи науки, затем основные про-

блемы: стоимость, рента, заработная плата и прибыль. Целый ряд мест из «очерка» вошел без изменения в позднейший «Опыт» с текстуальным воспроизведением целых страниц. Например, страницы 36 — 40 «Опыта» соответствуют страницам 24 — 29 очерка, страницы 25 — 60 «Опыта» — страницам 31 — 39 очерка.

Автор заявляет, что в своем исследовании он идет «не в порядке эзотерического построения «Капитала», а в порядке, которым шел Рикардо». (Стр. 202.) Автор опасается, и вполне справедливо, что этим нарушилась стройность анализа и в книгу вошли неизбежные повторения. (Ibid.) Действительно, повторения касаются не только отдельных положений автора, но и приводимых им цитат, придавая всему изложению бессистемность и несогласованность. Виноват ли в этом «порядок, которым шел Рикардо», или дефекты в построении книги, — предоставляем судить читателям.

Материал, использованный автором, охватывает не только «Принципы», но и те из экономических работ Рикардо, которые вошли в издание Мак Куллоха, которым пользовался еще Маркс. Весьма ценным и новым в русской литературе является привлечение переписки Рикардо с Мальтусом, Мак Куллохом и Троуэром. Интимная переписка Рикардо — еще мало оцененный кладезь для правильного уразумения основных моментов рикардианской экономики. Подлинный смысл некоторых положений «Принципов» открывается только при свете личной корреспонденции Рикардо. Это мы увидим ниже.

Автор затрагивает кардинальной важности вопрос о взаимоотношении метода Рикардо и метода Маркса. Автор постулирует, что метод у Рикардо абстрактен, но что и Маркс применял в экономической науке абстрактный метод. («Опыт», стр. 18.) У автора обнаруживается тенденция ограничить свой анализ этим утверждением и таким образом сгладить всякое различие между методологией Рикардо и Маркса. Автор при этом претендует, что политическая экономия может развиваться только по пути абстрактного анализа явлений общественной жизни. Однако в другом очерке, написанном несколько позднее, мы наталкиваемся на утверждение, что «политическая экономия, как историческая наука, не должна знать... понятий «вообще». Каждой историко-экономической эпохе развития соответствует свое содержание понятий — иначе остаются общие места, находящиеся вне общественных отношений». («Опыт», стр. 128.) Совершенно верно, но отсюда возникает совершенно естественный вопрос, как согласуется в методологии науки абстрактность и конкретность, абстрактность и историчность? Мы не сомневаемся, что автор хорошо представляет себе конечный методологический синтез, но для читателя это остается открытым местом. Если раньше автор исходит из тождества абстрактного метода у Рикардо и Маркса, то в этом же очерке его «Опыта» «преимущества исторического анализа Маркса» противопоставляются Рикардо. «Этой историчности был совершенно чужд Рикардо» — говорит автор. (Стр. 148 «Опыта».) Только в конце своей книги автор сознает необходимость характеризовать метод Маркса как диалектический. Диалектичность мышления и составляет самую основную черту методологии Маркса, под углом зрения которой вскрываются все основные понятия теоретической методологии общественных наук, в том числе и политической экономии. Таким образом мы не находим у автора сколько-нибудь углубленного анализа методов Маркса и Рикардо; в этом отношении он не дает нам ничего нового.

В центре рикардианской экономики стоит проблема стоимости. Рикардо несомненно один из основоположников трудовой теории стоимости. Но в каком смысле? Какую роль играет в его понимании труд? «Принципы» дают на этот счет не всегда определенный ответ; известно, что сам Рикардо был недоволен той формулировкой понятия стоимости, которая была дана им в первых главах его классического труда. Он скромно считал себя неспособным дать точно формулированные научные определения. Переписка дает в этом отношении исчерпывающий материал; здесь Рикардо мыслит наедине с собой, в своей научной лаборатории.

Автор пытается доказать, что Рикардо понимает под стоимостью овещест-

вленный труд, вне сравнения с другими стоимостями, т.-е. в абсолютном смысле. (Стр. 54 «Опыта».) Труд у Рикардо является такой же субстанцией стоимости, как у Маркса. Автор и здесь стирает грань между Рикардо и Марксом, в ущерб оригинальности последнего. Отрывки, приводимые автором, совершенно не доказывают, что Рикардо оперировал с понятием абсолютной стоимости. Полемика Рикардо с Мальтусом опровергает это самым очевидным образом. Тут Рикардо прямо говорит, что такой вещи, как мера абсолютной стоимости, не существует. Это приводит сам автор на страницах 72 — 73 своего «Опыта». В письмах к Мак Куллоху он указывает, что две причины определяют относительную стоимость товаров: 1) относительное количество труда, необходимое для их производства, и 2) относительные промежутки времени, которые должны истечь, пока продукт труда не попадет на рынок. Поэтому и стоимость составляется у него из двух моментов: заработной платы и прибыли, которые смешиваются между собой во всевозможных пропорциях. (Letters of D. Ricardo to Mac Culloch p.p. 69, 176.) Мальтусу он прямо пишет: «Я имею в виду аргументы о несуществовании какой-либо меры абсолютной стоимости; такой вещи нет. Ваша мера, как и моя, измеряет изменения, которые происходят оттого, что на производство товаров требуется больше или меньше труда, но трудность заключается в изменяющихся пропорциях, которые идут на труд и на прибыль». (Letters of D. Ricardo to T. R. Malthus, p.p. 231 — 232, 236 — 237.)

Рикардо кончает свой анализ эклектической формулой, где стоимость товаров делится на две части; одна образует прибыль на капитал, другая — заработную плату. Можно сказать, что Рикардо мыслит по формуле: $v = l + pt$, где v — относительная ценность товара, l — относительное количество труда, а pt — p функция t, — размер прибыли за время, в течение которого капитал находится в «спящем состоянии», пока не произойдет реализация прибыли.

Правильно указываемый автором факт, что Рикардо не различает стоимости от цен производства (стр. 64—65 «Опыта»), возможен только при наличии логической предпосылки, что Рикардо повсюду видел только относительные стоимости, что он смешивал цены с стоимостями. Так это оказывается и на самом деле: у Рикардо часто стоит знак равенства между стоимостью (value) и издержками производства (cost of production), в которую он включает и прибыль. Раз Рикардо не различает стоимости от цены производства, значит он отходит от принципа абсолютной трудовой ценности. Труд низводится тут на роль фактора. Сам автор в своем «Очерке» (стр. 44—46) утверждает, что Рикардо молчаливо отказывается от принципа трудовой стоимости. Но это не согласуется со взглядами автора, высказанными им в различных местах его «Опыта». Подобно Смиту, Рикардо допускал, что только на первоначальных ступенях развития общества стоимостный обмен производится по трудовым эквивалентам.

Автор очень удачно иллюстрирует взгляды Рикардо на земельную ренту свежим материалом, почерпнутым из писем. Пользуется он также памфлетом 1815 года «о влиянии низкой цены на прибыль». Несомненно, что вопрос о ренте поглощает все внимание Рикардо-экономиста. Это — узел, связывающий во единое целое все его экономическое мировоззрение. С рентой связана у него теория прибыли, заработной платы, проблема народонаселения, проблема распределения; из нее он исходит в своих социологических взглядах. Этот биржевик и ловкий банкир все время стоит на аграрной базе, его внимание поглощено не движением абстрактных и бесплотных стоимостей в круговороте биржи, а перемещением недвижимой земельной собственности. Автор не об'ясняет нам причин теоретического интереса Рикардо к проблеме ренты, ограничиваясь указаниями на общеизвестную борьбу между земельным и промышленным капиталом. Между тем вопрос о теоретических корнях рикардианской теории ренты имеет огромное значение для понимания происхождения марксовой теории абсолютной ренты. Автор ограничивается в данном случае фразой, ставшей стереотипной, что Рикардо «резко выступил против последних остатков физиократической идеологии,

стоявшей на пути развития буржуазного общества, со своим учением о «чистом продукте земли» (Стр. 125 «Опыта».)

Автор не внес чего-нибудь нового и в анализ идей рикардианцев-социалистов; он и не мог, пожалуй, сделать этого, так как не обратился непосредственно к их произведениям, а ограничился теми отрывками из них, которые дал еще Маркс на страницах «Theorien über den Mehrwert» и «Нищеты философии».

В основе сокращенного перевода «Принципов» легли два русских перевода: Н. Зибера и Д. Рязанова. Автор располагает материал «Принципов» по основным проблемам: стоимость, рента, заработная плата, прибыль, доход, машины, следуя в этом отношении традиции, освященной Марксом, Формантеном и Гоннером.

Kerschagl. Die Lehre vom Gelde in der Wirtschaft (Universalismus und Individualismus in der Entwicklung der Geldtheorie). 1922, p. 64.

Kerschagl. Theorie des Geldes und der Geldwirtschaft. 1923, p. 144.

Кершагль. Учение о деньгах в системе хозяйства (Универсализм и индивидуализм в развитии теории денег). 1922. Стр. 64.

Кершагль. Теория денег и денежное хозяйство. 1923. Стр. 144.

Как видно из подзаголовка первой книжки, автор хочет проследить борьбу между универсализмом и индивидуализмом в развитии теории денег. С этой точки зрения автор излагает теории денег ряда выдающихся экономистов, а именно Рикардо, Адама Мюллера, Кнаппа, Визера, Гезелля и Бендиксена. Читатель, знакомый с общепринятым пониманием универсализма и индивидуализма в общественных науках, будет немало удивлен. Казалось бы, теории, которые выводят стоимость товаров и денег из суб'ективных оценок индивидуума, бесспорно относятся к числу индивидуалистических. Оказывается, ничего подобного: учение Визера, стоящего на точке зрения теории предельной полезности и рассматривающего «хозяйственные явления в их отношении к хозяйствующему суб'екту», именно поэтому является будто бы выражением «методологической программы, заранее отличающейся определенным универсалистическим характером». (Стр. 39, ср. 7—8.) Напротив, все теории, признающие так называемую «абсолютную стоимость», автор безжалостно относит к индивидуалистическим. Итак, учение Визера, сторонника индивидуалистическо-психологической школы, оказывается у автора универсалистическим, а теория Маркса, против которой Струве метал громы и молнии именно за ее «универсализм», должна была бы по классификации Кершагля попасть в разряд индивидуалистических.

Каким же образом получается столь странный вывод? Разгадка его заключается в том, что автор употребляет упомянутые термины в особом смысле. «Универсалистическое» решение денежной проблемы рассматривает все хозяйство как общественный институт органического характера, индивидуализм же склонен рассматривать изолированно отдельные явления вне их хозяйственно-организованной связи». (Стр. 61.) Итак, под упомянутыми терминами автор на самом деле разумеет отличие так называемого «органического» от «механистического» понимания экономических явлений.

Раз титул универсализма присваивается всем теориям, которые признают связь между деньгами и другими хозяйственными явлениями, то естественно, что автор фактически относит все теории к числу универсалистических, при чем каждая удостаивается этой чести за различные заслуги: теория Кнаппа [1]) за признание связи между «государством, людьми и деньгами» (стр. 28), теория Визера за то, что исходит из хозяйствующего суб'екта, или за то, что признает «зависимость всех стоимостей друг от друга» (стр. 32, 39), теории Гезелля и Бен-

---

[1]) Как раз теория Кнаппа изучает явления денежного обращения «изолированно», вне «хозяйственно-организованной связи». Мизес поэтому вполне правильно считает теорию Кнаппа образцом «акаталлактических» теорий. См. Mises, Zur Klassifikation der Geldtheorie («Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik» 1917/1918, B. 44).

диксена за то, что они ставят деньги в тесную связь с общественным разделением труда. Автор даже не догадывается, что у Маркса, с его якобы механическою теорией «абсолютной стоимости», гораздо яснее, чем у Гезелля и Бендиксена, показана «органическая» связь между общественным разделением труда и деньгами. Поэтому автору в качестве примера «социалистических» теорий денег приходится брать теорию Гезелля, который, освежая старые идеи Прудона, горюет, что «деньги слишком отдалились от товаров», и требует, чтобы они «были приближены к товарам» и были «не лучше товаров». (Стр. 44.)

Предвзятая, неудачная точка зрения автора мешает его книжке принести ту небольшую пользу, которую она могла бы дать изложением различных теорий денег.

Во второй книге автор хочет дать свою собственную «теорию» денег. Являясь сторонником «органического» метода в политической экономии (школа венского профессора Шпанна), автор усиленно подчеркивает, что хочет изучать проблему денег в ее тесной связи с «обществом», с «общественным хозяйством», с «разделением труда». Но эти благие пожелания остаются таковыми. Автор не идет далее общеизвестных истин о развитии обмена, трудностях натурального обмена, необходимости средства обмена и т. п. В спорных вопросах теории денег автор эклектически старается примирить разные точки зрения, например, в вопросах о металлизме и хартализме, о номиналистическом и реальном происхождении денежной единицы, о соотношении функций средства обращения и платежного средства и т. п. Сознавая, что задача построить «теорию» денег ему ни в малейшей мере не удалась, автор в заключение оговаривается, что эта задача неразрешима без «полного разрешения проблемы стоимости», какового он ждет в будущем от..... философии. (Стр. 137.)

Rudolf Stucken. Theorie der Konjunkturschwankungen. **G. Fischer, Jena 1926. p.p. 75.**

Рудольф Штуккен. Теория кон'юнктурных колебаний. Изд. Г. Фишера, Иена 1926. Стр. 75.

Первая глава: Критика некоторых важных кон'юнктурных теорий и, в частности, анализ даваемого ими об'яснения всеобщего повышения и понижения цен. Вторая глава: Технические факты, важные для кон'юнктурного цикла. Третья глава: Положительная теория кон'юнктурных колебаний.

Автор стоит в основном на точке зрения таких теоретиков, как Ирвинг Фишер, фон-Ган и т. д. «Кон'юнктурные колебания», т.-е. сменяющие друг друга фазы промышленного цикла, вызываются попеременным увеличением и уменьшением «покупательной силы», которая в свою очередь вызывается «кредитом, предоставляемым банками». Эта теория означает анализ всего капитала с точки зрения банкового капиталиста, ставящего реальное положение вещей на голову: явление, наблюдающееся на поверхности социальной жизни и заключающееся в том, что в течение промышленного цикла денежный капитал движется в направлении, противоположном движению промышленного капитала (ср. «Капитал», т. III, 5 раздел), истолковывается совершенно поверхностно в том смысле, что движение денег является причиной «кон'юнктурных колебаний».

В первой главе автор критикует теории Тугана, Бунатьяна, Шпанна, Ольденберга, Афтальона, Жюглара, Шпитгофа, Лескюра и др.; критика эта далеко не носит исчерпывающего характера, так как различные теории кризисов рассматриваются только под углом зрения движения цен и движения денег.

Вторая глава посвящена рассмотрению вопроса, при какой степени использования капитала данной величины рентабельность его достигает максимума. Но так как наш автор не различает разных составных частей капитала (основной и оборотный капитал), — точно так, как он не различает и разных фаз его оборота и их количественного отношения, — то все его исследование носит чисто схоластический характер. Автор стоит на точке зрения «закона убывающей доходности» в промышленном производстве и доказывает эту теорию тем, что

приводит мнения других буржуазных экономистов, единодушных в этом вопросе.

В третьей главе автор развивает свою собственную, уже охарактеризованную нами, теорию. Он полагает, что циклическое движение капитала, а следовательно, и кризисы стали достоянием прошлого, с тех пор как «в течение последних лет некоторые руководящие эмиссионные банки, — в первую очередь Federal Reserve Board Соединенных Штатов, — опираясь на свое исключительное положение на денежном рынке, начали регулировать покупательную способность, исходя из определенных народно-хозяйственных планов. (См. стр. 72.) В этих словах выражается, разумеется, благочестивое пожелание буржуа наслаждаться всеми удобствами капиталистического производства, минуя его противоречия.

В указателе литературы приведены около сорока — главным образом общеизвестных — работ по теории кризисов и кон'юнктуры. Новейшая американская и английская литература использована очень слабо. Остается еще заметить, что как в тексте, так и в указателе литературы, совершенно нет ссылок на марксистскую литературу.

П. И. Лященко. История экономических учений. Издание второе. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1924. Стр. 270. Издание третье, дополненное. Ленинград 1926. Стр. 332.

Книга П. И. Лященко представляет собою курс университетских лекций по истории политической экономии и социализма, «читанных автором в 1913—1922 годах, записанных и изданных в первом издании студентами». Первая часть этого курса (152 страницы) посвящена «буржуазным экономистам», вторая часть (стр. 153—260) имеет подзаголовком «социализм», т.-е. имеет в виду экономические доктрины социализма, начиная с Иоанна Лейденского и Томаса Моруса и кончая последними разновидностями социал-демократического ревизионизма. Обе части лишь внешне уживаются рядом и об'единяются только общей нумерацией страниц. Между буржуазными экономистами и «социализмом» не чувствуется никакой внутренней диалектической связи. Экономисты сами по себе, социалисты также. Если автор заявляет, что из общей «догмы социализма» он предполагает остановиться только «на экономической доктрине его» (стр. 160), то он должен был бы об'единить эти два потока идей в их взаимной обусловленности и идеологической борьбе, отражавшей классовые антагонизмы различных общественных групп на протяжении изучаемых столетий. Без такого исторического подхода никакая «классификация положительных систем социализма» не будет иметь настоящей почвы и будет носить характер чисто догматических положений. Не годится для этой цели и та классификация, которую автор заимствует у Туган-Барановского. (Стр. 162.)

Обращаясь к первой части книги, нельзя не отметить огромной методологической трудности, стоявшей перед автором — изложить на полутораста страницах историю экономических идей, «с новейшей эпохи меркантилизма» до новейших построений математической школы в политической экономии. Действительно, между диалогами, приписываемыми Стаффорду, и математической эквилибристикой Вальраса или Парето — дистанция огромного размера. Автор, в общем и целом, не справился со своей задачей. Он дал очень суммарное, поверхностное изложение основных проблем теоретической экономии, не избегнув старых стереотипных шаблонов. Невольно является подозрение, что курс его не обновлялся с 1913 года. А за это время утекло слишком много воды и в развитии науки, и в развитии общественных отношений. Больше удались автору физиократы, которых он считает идеологами землевладельческих и земледельческих классов; весьма понятно и вразумительно изложены взгляды Рикардо на ренту и идеи Мальтуса. Но на-ряду с этим в книге встречаются досадные промахи, извращающие понимание. Отмечу наиболее существенное. Какими судьбами Франсуа Кенэ оказывается «лейб-хирургом двора Марии-Антуанетты» и врачом не то Людо-

вика XIV, не то Людовика XVI? (Стр. 24.) Неужели автор был смущен тем, что солидному творцу «Экономической Таблицы» пришлось быть врачом прекрасной, но легкомысленной m-me de Pompadour, фаворитки Людовика XV? Точно так же хлебные законы были отменены в Англии не в 1844, а в 1846 году. (Стр. 107.)

Третье издание книги Лященко, появившееся недавно (Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1926), в своей первой части, касающейся «Буржуазных экономистов», не подверглось не только дополнениям, но автор не потрудился даже просто просмотреть его. Благодаря этому Кенэ попрежнему продолжает лечить Марию-Антуанетту, а не m-me de Pompadour (3 изд., стр. 27), а Англия отказывается от хлебных законов не в 1846, а в 1844 г. (3-е изд., стр. 107.) Дополнения коснулись двух глав 2-ой части книги, «Социализма», где отделы «К. Маркс и марксизм» и «Школа Маркса и ревизионизм» расширились в особые главы (вместо 15 страниц — 70 страниц). В остальном лекции Лященко сохраняют свой характер и в новом издании.

И. И. Рубин. Физиократы. Очерк из истории экономической мысли. Рекомендовано Научно-Политической Секцией Государственного Ученого Совета как учебное пособие для высших учебных заведений. Издательство «Книга». Ленинград-Москва. 1926 Стр. 151.

Очерк И. И. Рубина, рассчитанный на массового читателя-студента, желающего углубить свои знания ознакомлением с физиократической теорией, — нельзя не признать удачным и по плану, и по выполнению. Потребность в такого рода пособиях временами ощущается довольно остро, особенно при практических занятиях по лабораторному методу в кружках, семинариях и клубах. Такой потребности раньше удовлетворяла книга Н. Бржесского о податной реформе во Франции в связи с экономическими теориями (1888), статья М. Герценштейна о физиократах в «Юридическом Вестнике» за 1889 год и, наконец, русский перевод дельной книжки Генри Гиггса «Физиократы», давно вышедшей из продажи и представляющей библиографическую редкость. Автор заявляет, что «физиократическая школа представляет собою один из интереснейших примеров тесной связи между самыми абстрактными экономическими идеями и реальными социально-экономическими условиями эпохи» (Введение, стр. 9). В связи с этим как раз необходимо ясно представить себе, интересы каких слоев общества выражали физиократы в своих писаниях, какие классы они имели в виду, стараясь вытащить современную им Францию из тисков затяжного аграрного кризиса. Вопросы «дешевого и дорогого хлеба» волновали дворянскую Францию Людовика XV не в меньшей степени, чем современную Францию эпохи господства левого буржуазного блока. Автор полагает, что физиократы отражали интересы сельской буржуазии, для которой они стремились обеспечить торжество капитализма в сельско-хозяйственном производстве на английский манер. Ради этого же они вступают в компромисс с монархией и с дворянским землевладением, с двумя крупнейшими социальными силами Франции середины XVIII века. Конечно, ни о каком «политическом компромиссе» здесь говорить не приходится, так как физиократы являются чистыми идеологами дворянского землевладения, пытавшегося аграрной реформой поземельных отношений предотвратить катастрофу, разразившуюся в конце века. Так это понималось во Франции того времени и самими заинтересованными классами, и социальными противниками физиократов. Этим же об'ясняется успех доктрины в хозяйственно-отсталых, земледельческих странах восточной Европы, живших экспортом хлеба на мировой рынок.

Физиократы игнорируют категорию прибыли у фермеров. Вещь недопустимая с точки зрения и буржуазной, и марксистской экономики. Автор спешит записать это в пассив физиократической теории. Затем промышленники выступают у физиократов в виде ремесленников, не делающих никаких затрат на основной капитал и на наем рабочих. В чем тут дело? Автор не об'ясняет этого.

Но на стр. 98 он указывает, что «физиократы представляют себе промышленника в виде ремесленника, который зарабатывает себе на «пропитание». Не тут ли путь для раз'яснения многих «ошибок» физиократов, над мыслью которых тяготеют категории ремесленного, полуцехового, патриархального производства, уже в то время переживающего внутренний кризис в своей организации? Но физиократы не чуют этих новых сдвигов; так же, как Смит, они не улавливают грандиозных перемен в промышленности, стоящих на пороге. Нет ничего удивительного, что «промышленная прибыль ими игнорируется, либо рассматривается как средства существования промышленника и, таким образом, включается в сумму издержек производства». (Стр. 98.)

Теоретическая мысль физиократов имела свою судьбу. Кратко говорит о ней автор в последней главе своей книги («Теоретическое наследие физиократов»). Влияние физиократизма сказывается еще в работе классиков — Уэста. Рикардо и Мальтуса; к сороковым годам XIX века он был основательно забыт. Заслуга научного возрождения физиократов принадлежит К. Марксу, который первый указал на их значение в развитии теоретической экономии.

И. И. Рубин. Классики политической экономии от XVII до середины XIX веков. **Сборник извлечений из сочинений экономистов, с пояснительными** статьями. Госуд. Издательство. Москва-Ленинград 1926. Стр. VIII+516.

Сборник И. И. Рубина — типичная хрестоматия наших дней, составленная наспех, плохо проредактированная и построенная по стереотипному шаблону всех работ подобного рода. Хрестоматиям по политической экономии особенно повезло в этом отношении; их стремительное производство вызвало кое-где вполне обоснованную тревогу. Составление хорошей хрестоматии по истории экономических идей — дело весьма и весьма нелегкое. Последнее сознает, повидимому, и сам автор, говоря в одном из своих очерков, что «выбор из такого большого числа экономистов (в данном случае дело идет только о меркантилистах) нескольких важнейших является делом весьма трудным и вызывающим сомнения». Сборник Рубина продолжает и теперь вызывать «сомнения» относительно целесообразности выбранного им плана как с точки зрения методологической, так и с точки зрения просто методико-педагогической.

Что дает хрестоматия Рубина нового в смысле новизны содержания и свежести преподнесенных текстов сравнительно с другими сборниками подобного рода? В отделе «Меркантилизм и его разложение» мы находим четыре главы из книги знаменитого Томаса Мэна, «Сокровища Англии во внешней торговле», и два отрывка из памфлета Дедлей Норса «Рассуждение о торговле». Первый текст, как обнаруживается при сличении, заимствован из немецкого перевода трактата Мэна, сделанного Рудольфом Биахом (Leipzig 1911), а второй — из хрестоматии по отдельным проблемам политической экономии, издаваемой Карлом Дилем и Момбертом. (Ausgewählte Lesestücke zum Studium der Politischen Oekonomie, hrsg. von K. Diehl und P. Mombert. 9. Band. Karlsruhe 1914.) Насколько приходится быть осмотрительным в деле воспроизведения текстов, показывает одно любопытное место в сборнике Рубина. На странице 30-й сборника мы читаем: «И так как гораздо больше имеется людей, занимающихся ремеслами, чем владеющих землей, то мы должны тем тщательнее поддерживать стремление той части народа, которая составляет силу и богатство страны». Выходит, что здесь противопоставляются интересы ремесленников, с одной стороны, и «владеющих землей» — с другой; при чем ремесленников оказывается значительно больше, чем «владеющих землей»; посему автор и призывает правительство покровительствовать первым в ущерб последним. Загадочный нонсенс и неопределенность фразы сразу же обращают на себя внимание. По сличении она представляет почти буквальный перевод соответствующего места из издания доктора Биаха: «... da die Handwerker einen grösseren Teil der Bevölkerung bilden als die Grundbesitzer, müssen wir hauptsächlich das Interesse der grossen Menge im Auge

behalten...» (p. 120). Между тем Мэн в данном случае противопоставляет интересы ремесленников не землевладельцам и не «владельцам землей», как в русском переводе, а владельцам сырья, сырьевых продуктов, эксплоатирующим ремесленников при помощи своих монопольных прав. «Masters of the Fruits» оригинала переводится как Grundbesitzer, что совершенно не вяжется со всем контекстом. (Ср. англ. изд. 1713, стр. 13.)

Из Вильяма Петти даны два отрывка. Первый из 4-ой главы «Трактата о налогах и обложении»; второй — из 9-ой главы «Политической анатомии Ирландии». Оба отрывка появились на русском языке в приложении к брошюре Е. Слуцкого, «Сэр Вильям Петти». Киев 1914, в более точном переводе, чем в настоящем сборнике. Составитель хрестоматии обошел молчанием блестящий памфлет Петти, «Кое-что относительно денег» (Quantulumcumque concerning Money), цитированный Марксом, между тем он имеется в хорошем русском переводе, сделанном Л. Я. Эвентовым. («Воинствующий Материалист», кн. IV, стр. 130—148.)

Тексты Давида Юма заимствованы из V выпуска солдатенковской «Библиотеки Экономистов», в переводе М. О. Гершензона, при чем дан опыт о деньгах и торговом балансе. Тексты солдатенковской «Библиотеки» особенно усердно использованы составителем. Здесь заимствованы «Общие принципы экономической политики земледельческого государства» Франсуа Кепэ, отрывки из «Опыта о законе народонаселения» Мальтуса, из «Трактата Политической Экономии» Сэя, «Новых начал Политической Экономии» Сисмонди, из Джона-Стюарта Милля. Перевод профессора Миклашевского «Размышлений о создании и распределении богатств» дал материал для текстов по вопросу о прибыли и капитале (параграфы 57—72) у Тюрго. Отдельные места из 1-ой книги «Богатства народов» Адама Смита в переводе М. Щепкина и А. Кауфмана (изд. 2-ое, 1907 года). Наконец, текст «Принципов» Рикардо заимствован из перевода Рязанова (изд. 1908 года).

Впервые появляется по-русски отрывок из «Исследования о распределении богатства» рикардианца с социалистическими устремлениями, Вильяма Томсона, имеющийся и на немецком языке.

Нельзя не признать удачным снабжение отдельных разделов сборника вводными очерками, составленными, за немногими исключениями, самим автором. Им привлечены отрывки из экономических работ некоторых современных экономистов и писателей по общественным вопросам; здесь необходимо отметить В. Либкнехта, Н. Зибера, М. Туган-Барановского, Р. Люксембург, Шумпетера, Розенберга, Кулишера и др. Очерки самого автора не ставят себе исследовательских задач; не претендуя на оригинальность, они удачно, хотя и не всегда полно, раз'ясняют те блестящие оценки отдельных экономистов и их построений, которые мы находим в изобилии в «Теориях прибавочной ценности» Маркса и в «Анти-Дюринге» Энгельса.

К сборнику приложены краткие библиографические указания на четырех страничках.

IV. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

Olgiati, Francesco. Carlo Marx. Con prefazione di Fr. Agostino Gemelli O. F. M. Terza edizione. Milano 1922, pp. XXIII+360.

Ольджати, Франческо. Карл Маркс. С предисловием А. Джемелли. Третье издание. Милан 1922. Стр. XXIII+360.

Метод, каким работает г. Ольджати, заключается в следующем. Он компилирует по ходовым в Италии книжкам о Марксе и переписке последнего, картину жизни Маркса, стремясь создать у читателя впечатление «об'ективности» и «беспристрастности». Затем автор использует это впечатление для своей цели, беря

из множества фактов жизни Маркса и оценки людей, данных им, такие, которые, будучи вырваны из общего контекста жизненных условий и снабжены соответственным гарниром восклицаний и недоумений, должны создать на фоне видимой об'ективности автора яркое представление о Марксе, как о личности богато одаренной отрицательными качествами и часто достойной сожаления и улыбочки г. Ольджати. Так, очень старательно и много раз г. Ольджати исследует денежные дела Маркса, чтобы показать привязанность его к благам мира сего. Маркс, видите ли, непрестанно и настойчиво обращается к Энгельсу с просьбами о денежной помощи, втирается из материальных расчетов в дружбу к Гейне, тщательно заботится о материальном благополучии своих дочерей, посещает с ними аристократические балы, чтобы вращаться среди представителей придворных сфер, ненавидит Италию, сочувствует пруссакам (в австро-прусской войне), делает краниометрические измерения тех, кто претендует на дружбу с ним, игнорирует и презирает рабочих, и т. д. и т. д. Если бы все эти и подобные им черточки г. Ольджати соединил в сжатую характеристику, получилась бы столь очевидная и грубая карикатура, что вряд ли кто ей поверил бы даже в легковерных читающих кругах Италии. Поэтому автор рассыпает эти, ударные для него, моменты на нескольких сотнях страниц, надеясь, что в этом случае он не только останется безнаказанным, но и будет увенчан лаврами.

Г-н Ольджати крайне остерегается высказывать свои собственные точки зрения по теоретическим вопросам марксизма и решительно предпочитает цитировать для его опровержения других авторов — Лория, Катрейна и ряд второстепенных и третьестепенных итальянских писателей. Вот образец его глубокомысленной критики: «По Марксу, все орудия производства... будут социализированы; наоборот, на продукты потребления будет существовать еще частная собственность. Легкое в теории и необычайно трудное на практике различие, и Леруа-Болье в своем труде о «Коллективизме» показал, что большую часть вещей можно причислять то к производительным благам, то к благам потребления, например...» и т. д. (Стр. 322 — 323). Только в последней главе Ольджати разрешает себе некоторые собственные критические замечания и вопросы: «Кто будет (при установлении социалистического строя) предназначать данного человека к работе над землей или к промышленности, к годному делу или к тому, чтобы стать швейцаром? Будет ли предоставлен выбор личному капризу? Не окажется ли вероятным тогда, что никто не захочет работать в тяжелых промыслах?.. И затем, во второй стадии коммунистического общества, когда каждому будет даваться по его потребностям, не создадим ли мы вместо камер труда — камеры ничегонеделанья... Никто в Милане не захочет жить на Via Scaldasale, все будут стремиться получить квартиру в Palazzo Reale. Что тогда делать?..» (Стр. 323 — 324.) Дальше этих пошлостей проникновение нашего автора не идет.

Рассуждения г. Ольджати о материалистическом понимании истории сводятся к выявлению разницы в понимании его у ряда других авторов, начиная от Бебеля и кончая... Ж. Сорелем. Не принимая боя по существу вопроса, автор уклоняется и от рассмотрения проблемы о материалистическом понимании религии, а уж казалось бы здесь, в книге, выпускаемой «Библиотекой религиозной культуры», это более чем уместно. И вряд ли может удовлетворить читателя, вместо критики вопроса по существу, скромное замечание, что точка зрения Маркса на религию «заслуживает не обсуждения, а самое большое — сожаления». (Стр. 347.)

Скромность г. Ольджати в высказывании собственных суждений делается понятной, когда мы видим такие попытки вступить на этот путь: «Карл Маркс понимал действительность материалистически, не как инертную, приводимую в движение механически материю, но как материю, являющуюся активностью, действием и потому историей. К такому абсурду не приходил потом ни один философ; материя, являющаяся активностью, есть нечто, подобное квадратному кругу» и т. д. (Стр. 345.)

Книга заканчивается сравнением Маркса с... Христом. Параллель эта, написанная в фельетонном стиле и с дешевым пафосом, будучи мало убедительной по существу, вряд ли дает право заключить и об искренности и глубине христианских чувств сотрудника «Библиотеки религиозной культуры».

А. Пригожин. Гракх Бабёф. Изд. Коммунистического Университета им. Свердлова. Москва 1925. Стр. 226. Ц. 1 р. 35 к.

В основу этой книги положен доклад под тем же названием, прочитанный автором в семинарии В. П. Волгина по истории социализма в Институте красной профессуры. Тов. Пригожин дает обстоятельное изложение биографии Бабёфа и сосредоточивает главное внимание на идейном развитии великого революционера от юношеских увлечений утопическими проектами преобразования общественного устройства (в эпоху переписки с Дюбуа Фоссе), через стадию «аграрного закона» и радикального якобинства, к коммунистическому мировоззрению последнего периода; подробно изложен «Заговор Равных» и условия его крушения; в последней главе дана социально-политическая философия бабувизма и очерчены конкретные условия предполагавшегося бабувистского переворота, чрезвычайно интересные для исследователя воззрений на «переходный период» социальной революции. В приложении перепечатаны выдержки из произведений Бабёфа и его последователей.

Автором использован обширный и до него мало разработанный материал; нужно отметить, что имеющиеся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, а также в Британском Музее первоисточники Пригожиным, вопреки указанию его в предисловии, почти не затронуты. Что касается существа его работы, то в ней имеется ряд крупнейших недочетов. Прежде всего в ней нет анализа связи между воззрениями Бабёфа и идеологией его времени. Автор показывает зависимость построений Бабёфа от Морелли и Мабли, но ведь литературную деятельность Бабёфа отделяет от времени, когда вышли главные произведения Морелли и Мабли, громадный период, который, — особенно же годы перед 1789-м и годы революции, — вовсе нельзя считать пустым местом для истории идей. Между тем т. Пригожин не делает никакой попытки установить взаимоотношение между взглядами Бабёфа, с одной стороны, и идеологическими течениями революции — с другой, а особенно связь его воззрений с коммунистическими и социалистическими построениями его времени (Ланж, Доливье, Буассель и др.). Тов. Пригожин оставляет также в стороне и следующий вопрос большой важности. Когда Бабёфа арестовали в феврале 1795 года, он был крайним якобинцем и сторонником аграрного закона, а выпущенный из тюрьмы в октябре этого же года, он является уже законченным коммунистом с детально развитой и обоснованной доктриной и широко проработанными тактическими воззрениями.

Как и под чьим влиянием произошел такой колоссальный сдвиг, — этого вопроса т. Пригожин не ставит.

Из Введения читатель узнает, что «мертвую схему идеального общества... Бабёф заменил живой схемой п р о л е т а р с к о й организации; абстрактной теории достижения «всеобщего счастья» он противопоставил т а к т и к у п р о л е т а р с к о й п а р т и и». А там, где автор рассуждает о социальной природе бабувизма (стр. 163), читатель узнает, что последний не был идеологией рабочего класса по той простой причине, что и самого рабочего класса еще не было. Схема пролетарской организации и тактика пролетарской партии, по мнению т. Пригожина, возникли у идеологов «мелко-буржуазной бедноты». Коммунизм бабувистов был «чисто аграрным коммунизмом», заявляет автор, не давая этому положению достаточного обоснования, и в следующей же фразе утверждает, что основными кадрами последователей бабувизма должны были оказаться мелкие лавочники и торговцы! Это странное сочетание схемы пролетарской организации и тактики пролетарской партии (при отсутствии пролетариата) с чисто аграрным коммунизмом мелких лавочников и торговцев — свидетельствует, что преодолеть

действительно значительные трудности анализа социальной природы бабувизма т. Пригожину не удалось.

Несмотря на все недочеты, книга т. Пригожина, при чрезвычайной бедности литературы по истории Бабёфа и «Заговора Равных», может быть полезна. Она написана в общем простым, ясным и правильным языком. Можно пожалеть, что автор обычно не отмечает, чьими русскими переводами текстов Бабёфа он пользуется.

Willy Spühler, D-r. Der Saint-Simonismus. Lehre und Leben von Saint-Amand Bazard. «Züricher volkswirtschaftliche Forschungen», hrsgb. von Prof. Dr. M. Saitzew. Zürich 1926.

Вилли Шпюлер, Д-р. Сен-симонизм. Жизнь и учение Сент-Аман Базара. Цюрих 1926.

Базар — один из самых крупных и самых интересных представителей французского социализма первой половины XIX века. Сейчас вряд ли возможны сомнения в том, что Базар является главным творцом «сен-симонистской» системы в том ее варианте, который нашел свое выражение в «Exposition de la doctrine». Поскольку «Exposition» является отнюдь не простым изложением идей Сен-Симона, поскольку в этой книге мы находим совершенно новую принципиальную постановку ряда социальных проблем, — право Базара на внимание историка можно считать бесспорным. Ведь именно «Exposition» содействовала в наибольшей степени распространению идей сен-симонизма в 30-х и 40-х гг., и в этой форме воспринимался «сен-симонизм» большинством его адептов в других странах. Но имя Базара было долго заслонено именем гениального основателя школы. Только этим и можно об'яснить тот факт, что первая обстоятельная работа об этом оригинальном мыслителе появилась почти сто лет спустя после его смерти.

Книга Шпюлера — добросовестная книга. Она дает связное и в общем правильное изложение учения Базара. Шпюлер верно намечает как те пункты, в которых Базар, с его систематическим умом, лишь приводит в логический порядок разбросанные идеи Сен-Симона, так и те, в которых Базар является совершенно самостоятельным. Не плохо обрисованы также основные разногласия между Базаром и той частью школы, которая пошла при расколе за Анфантэном. Несомненно, что Базару принадлежит честь разработки сен-симоновского наследия в области философии истории. Несомненно, что Базар придал «сен-симонизму» черты социалистической системы.

Несмотря на это, работа Шпюлера, нужная и полезная, оставляет читателя не вполне удовлетворенным. Многие интересные проблемы затронуты в ней лишь слегка; многое остается слабо аргументированным.

Основным источником для Шпюлера служит, конечно, «Exposition». К сожалению, другие работы Базара, в частности его статьи в «Producteur», не подвергнуты достаточному анализу. Было совершенно необходимо это сделать, сопоставив статьи Базара со статьями других сотрудников, — и только тогда можно было бы считать вполне доказанными два основных положения Шпюлера: что в эпоху «Producteur'а» у сен-симонистов не было еще выработано вполне единообразной системы и что главная честь ее выработки принадлежит Базару.

Сен-симонизм «Exposition» вырабатывался постепенно и складывался под известными идеологическими влияниями. Эти влияния совершенно не выяснены Шпюлером. Он проводит параллели, — методологически бесплодные, — между «Exposition» и современным прагматизмом. Было бы гораздо более полезно остановиться, например, на вопросе о сен-симонизме и немецкой классической философии, о возможных путях воздействия последней на школу Сен-Симона. Точно так же недостаточно обследовано Шпюлером влияние идей Базара на следующие поколения социалистических мыслителей. Здесь мы имеем ряд беглых указаний. Между тем, вопрос о зависимости от сен-симонизма Луи Блана, Пеккера, Лассаля, Родбертуса и других заслуживает тщательной разработки.

Наконец, не додумана до конца Шпюлером и проблема социального генезиса сен-симонистского учения. Как и почему из идей Сен-Симона, — по существу не выводящих нас из рамок буржуазного общества, — выросла социалистическая система «Exposition»? Этот вопрос остается в книге Шпюлера без ответа.

Книга Шпюлера — шаг вперед в изучении Базара. Но тема им далеко не исчерпана. Настоящей монографии о Базаре ему написать не удалось. Надо думать, что при оживлении интереса к истории социализма мы ее все же дождемся.

Луи Блан. Организация труда. Изд. Ленингр. Губпрофсовета. Ленинград 1926.

В своем предисловии к рассматриваемой книге Э. Эссен доказывает целесообразность издания русского перевода «Организации труда», несмотря на отрицательную оценку Луи Блана в марксистской литературе. Думается, что его аргументация бесспорна. Мы должны знакомиться с прошлым независимо от того, нравится оно нам или не нравится. Луи Блан нам конечно не нравится. Луи Блан, конечно, предок современных соглашателей. Но из истории социализма эту страницу не вырвешь: изучение ее, — и притом изучение по источникам, — необходимо не только историку-специалисту, но и просто грамотному марксисту как раз в целях более успешной борьбы с соглашательством.

Если, таким образом, русское издание книги Луи Блана можно только приветствовать, то приходится протестовать против того, как она издана. «Организация труда» — исторический документ. Ее и надо было издать, как таковой, с надлежащим историческим введением и с примечаниями, не говоря уже о точной передаче текста. Иначе издание утрачивает больше половины своей ценности. Издание Ленинградского Губпрофсовета не отвечает ни одному из указанных требований. Перевод сделан, по словам редактора, с 4-го французского издания 1845 года. Хотя издания 1847—1850 гг. много полнее, однако против этого выбора возражать особенно не приходится, — тем более, что он был, вероятно, вызван внешними условиями. Но читатель, который подумает, что 4-е издание «Организации труда» дано ему полностью, будет введен в заблуждение. В русском переводе дано менее половины 4-го издания: пропущена полемическая часть брошюры: «Réponse à diverses objections», в которой не мало интересного; пропущена весьма характерная для Луи Блана вторая часть, — о литературной собственности. Наконец, что уже совсем непонятно, пропущено резюме Луи Блана к той части, которая дана в русском переводе. Неужели это сделано только для того, чтобы уложиться во что бы то ни стало на 80 страницах?

Можно допустить, что купюры вызваны требованием издательства. Если редактор счел возможным пойти на это, чтобы спасти книгу, — надо было сделанные пропуски оговорить в предисловии. Нельзя с таким пренебрежением относиться к читателю, который, конечно, не будет сличать перевод с оригиналом.

Предисловие, данное редактором, явно недостаточно. Для правильного понимания Луи Блана здесь нужна обстоятельная характеристика социальной обстановки 40-х годов и французской социалистической мысли того же периода. Рядовой читатель нуждается кроме того в об'яснении многочисленных исторических терминов и собственных имен, разбросанных в книге. Переводчик был слишком скуп на примечания. В итоге получилась книга, которая может быть полезна для широких масс читателей только при дополнительных комментариях руководителя. А это, — для такой книги, как «Организация труда», — надо признать большим дефектом.

А. А. Иоффе. (В. Крымский). Последний утопист (Поппер-Линкеус). Гиз. Москва-Ленинград. 1926.

Имя Поппера-Линкеуса мало известно у нас. Этот плодовитый писатель, изобретатель и социал-реформатор, строивший утопические планы преобразова-

ния современного политического общества, родившийся в 1838 году в Бельгии, дожил до наших дней (умер в 1921 г.). На фоне нашего Октября, победоносной пролетарской диктатуры и всемирного социального катаклизма он кажется просто каким-то чудаком, по насмешливой иронии судьбы лепечущим свои странные идеи, давно отжившие и сданные в сорный ящик истории.

Тов. Иоффе взял на себя неблагодарную задачу познакомить русскую читающую публику с этим утопистом-чудаком. Автор справился удачно со своей задачей: в небольшой книжке он дал нам биографию Линкеуса, очертил его изобретательскую деятельность, выяснил идеологические влияния, способствовавшие образованию эклектического миросозерцания Поппера-Линкеуса, и критически изложил его учение.

Вот как излагает т. Иоффе «социальную программу» Поппера-Линкеуса: «Введение института «всеобщей питательной повинности», т.-е. учреждение «армии питания», которая производит все то, что является необходимым минимумом, обеспечивающим здоровье и приятное существование людей, а если возможно, то и кое-что сверх этого минимума, и распределение этого минимума между всеми гражданами (без каких бы то ни было ограничений) с момента рождения гражданина и до самой смерти его. Распределение этого минимума должно производиться не в денежной форме, а натурой, т.-е. предметами широкого потребления, питания, одеждой и т. п. Все остальное, что выходит за пределы необходимого, по программе Поппера, входит в область свободного частно-владельческого хозяйства, в котором каждый гражданин, после обязательного срока отбытия повинности в «армии питания», может по собственному желанию принимать или не принимать участия».

Таким образом наш чудак сохранял частно-владельческое хозяйство и мыслил себе такой строй, в котором на-ряду с «социализмом» существует капитализм со свободной конкуренцией и товарно-денежным обращением. Сама по себе эта мысль представляет известный интерес, особенно, если принять во внимание, что в первой в мире пролетарской республике сосуществование нескольких форм хозяйства — факт и что для переходной эпохи от диктатуры пролетариата до уничтожения классов такое диалектическое сосуществование является, очевидно, законом. Но дело в том, что для Поппера сохранение частно-владельческого хозяйства является не переходным состоянием, а вечной необходимостью, без которой он не мыслит себе будущего общества, а главное, не представляет себе возможности накопления.

Доказательству этой «идейки» Поппер посвящает «важнейший свой труд, толстейшую книгу в несколько сот страниц», под названием «Всеобщая питательная повинность, как разрешение социального вопроса» (Die allgemeine Nährpflicht als Lösung der sozialen Frage).

Для характеристики чудачеств «последнего утописта» приведем здесь глубокомысленное рассуждение Линкеуса по вопросу о «войне и мире». Вот как «разрешает» эту величайшую проблему наших дней наш чудак: всеобщая воинская повинность заменяется у него «добровольчеством» довольно странного свойства, так как Поппер требует, чтобы все мужчины, годные к военной службе, вступали в армию милиционную или кадровую — в целях обучения военному делу. Но это еще не все: при разрешении вопроса о войне Поппер требует, чтобы «каждый сам за себя решал», желает ли он воевать или нет, ибо «именно он рискует своей шкурой». В формулировке нашего утописта «разрешение» проблемы войны и мира звучит так: «все способные к военной службе обязаны служить в войсках, но никто не обязан воевать». Наш странный социал-реформатор упускает из виду один пустячок: современный империализм с его государственной и военной машиной, классовый характер войн и т. п. «мелочи». Тов. Иоффе справедливо замечает: «Не только в капиталистическую эпоху, но и в период диктатуры пролетариата, — до тех пор, пока существует государство, — интересы личности должны быть (и будут — прибавим от себя) подчинены интересам обще-

ства. Пока есть государство, не может «каждый решать за себя», но в делах общественных само государство должно и всегда будет решать за всех и за каждого».

Мы проходим мимо остальных чудачеств Поппера-Линкеуса. Он, конечно, отвергает всякую революционную борьбу и полагает, что «жареные рябчики» его странного «социализма» сами собой полетят в рот бедным. Его толстые книги, в которых он, конечно, полемизирует, главным образом, с Марксом, по словам т. Иоффе, «не находили широкого массового распространения. С другой стороны, тот факт, что его, Поппера-Линкеуса, теория почти не известна за пределами Австрии, тоже показывает, что он не пользовался достаточной популярностью». Сам. т. Иоффе вполне разумно об'ясняет это обстоятельство тем, что современный пролетариат знает свою дорогу — по стопам Маркса и Ленина.

Книжка т. Иоффе об этом «последнем утописте» лишний раз убеждает нас в том, что на «восковых крыльях Икара» не полетишь к солнцу, что путь социальной революции есть единственный путь к социализму и что в настоящее время «социалистические» утопии являются просто ничего не значащими чудачествами.

V. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

а) Общие работы и исторические журналы.

Историк-марксист. Трехмесячный журнал Общества историков-марксистов при Коммунистической Академии. Изд. Комм. Академии. 1926. Т. I. Стр. 327. Ц. 3 руб.

Как указано в помещенном в журнале обзоре деятельности Общества историков-марксистов, «Общество считает своей задачей заполнить пробел в нашей исторической журнальной литературе и дать журнал русской исторической мысли... Научно-исследовательские статьи многих историков-марксистов часто разбросаны в различных журналах, что, конечно, в значительной мере об'ясняется отсутствием исторического журнала, занимающегося, кроме собирания документов и материалов, еще вопросами исследования и методологии истории. Этот пробел и должен заполнить журнал «Историк-марксист».

В проспекте журнала указывается, что «журнал ставит своей целью научную разработку вопросов исторического знания как в области конкретной истории и ее методологии, так и методики преподавания исторических дисциплин. Одновременно с этим одной из первоочередных задач журнала является борьба с буржуазной исторической мыслью во всех ее разновидностях, а также и с искажением и вульгаризацией исторического метода Маркса и Ленина».

Журнал открывается статьей М. Н. Покровского, «Задачи Общества историков-марксистов». Автор указывает здесь, что «исторический материализм наших дней есть нечто гораздо более тонкое и сложное, нежели исторический материализм даже 1917 года, не говоря уже 1897 года. Судьбы исторического материализма в России представляют собой блестящий образчик исторической диалектики», и автор в дальнейшем дает обзор главнейших этапов в развитии историко-материалистической мысли в России.

Тов. Покровский останавливается на тех пережитках прошлого, которые еще и теперь приходится преодолевать марксистам-историкам. «Двух вещей нехватало нам для того, чтобы наш исторический материализм не только отражал на себе пламенное дыхание революции, но и стоял на высоте требований этой последней: во-первых, продолжала по-старинке недооцениваться творческая роль м а с с... Другую историческую извилину исправлять труднее — ибо нам не малых усилий стоило этот вывих получить, так как то была профессиональная уродливость, в известной стадии развития нашего ремесла очень для нас полезная. Я говорю об э к о н о м и ч е с к о м м а т е р и а л и з м е»...

«Историческая (экономическая) статистика сама по себе нужна и необходима, но заменять ею историю совсем не годится. Никогда не надо забывать слов

Маркса и Энгельса, — они оба неоднократно на этом настаивают, — что... делают историю все-таки живые люди, которые непосредственно могут руководиться и не экономическими мотивами».

В качестве примера «экономического» материализма т. Покровский приводит оценку, даваемую нашими меньшевиками Октябрьской революции, приводя и ответ на нее, данный в свое время т. Лениным: «Решающего в марксизме они совершенно не поняли, именно его революционной диалектики». Статья заканчивается пожеланием, чтобы члены Общества оказались не только историками-марксистами, но и историками-ленинцами.

Истории Западной Европы посвящены следующие статьи журнала: Вайнштейн, «Парижская Коммуна и Французский Банк»; Фридлянд, «Классовая борьба в июне — июле 1793 года», Добролюбский, «Термидорианская реакция».

Статья т. Фридлянда ставит много интересных вопросов, но выдвигаемые здесь решения дают большой материал для дискуссии. Ввиду того, что статья еще не закончена, удобнее дать ее разбор после того, как появится в печати ее окончание. Статья одесского историка т. Вайнштейна впервые с большой подробностью разбирает вопрос об отношении Коммуны к Французскому Банку, привлекая к его освещению значительный материал, не вносящий, однако, ничего существенно нового в наши представления по этому вопросу. То же следует сказать и о статье другого одесского историка, т. Добролюбского, впервые с большой обстоятельностью использовавшего сообщения немцев-очевидцев о событиях 1795 года, корреспондировавших в издававшийся в Альтоне интересный журнал: «Frankreich im Jahre 1795. Aus den Briefen deutscher Männer in Paris».

Кроме указанных имеются еще статьи: Файзулла-Ходжаева, «О младо-бухарцах»; Павловича, «Революция 1905 года и Восток»; Нечкиной, «Общество соединенных славян»; в отделе «Материалов» напечатаны письма «Из архива декабриста В. Л. Давыдова» (с комментариями Пиксанова).

В журнале имеются отделы: «Доклады в Обществе историков-марксистов» (стенограммы докладов и прений по ним: Горин, «Чем же были Советы Рабочих Депутатов в 1905 году?»; Черномордик, «Декабрьское вооруженное восстание»; Дубровский С., «Крестьянство в революции 1905 года»), «Преподавание истории» (доклад т. Фридлянда об исследовательском методе в преподавании истории). «Библиография» (Обзор литературы. — Обзор исторических журналов. — Рецензии) и «Хроника».

По первой книжке трудно пока судить, в какой мере журнал выполнит поставленную ему задачу быть центром русской исторической мысли в выдержанном марксистско-ленинском направлении, быть боевым органом, борющимся с буржуазной исторической мыслью во всех ее разновидностях. Подбор помещенных в первой книжке статей носит случайный характер, не отражая пока планомерной научно-исследовательской работы самого Общества историков-марксистов. Отдел «Библиографии» представлен в первой книжке довольно бедно; самый подбор обзоров и рецензий также носит довольно случайный характер. Повидимому, редакция не уделяет этому отделу того внимания, которое он, несомненно, заслуживал бы.

«Группа Освобождение Труда». (Из архива Г. Плеханова, В. Засулич и Л. Дейча.) Сборник № 5. Госиздат. Москва 1926. Стр. 333.

В краткой заметке нет возможности подвергнуть обозрению весь разнообразный и пестрый материал пятого сборника «Группа Освобождение Труда». Если же останавливаться на основном, то прежде всего необходимо, конечно, отметить то, что написано Г. Плехановым: его письма к Каутскому и в особенности «Предисловие к пятому изданию книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Это, несомненно, один из тех документов литературного наследия Плеханова, которые, единственно, оправдывают издание сборников, ибо прочий материал их далеко не всегда имеет общественное и историческое значение.

Предисловие к пятому изданию «Монистического взгляда» — классической марксистской работы — заслуживает внимание каждого историка марксизма, каждого, кому дороги его теоретические основы. В известном смысле предисловие это является трагическим документом. Тщетно в нем было бы искать дальнейшего развития и углубления идей «Монистического взгляда». Написанное в 1917 году, оно полностью показывает нам Плеханова той эпохи.

Отказ от всех решительно теоретических основ революционного марксизма — вот дух только что опубликованного предисловия.

Вспоминая об обстоятельствах полемики марксистов с народниками, Плеханов, по существу, отказывается от своего великого прошлого. Он не видит модифицированного «продолжения» старой ситуации в 1917 году и призывает к об'единению усилий марксистов с усилиями народников. Те, кого он весьма прозрачно называет «рьяными марксистами», для него лишь бестолковые камчадалы из марксистского класса.

Плеханов, суждения которого о классовой борьбе едва ли не легли в основу русского марксизма, на страницах «Предисловия» толкует об общих интересах рабочего класса с классом господствующим. Базируясь на том, что «быстрый рост капитала задерживается в данной стране конкуренцией других капиталистических стран», Плеханов заключает, что «устранение этой конкуренции тоже лежит в интересах не только предпринимателей, но и рабочих». В переводе на язык конкретной практики это означало оправдание патриотизма и шовинизма в рабочих кругах, оправдание колониальной политики капиталистических держав.

Плеханов так и пишет: «Выходит, что для рабочего класса данной страны вовсе не безразлично, приобретает ли она новые колонии, заключает ли она выгодные договоры и т. д... Все это совершенно понятно с точки зрения теории Маркса...».

Встречающиеся два раза в последней цитате многоточия поставлены не Г. Плехановым: они сознательно поставлены редакцией сборников, которая в примечании сообщает: «Показавшиеся нам необходимыми теперь незначительные пропуски мы обозначали многоточиями». К чему это? Почему мы не имеем права знать всего Плеханова со всеми его великими сторонами и со всеми его слабыми, отрицательными сторонами, ошибками и заблуждениями? Если редакция несогласна с мыслями Плеханова, высказанными в «Предисловии», нужно сказать об этом во вступительной заметке, какими в прежних четырех сборниках снабжались рукописи Плеханова, — во вступительной заметке, имеющей хотя бы исторический характер. Однако этого нет, а стоят многоточия.

То обращение, которое имеет место у редакции в отношении литературного наследия Плеханова и которое облечено в формы пиэтета, никак нельзя назвать достойным обращением ни с Плехановым, ни с читателем. Например, автор обзора «Вокруг Плеханова (плехановская литература за 1924 год)», С. Я. Вольфсон, называет «ходячей легендой» то, что Плеханов недооценивал роли крестьянства в революции. Он считает «далеким от исторической правды рассечение деятельности Плеханова на два периода» (речь идет об отношении к войне). «Здесь мы сталкиваемся, — продолжает С. Я. Вольфсон, — с шаблонным, далеким от действительности упрощением...». Опять многоточие, на этот раз, надо думать, сознательно поставленное автором. Что это за обращение с современным читателем? — следует снова спросить. Намеки, замалчивания, и только! Память Плеханова требует, чтобы с его литературным наследием, равно как и с его исторической деятельностью, обращались прямо, открыто и об'ективно, применяя к этому славному представителю диалектического материализма этот же самый метод.

Из других материалов пятого сборника следует отметить переписку К. Каутского с Г. Плехановым и письма В. Засулич к Плеханову. Будем ждать скорейшего опубликования литературного наследия Плеханова, всех тех материалов

из него, которые, вопреки об'ективной целесообразности помещения их в заканчивающемся печатанием Собрании сочинений, предварительно пропускаются гомеопатическими дозами, гомеопатически же разбавленными, в сборниках «Группа Освобождение Труда».

А. Олар. Русское влияние в изучении французской революции. **«Голос Минувшего на чужой стороне». 1926, № 1.**

№ 1 «Голоса Минувшего на чужой стороне» (изд. под редакцией С. Мельгунова и В. Мякотина в Париже) открывается небольшой статейкой А. Олара: «Русское влияние в изучении французской революции». Эта статейка любопытна во всех отношениях. Приведем несколько выдержек, говорящих сами за себя:

«Я хотел бы сказать, — пишет А. Олар, — что русские историки своими работами по французской революции сильно способствовали тому, что мы все переменили точку зрения на изучение этого периода нашей истории, — периода, интересующего все человечество.

К какой бы партии мы ни принадлежали, приходится признать, что инициатива исходит главным образом от социалистов и в особенности от Карла Маркса»...

«Верно то, что до социализма экономические реальности не занимали в истории того места, которое им принадлежит или принадлежало в действительной истории общества. Да, вся наша историческая школа, может быть не отдавая себе в этом отчета, эволюционировала под влиянием социализма вообще и Карла Маркса в особенности»...

«Самыми усердными и наиболее способными из работавших над этой переменой были русские историки»...

«Без русских мы бы не пустились так быстро и так смело в исследование экономического substratum французского общества XVIII века. Они были нашими сотрудниками и руководителями. Без них история французской революции не была бы сейчас тем, что она есть»...

«Сколько фраз ходит о русской душе, столь мечтательной, беспечной, — столь неспособной к точности!».

«Как раз, напротив, Россия-то и дала самый блестящий и цельный пример точности и реалистической активности в отношении истории революции, пример воли в любознательности и честности в методе».

Таким образом, А. Олар, которого нельзя, как известно, упрекнуть в симпатиях к российской пролетарской революции и коммунизму, вследствие чего он и приглашен на страницы зарубежного «Голоса Минувшего», должен признать:

1. что история стала наукой «благодаря социалистам и в особенности К. Марксу»,

2. что французская историческая школа эволюционировала к науке опять-таки «под влиянием социализма вообще и К. Маркса в особенности»,

3. что распространяемая в наши дни как раз народниками басня о «бедной русской душе», которая «раздвояется», затем «воссоединяется» и потом снова «раздвояется», которой свойственна мечтательность, беспечность и т. п. и которая исключительно вследствие этих своих романтических свойств выносила у себя под сердцем большевизм, — эта басня есть выдумка и не более, чем «легкая, модная формула»;

4. что русские историки, сознательно или бессознательно применявшие точку зрения материалистического понимания истории, многому научили французских историков.

То, что высказал А. Олар, русским марксистам известно давно, но каково выдерживать все это на страницах собственного же журнала «русским народникам» типа С. Мельгунова?

б) Англия и Америка.

Н. Петров. Английский капитализм на заре своего развития (История торгового капитала в Англии). Гиз. 1925. Стр. 60.

Небольшая, старательно сработанная и марксистски выдержанная книжка Н. Петрова основана, к сожалению. на слишком ограниченном материале. Автор пользовался почти исключительно пособиями на русском языке, притом преимущественно пособиями общего характера; а эта литература и скудна, и в значительной части устарела. Поэтому общая картина получается и не совсем ясная, и порой неверная. Изложение тяжеловатое, язык вялый. Книжка может принести известную пользу начинающим, ориентируя их в том материале, который они могут получить от русской литературы по данному вопросу. Книжка издана заботливо, снабжена рисунками, картами, хронологическими таблицами.

В. Лавровский. Аграрный переворот в Англии. Москва Гиз. 1925. Стр. 75. **В. Лавровский,** Промышленный переворот в Англии. Гиз. 1925. Стр. 80. **В. Лавровский,** Английский капитализм во второй половине XIX века, Москва. Гиз. 1925. Стр. 181.

Все эти книжки входят в серию «История в источниках» и представляют пособия для практических занятий, главным образом со студентами вузов. Несомненно, они отвечают весьма назревшей потребности. Сделаны они в общем удовлетворительно и по ним можно работать со студентами. Есть в них и существенные дефекты. Главным из них является недостаточно продуманный и систематический подбор материала. В книжку о промышленном перевороте вошли источники, явно относящиеся к аграрному. Многие весьма существенные общие вопросы (как парламентские огораживания, например) задеты лишь мимоходом, при чем представлены не с наиболее характерной стороны; в то же время много места отведено описанию специфических местных условий. Некоторые из приведенных источников совсем неинтересны, некоторые (как Эд. Бэнс) представляют собственно не источники, а устарелую литературу. У автора пристрастие не к документальным, а к описательным источникам, а к ним надо было бы дать более полный и отчетливый комментарий, чтобы суб'ективные описания и пристрастные парламентские дебаты не увлекли учащегося на сомнительную дорогу. Надо бы лучше раз'яснить термины и собственные имена. Переводы сделаны удовлетворительно (промахи сравнительно редки). Библиографические указания крайне неполны. При нашей скудости эти книжки все же пригодятся при преподавании.

Г. Шлютер. Чартистское движение. **Очерк социальной и политической истории Англии. Перев. с нем. С. и К. Цедербаум. Гиз. Москва. Стр. 398.**

Недостатки труда Шлютера достаточно выяснены критикой (см. статью Ф. Ротштейна в «Архиве Маркса и Энгельса», т. I, стр. 438 — 442). Это в большей своей части компилятивная работа, недостаточно близкая к источникам, недостаточно продуманная и органически спаянная. Но все же это — лучшее и наиболее полное изображение чартистского движения, сделанное притом с марксистской точки зрения. Шлютер разглядел в чартистском движении его социально-революционную сторону из-за затемняющей ее чисто-политической программы, бывшей в значительной мере результатом компромисса с мелко-буржуазными попутчиками. Особенно удался автору обзор идеологии чартизма (глава III: «Чартизм в теории и на практике».) Вводные главы посвящены истории рабочего класса в Англии со времени промышленного переворота, при чем автор особенно подробно останавливается на луддитском движении. Это не лучшие страницы книги. — Перевод вполне удовлетворителен.

П. Броун. Классовая борьба в послевоенной Англии. Изд. Профинтерна, Москва 1926. Стр. 204.

Грандиозные события в Англии наглядно показали всем и каждому, насколько глубок хозяйственный и политический кризис в стране самого могучего и солидного капитализма в Европе. Угольная промышленность Англии оказалась вследствие технической отсталости неспособной конкурировать с угольной промышленностью других стран. В 1924 году добыча угля в Англии равнялась 267 милл. т., а экспорт угля — 82 милл. т. В 1925 году добыча уже достигла лишь 244 милл. т., а экспорт—69 милл. т.; одновременно падает электропромышленность; самая значительная отрасль народного хозяйства — судостроение; в 1924 году оно выразилось в 64 процентах мирового судостроения, в 1925 году всего только в 45 процентах; если ко всему этому прибавить, что пассив внешней торговли растет в течение последних 10 лет, а колонии, из которых Англия выкачивала больше всего сверхприбыли, становятся все независимее хозяйственно и политически, — картина станет ясной. Америка берет верх в Европе, Франция стала индустриальной страной, Германия, несмотря на Версальский мир и план Дауэса, не перестала быть серьезным конкурентом, Восток охвачен революционным брожением, а СССР, несмотря на «ноты», конференции и бряцание оружием, вступил в фазу солидной стабилизации. На этом фоне идеальная страна классовой гармонии и гражданского мира превращается в арену возрастающих классовых битв.

Книга Броуна посвящена этой напряженной борьбе старой умирающей Англии с нарастающим революционным движением. Под этим углом зрения Броун дает живую картину борьбы, правильно характеризуя остатки и пережитки прошлого и описывая, как они ложатся бременем на плечи пролетарских масс, вынужденных самим кризисом выступить в бой против капитализма во имя самосохранения. Тот факт, что автор книги — активный деятель английского рабочего движения, который знает и перипетии борьбы, и вождей движения, придает книге большую живость и интерес.

Особенно хорошо изображен организационный разброд английского рабочего движения в связи с монопольным положением английского капитала, которому удавалось, опираясь на «буржуазный пролетариат», лишать широкое пролетарское движение всякой силы, не давать ему стать на рельсы революционной классовой борьбы.

Ненависть к первому революционному движению — чартизму, преклонение перед умеренным и аккуратным профсоюзным чиновником, стремление удержать организационную лоскутность и идейный разброд — все это характеризует достаточно ярко связь между вождями тред'юнионов и Labour Party, с одной стороны, буржуазным правительством и королевской властью — с другой. Книга Броуна дает десятки примеров самого беззастенчивого преклонения и верноподданничества Макдональдов, Томасов и Сноуденов перед «прошлым», «традицией» и «королевским троном». Черная пятница, нарастание фашизма, последние выборы и кабинет Макдональда, конгресс профсоюзов в Скарборо и Рабочей партии в Ливерпуле, обострение борьбы между революционным и реформистским течением ярко и наглядно вытекают из заострения общего кризиса. Последние события, небывалая революционная сила в массах и открытое предательство вождей, хотя и не затрагиваются, но становятся понятнее после прочтения книги Броуна. Основные недостатки книги в том, что описание заменяет часто анализ или данный анализ недостаточен. Недостаточно проанализирован хозяйственный кризис в Англии и заострение кризиса за последние несколько лет; правильная характеристика левой не дает еще возможности читателю разобраться в формах и характере этой «левизны». Нет анализа идейного разброда, идейных течений, идеологических оттенков, переходов от старого к новому.

Этот процесс высвобождения от влияния устарелой идеологии — процесс затяжной, трудный в такой стране, как Англия, с консервативной традицией и насквозь развращенной долголетними подачками с капиталистического стола верхушкой рабочего движения. Здесь все оттенки интересны и важны. Нехватает картины перелома в самой массе; последние события показали, что хотя рабочая масса еще бессильна против генерального штаба, готового в любую минуту обезоружить и предать врагу свою армию, в ней уже теперь сконцентрирована огромная революционная сила; повидимому, широкая масса преодолела ряд предрассудков и пережитков прошлого, но она подавлена огромным бюрократическим аппаратом и проделывает тот опыт с неустойчивыми левыми вождями, за который английский пролетариат заплатил такой дорогой ценой в последних событиях. Лучшая часть книги — характеристика роста и жизни компартии и ее значения в связи с переходом широкого массового движения на революционный путь. Не менее важны приводимые автором факты о борьбе и формах борьбы массы с профсоюзным аппаратом. Последние события несомненно ускорят все те процессы дифференциации, расслоения и роста движения, которые правильно намечены автором.

С книгой Броуна необходимо ознакомиться каждому, кто хочет сознательно подойти к событиям современности. Она лишний раз напоминает, насколько необходим ряд работ о новой Англии, которые дали бы возможность понять связь между событиями и наметить правильную перспективу дальнейшего развития английского и международного рабочего движения.

Д. Заславский. Гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки (1861—1865). «Прибой». Ленинград, 1926. Стр. 158. Ц. 80 к.

Интересно и живо написанная книжка, хороший образчик популярной исторической литературы. Автор пользуется ограниченным кругом пособий, но пособий надежных, и дает в общем правильное изложение событий и отношений. Автор полагает, что события 1861 — 1865 годов могут быть вполне поняты лишь на опыте гражданской войны в России, и охотно прибегает к интересным параллелям. Ходячему представлению о гражданской войне в Америке, как о борьбе между промышленным Севером и земледельческим Югом, автор противопоставляет концепцию классовой борьбы, которая разыгрывалась и там, и здесь — фермеры и промышленный пролетариат Запада и Севера в союзе с неграми и фермерами Юга вели борьбу с об'единившимися помещиками Юга и крупными капиталистами Севера. Вслед за Марксом автор подчеркивает первостепенное значение вопроса о невольничестве и отмечает производную роль конституционного вопроса. Не забыта классовая характеристика европейских симпатий. Встречаются промахи (министерство Пальмерстона не было «консервативным» и не представляло только интересов земельной аристократии). Но в общем книжка вполне может быть рекомендована для первоначального ознакомления с ходом американской гражданской войны. Автор дает достаточно богатое фактами изложение и не выезжает, наподобие многих популяризаторов, на общих местах и рассуждениях.

П. Ф. Симонов. Борьба труда и капитала в Соединенных Штатах Северной Америки. «Вопросы труда». 1926. Стр. 360. Ц. 2 р. 90 к.

«Автор интересовался и изучал рабочее движение, а также экономическую и политическую жизнь этой страны в течение многих лет, прочел целый ряд трудов американских авторов» и т. д. Он «не мог не заметить поразительного непонимания американского рабочего движения не только среди рабочих масс Европы вообще, но даже среди наиболее ответственных и активных работников, занятых непосредственно вопросом рабочего движения вне Америки». С какими же средствами автор приступает к выполнению своего «нелегкого труда»? Он начинает с разоблачения Колумба, который был «одним из самых бесшабашных негодяев-пиратов». Далее, на странице 10-й мы узнаем, что непосредственной причиной Кре-

стовых походов было занятие Константинополя турками в Средние века. На странице 12-й читаем следующее рассуждение о реформации: «До известного времени никто, повидимому, не замечал такого безобразия, как продажа римским папой «индульгенций», или отпущения грехов авансом, т.-е. будущих грехов. Но вдруг появляется возмущенный этим безобразием чешский проповедник Лютер и вырастает во всемирного реформатора». Но автор не так прост, чтобы этому поверить. Настоящей причиной реформации было сманивание церковью рабочих из поместий «работодателей из молодой буржуазии». «Нужно было расшатать авторитет папы для того, чтобы разорить монастыри, отнять у них трудящихся и обратить их в наемных или даже прямых промышленных рабов». (Стр. 13.) В результате секуляризации поместья в Европе превращаются в «гигантские пруды для рыбы». Столь же остроумна интерпретация пуританства... «Когда монастырские и крестьянские земли были разграблены светскими феодалами, началась грызня между ними самими, так как одни захватили больше, другим досталось меньше земли. Войны разорили Европу еще больше. Грызня дошла до такой степени, что среди феодалов началось обратное течение, появились своеобразные «революционеры» из этих же разбойников-пиратов, как, например, пуритане Англии». (Стр. 15.) Первые колонизаторы Северной Америки «не могли работать, так как это были в большинстве дегенераты и алкоголики». (Стр. 17.) Довольно примеров. Книга Симонова дает много разнообразного, и, пожалуй, интересного, хотя и очень пестрого материала; первые 10 глав посвящены историческому очерку, кончая гражданской войной. Далее следует история «рыцарей труда» и Американской Федерации Труда. Подробно останавливается автор на капиталистических организациях для борьбы с рабочими. Дан очерк радикального юнионизма, еврейского вопроса. Последняя глава посвящена борьбе труда с капиталом в наши дни. Книга могла бы быть интересной, если бы не была сработана так неряшливо; обилие лапсусов в стиле вышеприведенных не позволяет рекомендовать ее мало подготовленному читателю.

П. Ф. Бриссенден. Промышленные рабочие мира. I. W. W. Перевод с английского Л. Раевского. Предисловие Р. Мстиславского. Госиздат 1926. Стр. 163.

Книга Бриссендена дает довольно полную картину того своеобразного развития революционного синдикализма в Америке, которое известно во всем мире под названием I. W. W. Эта организация возникла в борьбе против Американской Федерации Труда, организации Гомперса, пережила ряд под'емов и упадков и несколько раз раскалывалась. Не сумев стать массовой революционной организацией, она все же несла революционное учение в американские массы, и ее влияние шире и значительнее даже за пределами Америки, чем это может казаться при поверхностном изучении истории ее развития. Возникнув в 1905 году, как единая организация, она в 1906 году пережила свой первый раскол, в 1908 году — второй; затем идет ряд лет внутренней напряженной борьбы, и постепенно I. W. W. сходит со сцены, уступая свое место новым, более крепким и выдержанным, революционным организациям, профессиональным и политическим. I. W. W. охватывала не больше 30 — 40 тысяч членов в моменты под'ема и не больше 6 — 9 тысяч в периоды упадка; несмотря на это ей удавалось проводить ряд забастовок и стачек; она подвергалась преследованиям, переживала подполье и умела против сильной Американской Федерации Труда, открыто сотрудничавшей с самой сильной и жестокой буржуазией мира, отстаивать подлинно-непримиримую классовую борьбу, хотя часто узко и неправильно понятую.

Распыленность американского пролетариата, его многонациональный состав, многоязычие, глубокая разница в положении между квалифицированным рабочим и «массой» сильно помогли буржуазии превратить рабочие организации в простой придаток предпринимательских организаций и создать целый слой профсоюзных

чиновников, как говаривал Марк Ханна — «рабочих лейтенантов, капитанов промышленности». Неудивительно поэтому, что реакция против буржуазной политики синдикальных организаций была настолько глубока среди неквалифицированной и более бедной части пролетариата, что вызывала анархистские и синдикалистские настроения. Это революционное движение выковывало и новых революционных вождей, таких выдающихся, как Де-Лион и Хейвуд, создавало и новые кадры. С этой точки зрения заслуга I. W. W. перед революционным пролетариатом огромна.

В I. W. W. встретились лучшие элементы Социалистической рабочей партии, организованной в 1878 г., социалистического альянса квалифицированных и неквалифицированных рабочих с новыми молодыми революционными кадрами. Дальнозоркие революционные вожди, как Де-Лион, еще до мировой войны выдвигали, правда в неясной форме, идею диктатуры пролетариата, дебатировали вопросы «непосредственного действия», и т. п.

Отрицательная программа I. W. W., ее борьба против сотрудничества классов, ее подлинно классовая ненависть против капиталистов и их союзников в рабочем классе — против Американской Федерации Труда — были сильными сторонами «Промышленных Рабочих Мира». Бриссенден удачно и полно их освещает. Слабее освещены кризисы, трудности и идейный разброд в I. W. W. Синдикалистские предрассудки, отсутствие признанной политической революционной партии, отвращение к политике, отсутствие правильной тактики по отношению к миллионам рабочих, организованных в Американской Федерации Труда, анархистские методы борьбы делали I. W. W. нежизнеспособной организацией. Не будучи в силах разрешить основные вопросы рабочего движения, организация беспрестанно дифференцировалась, распадалась, чувствовала свою слабость и не выходила из перманентного кризиса с 1906 года по настоящее время. Появление на сцене Лиги профессиональной пропаганды, примыкающей к Профинтерну, и компартии Америки нанесло последний удар синдикализму и означало переход революционного движения на новые рельсы — на основе ясной программы классовой борьбы.

Прав был Де-Лион, когда говорил еще в 1911 году: «Право без силы — забава дурака, сила без права — спорт дикаря». Но движение еще не пошло по этой правильной линии. Анархистские тенденции брали верх в неквалифицированном пролетариате, буржуазные — в рабочей аристократии.

Книга Бриссендена особенно полезна теперь, когда реформисты начинают играть в Европе значительную роль. Американской буржуазии, выигравшей мировую войну, сконцентрировавшей значительную часть богатств всего мира в своих руках, удается тем самым урвать и часть сверхприбыли; ее рабочая аристократия еще крепче связана с буржуазией, чем раньше. Паритетные комиссии, рабочие банки, террор против всякого революционного движения характеризуют положение в Америке. Американская профбюрократия, крепкая, хорошо сплоченная и еще способная твердо держать «большинство рабочих», используя силу и богатство своего хозяина, — является идеалом Макдональда и Гендерсона, Вандервельде, Жуо и Томаса. Настоящее сращение верхушки рабочего движения с буржуазными организациями и государственным аппаратом — недостижимый идеал реформистов в современных европейских странах, не справившихся от военного кризиса, неспособных восстановить мировое хозяйство без новых войн и потрясений. Европейское рабочее движение идет в сторону революции, сотни и тысячи раз колеблясь и отступая...

Книга нуждается несомненно в более полном предисловии и в особой главе, которая об'яснила бы читателю причину и развитие кризисов. Несмотря на указанные недостатки, книга появилась во-время и принесет, несомненно, большую пользу.

VI. ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(с 1 апреля по 1 декабря).

Г. В. Плеханов. Сочинения. Том XIII, под ред. Д. Рязанова. Госиздат. Москва 1926. Стр. 350. Тираж 20.000. Ц. 2 р. 60 к.

XIII том собрания сочинений Плеханова заключает в себе материалы с конца 1903 года по конец 1905 года; таким образом общие его рамки — ближайшие подступы и начало революции 1905 года; это обстоятельство отражено в общем заглавии тома: «Вопросы тактики накануне революции 1905 года».

Том открывается значительным количеством мелких статей из «Искры» (от № 52, 7 ноября 1903 года, до № 101, 1 июня 1905 года) эпохи ее существования после II С'езда РСДРП. Эти статьи, собранные воедино, представляют ценнейший исторический материал как для истории РСДРП и ВКП, так и для истории российского рабочего движения. В них отражается, — между прочим и в полемике Плеханова с Лениным, — отход Плеханова вправо от революционного марксизма. Выход Ленина из редакции «Искры», кооптирование Плехановым членов редакции из меньшинства, наконец уход самого Плеханова, — все эти события в освещении Плеханова проходят перед читателем.

Дальнейшим материалом тома является содержание трех вышедших номеров плехановского «Дневника социал-демократа» (март — ноябрь 1905 года). Углубление тактических разногласий меньшевиков и большевиков, разногласий Плеханова и Ленина, — вот о чем свидетельствует этот «Дневник».

В приложении даны речи и реплики Плеханова: 1) на II С'езде заграничной Лиги русской революционной социал-демократии, 2) на Амстердамском международном социалистическом конгрессе и 3) на собрании членов РСДРП 2 сентября 1904 года.

Краткое предисловие редактора Д. Рязанова характеризует все материалы, вошедшие в этот том.

Г. В. Плеханов. Сочинения. Том XV, под редакцией Д. Рязанова. Госиздат. Москва 1926. Стр. 471. Тираж 20.000. Ц. 2 р. 60 к.

Том XV сочинений Г. В. Плеханова является естественным продолжением тома XIII. Если первый сосредоточил в себе статьи по вопросам тактики накануне революции, то второй содержит статьи, об'единенные редакцией под общим заглавием: «Вопросы тактики в эпоху первой революции». Хронологические рамки XV тома: 1905—1908 года.

Книга начинается «Дневником социал-демократа» (№№ 4 — 8). В них, как известно, дается плехановская оценка революции 1905 года, таких ее событий, как всеобщая забастовка, вооруженное восстание и т. д. «Не нужно было и браться за оружие» — таков их лейтмотив...

Следующие материалы XV тома таковы: «Письма о тактике и бестактности», «Заметки публициста» («Новые письма о тактике и бестактности»), статьи из «Товарища» (от № 101, за 1906 год, до № 406, за 1907 год), предисловие к брошюре «Мы и они» (Женева, 1907) и три статьи 1908 года. Кроме того даны речи Плеханова на Стокгольмском об'единительном с'езде РСДРП, речи на Лондонском с'езде 1907 года (по протоколам с'езда) и в приложениях: выступления на пленуме Международного Социалистического Бюро 10 ноября 1906 года и речи на Штуттгартском конгрессе (протокольные записи).

Весь том в концентрированном виде представляет позицию Плеханова 1905 — 1907 годов и в этом отношении является ценным материалом для изучения меньшевистской оценки революции 1905 года. Предисловие редактора Д. Рязанова дает краткую характеристику Плеханова той эпохи.

Библиотека материализма

Под общей редакцией А. Деборина и Д. Рязанова.

Томас Гоббс. Избранные сочинения. Перевод А. Гутермана с предисловием А. Деборина. Госуд. Издат. Москва 1926. Стр. XXVIII + 276. Тираж 3.000. Ц. 3 р.

Настоящий том сочинений Т. Гоббса восполняет существенный пробел в русской переводной философской литературе. Русскому читателю были совсем неизвестны две первые части системы английского материалиста XVII века: «Учение о теле» и «Учение о человеке». В настоящем издании эти сочинения Гоббса представлены в переводе А. Гутермана. Оба произведения переведены с купюрами: исключены те главы, которые по своему содержанию не являются философскими и ничего не прибавляют к суждению о методе и общем мировоззрении Т. Гоббса. В этом отношении редакция следовала примеру немецкого издания, выполненного Фришэйзен-Келером. Исключенные главы представлены заголовками составляющих их параграфов и отмечены звездочками.

В виде приложения к «Учению о теле» дан наиболее существенный отрывок из книги Гоббса: «Вопросы касательно свободы, необходимости и случайности», резюмирующий взгляд философа по данному вопросу. Вторым приложением даны полностью «Возражения на «Размышления» Декарта», ранее появившиеся в другом издании Института (А. Деборин, «Книга для чтения по истории философии». Том. I, Москва 1924). Однако в настоящем издании вслед за «возражениями» Т. Гоббса следуют «ответы» Р. Декарта. Таким образом, эти страницы являются историческим документом, представляющим картину философской дискуссии между двумя мыслителями-классиками XVII века.

Книга заканчивается сочинением Гоббса, которое в XVIII веке было переведено П. Гольбахом на французский язык, а Д. Дидро рекомендовалось для перевода на русский язык. Сочинение это — «Человеческая природа» — было написано Т. Гоббсом по-английски.

Настоящему «сокращенному изданию избранных сочинений» Гоббса предпослано предисловие редактора А. Деборина, знакомящее читателя с фактами политической и литературной биографии философа и дающее краткую характеристику Гоббса, как представителя механического материализма его классического периода.

Дени Дидро. Избранные сочинения. Том I. Госуд. Издат. Москва 1926. Стр. LVI + 360. Тир. 4.000. Ц. 3 р. 50 к.

Дени Дидро. Избранные сочинения. Том II. Госуд. Издат. Москва 1926. Тир. 4.000. Стр. 342. Ц. 3 р.

Вышедшие одновременно два тома сочинений Д. Дидро заключают в себе все философские произведения великого французского мыслителя XVIII века, написанные им в материалистический период своей жизни (с 1749 года). Из имевшихся уже на русском языке произведений Дидро в первый том вошли: «Мысли об об'яснении природы», «Философские принципы материи и движения», «Разговор Даламбера с Дидро», «Сон Даламбера», «Продолжение разговора», «Разговор философа с женой маршала» и «Племянник Рамо». Все эти произведения появились впервые на русском языке в 1913 году в переводе В. Сережникова. В настоящем издании перевод их заново проредактирован. В частности перевод «Племянника Рамо», выполненный еще в 1882 году В. Неведомским и воспроизведенный с незначительными изменениями В. Сережниковым, в настоящем издании дан полностью; все купюры текста, составляющие по подлиннику около четверти знаменитого диалога, целиком восстановлены.

В первый раз на русском языке из сочинений, вошедших в первый том, представлены следующие: «Письмо о слепых в назидание зрячим» (1749), — впервые формулировавшее материалистическую точку зрения Дидро, — с прибавлением к нему, написанным значительно позже; письмо Вольтеру по поводу «Письма о слепых»; «Добавление к путешествию Бугенвилля», содержащее социальную

утопию Дидро; «Речь философа к королю», выражающая взгляды Дидро на духовенство. Перевод этих произведений выполнен П. Юшкевичем.

Сочинениям Дидро предпослано большое предисловие А. Деборина, останавливающегося на основных моментах философии Дидро и разбирающего эти моменты в свете современного, диалектического материализма.

Сочинения, вошедшие во второй том, все, за исключением нескольких отрывков из «Элементов физиологии», появляются на русском языке в первый раз. Переведены они П. Юшкевичем. Том открывается «Размышлениями по поводу книги Гельвеция «Об уме». Это — своего рода рецензия Дидро на знаменитую книгу Гельвеция (1758). Далее идут обширные (около 11 листов) «Возражения на книгу Гельвеция «Человек». Эти маргинальные заметки Дидро интересны как материал для суждений о дискуссиях в среде французских материалистов. В конце идут «Элементы физиологии»; они обнаруживают естественно-научные познания Дидро и представляют философские обобщения на основе этих познаний. Ко второму тому в виде приложения дана составленная И. Лупполом библиография работ о Дидро, регистрирующая в систематическом порядке свыше трехсот книг, статей, очерков и т. п. произведений мировой литературы о Дидро.

Библиотека марксиста

Под редакцией Д. **Рязанова.**

Выпуск VII. **К. Маркс.** Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. С предисловием Д. Рязанова. Госиздат. М. 1926. Стр. XIV + 152. Тир. 10.000. Ц. 80 к.

В предисловии т. Рязанов указывает на обстоятельства, при которых была написана эта книга, и цитирует письмо Энгельса, написанное им на другой день после переворота и сильно повлиявшее на оценку событий в работе Маркса.

Кроме предисловия К. Маркса ко 2-му изданию (1869 года), дается также предисловие Ф. Энгельса к 3-му немецкому изданию. Перевод, в основу которого положен старый перевод Кричевского, сверенный с оригиналом и исправленный сделан со 2-го издания; в предисловии т. Рязанова указаны основные особенности текста 1-го издания (1852 года).

К книге приложены примечания, составленные А. Д. Удальцовым, касающиеся упоминаемых в тексте исторических лиц, а также требующих пояснения явлений и понятий, и хронологический указатель событий, относящихся к затрагиваемому Марксом историческому периоду.

К изданию приложен портрет К. Маркса (начала 60-х годов), взятый из коллекции Кугельмана, и факсимиле заглавной страницы первого немецкого издания, сделанное с экземпляра, принадлежавшего рабочему Ф. Леснеру, старому другу Маркса и Энгельса.

Выпуск VIII. **К. Маркс.** Гражданская война во Франции в 1871 г. С введением Ф. Энгельса. Госиздат. М. 1926. Стр. 163. Тир. 10.000. Ц. 80 к.

В кратком предисловии т. Рязанов указывает на значение Парижской Коммуны как прообраза советской государственной организации. В основу издания положен перевод, сделанный под редакцией Ленина, частично исправленный. Кроме того, даны: 1) Введение Энгельса, написанное в 1891 году; 2) Два адреса Генерального Совета I Интернационала по поводу франко-прусской войны; 3) Декларация Парижской Коммуны французскому народу; 4) Главные декреты и постановления Коммуны, ее Исполнительной Комиссии и Комитета Общественного Спасения; 5) Письма Маркса, касающиеся Коммуны: его письма к Кугельману и письмо к членам Коммуны Франкелю и Варлену (от 13 мая 1871 г.); 6) Письмо Энгельса к французским товарищам по поводу пятнадцатилетия со дня Коммуны (от 18 марта 1886 г.) и его же письмо матери (от 21 октября 1871 г.), в котором он раз'ясняет свое отношение к Коммуне; 7) Отрывок из книги Дюбрейля «Коммуна 1871 года», говорящий о жертвах версальских палачей.

Издание снабжено 17 иллюстрациями, изображающими важнейшие события и главных деятелей Коммуны, а также факсимиле письма Маркса к Франкелю и Варлену и декларации Коммуны французскому народу. К книге приложены примечания, составленные тт. Ц. Фридляндом и А. Удальцовым, касающиеся упоминаемых в тексте имен и главнейших событий и учреждений.

Выпуск IX. **Вильгельм Либкнехт.** «Никаких компромиссов!» С предисловием Д. Рязанова. С введением и примечаниями Э. Цобеля. Госиздат. М. 1926. Стр. 146· Тир. 5.000. Ц. 80 к.

Книга содержит две речи В. Либкнехта; из них первая, произнесенная в 1869 г., называется: «О политической позиции социал-демократии, в особенности по отношению к рейхстагу»; вторая, произнесенная в 1899 г., — «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!» Темой обеих речей является разбор основных вопросов тактики международного рабочего движения. В предисловиях к речам В. Либкнехт резко подчеркивает свое отношение к парламентаризму, как к «разукрашенному мишурой фразы театральному костюму, за которым абсолютизм и классовое господство скрывает свои отвратительные члены и свои орудия убийства».

Речам предпослано небольшое предисловие Д. Рязанова, которое раз'ясняет тактическую позицию В. Либкнехта и отношение к ней Маркса и Энгельса. Введение Э. Цобеля знакомит читателя с основными моментами политической и социальной жизни Германии за период 1848—1899 гг.

В приложении дано предисловие В. И. Ленина к русскому переводу брошюры «Никаких компромиссов!», вышедшей в русском переводе в 1906 г. Из этого предисловия видно, какую роль сыграла брошюра В. Либкнехта в борьбе с Плехановым, рекомендовавшим избирательное соглашение с кадетами при выборах во вторую Государственную Думу. В конце книги имеются примечания, составленные Э. Цобелем. Перевод первой речи сделан А. Гутерманом, перевод второй — Д. Лещенко.

Выпуск X. **Вильгельм Либкнехт**. Социализм и культура. С введением и примечаниями А. Тальгеймера. Госиздат. М. 1926. Стр. 158. Тир. 5.000. Ц 80 к.

Книга состоит из двух речей и одной маленькой пропагандистской брошюры В. Либкнехта. Первая речь, произнесенная им 22 октября 1871 г. в Демократическом Союзе в Кримичау, носит название: «От обороны к нападению». Содержанием ее является, с одной стороны, изложение программы тогдашней социал-демократической рабочей партии, с другой — защита партии от направленных против нее обвинений. Блестящая с внешней стороны и глубокая по внутреннему содержанию, она долгое время являлась излюбленным агитационным произведением в Германии и даже до сих пор не утратила своей актуальности.

Вторая речь называется: «Знание — сила, сила — знание». Она была произнесена В. Либкнехтом 5 февраля 1872 г. по случаю празднества основания дрезденского союза просвещения. Как речь, так и предпосланное речи предисловие автора, написанное им в октябре 1887 г., рисует в ярких и беспощадных словах состояние культурного уровня Германии той эпохи, и главным образом — состояние и характер народного образования. Пропагандистская брошюра называется «Пауки и мухи». В немногих, но красочных словах она изображает картину эксплоатации пролетариев капиталистами.

Речам предпослано введение, написанное А. Тальгеймером, которое знакомит читателя с политической и культурной обстановкой Германии той эпохи, давая тем самым возможность читателю глубже понять смысл речей В. Либкнехта. В конце книги имеются примечания, составленные А. Тальгеймером. Перевод «От обороны к нападению» сделан Е. А. Гурвич, остальных двух брошюр — Е. Д. Зайцевой.

ТРУДЫ АНГЛИЙСКИХ ЭКОНОМИСТОВ XVII в. (1582—1708) В КАБИНЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

За время печатания первого номера «Летописей Марксизма» кабинет политической экономии обогатился рядом ценных произведений старых английских экономистов как в фотокопическом воспроизведении (ф), так и в оригиналах (о). Особенно редким экземпляром может считаться «A Discourse of Coin and Coinage», принадлежащий перу Райс Вогана (Vaughan Rice), цитируемый Марксом в эксцерптах (как и раньше, работы, цитируемые или упоминаемые Марксом, отмечены звездочкой слева). Эта выдающаяся работа по теории денежного обращения появилась впервые в 1675 году после смерти автора. В 1696 г. выходит второе издание этой книги.

Джерард Маляйнс, упоминаемый Марксом в связи с другими своими работами, представлен здесь своим об'емистым классическим трудом «Consuetudo vel Lex Mercatoria» в первом издании 1622 г. in folio. В 1686 г. этот компендиум был переиздан вместе с другими работами Маляйнса, неоспоримого авторитета в течение всего века по вопросам меркантильной экономики.

Коллекция памфлетов знаменитого Вильяма Петти пополнилась оригиналом его «Трактата о налогах и обложении» (A Discourse of Taxes and Contributions) в издании 1689 года. Самое раннее из известных изданий этого трактата относится к 1679 году. Из серии «Опытов по политической арифметике» Петти важно отметить получение оригинала его «Двух опытов по политической арифметике» (Two Essays in Political Arithmetic, concerning the People, Housing, Hospitals, etc. of London and Paris), изданных в Лондоне в 1687 году.

Чрезвычайно важным приобретением для изучения английской теоретической экономии второй половины века являются памфлеты Роджера Кука (Roger Coke с 1643 по 1693 г.). Четыре наиболее интересных его «трактата» представлены в одном томе, являющемся большой библиографической находкой. Место Роджера Кука в истории экономических идей может быть намечено среди ранних проповедников идей свободной торговли. В этом отношении он предваряет Дедлей Норса и является во многих отношениях интереснее последнего. Широко-образованный человек, хороший математик, Кук обратил на себя внимание трактатом, направленным против гоббсовского «Левиафана»; выступая противником монопольных компаний и государственной регламентации, Кук метко вскрывает классовую подоплеку таких государственных мероприятий, как Навигационный Акт, законы о бедных и раздача хартий на внешнюю торговлю.

Фотокопические воспроизведения относятся, главным образом, к истории торгового капитала и, в частности, характеризуют кризис, переживавшийся старой Ост-Индской компанией в конце XVII века. В этом отношении особенно интересны «Размышления об Ост-Индской торговле» (Considerations upon the East India Trade. London, 1701), принадлежащие перу знаменитого «фритредера» Дедлей Норса.

А. Торговый капитал.—Ост-Индская компания.—Торговая политика.

*1. Malynes Gerard. Consuetudo vel Lex Mercatoria; or the Ancient Law Merchant, etc. 1-st ed. 1 vol. folio. London, 1622. (о)

*2. North, Sir Dudley. Considerations upon the East-India Trade. London, 1701. (ф)

3. Asgill John. An Essay on a Registry, for Titles of Lands. London, 1698. (ф)

4. Rey Claudius. Observations on Mr. Asgill's Brief Answer to a Brief State of the Question between the printed and painted Cullicoes, etc. London, 1719. (ф)

5. An Answer to the Case of the Old East India Company; as Represented by Themselves to the Lords Spiritual and Temporal in Parliament Assembled. London, 1700. (ф)

6. Petition and Remonstrance of the Governor and Company of Merchants of London trading to the East Indies. London, 1641. (ф)

7. A Dialogue between a Director of the New East India Company, and one of the Committee for preparing By-Laws for the Said Company. In which those for a Rotation of Directors, and the preventing of Bribes are particularly debated. London, 1699. (ф)

8. A Letter to the Chairman of the East-India Company etc. By a Proprietor in the Company's Stock. London, 1727. (ф)

9. The Advantages of the Kingdom of England, both abroad and at home, by Managing and Issuing the Drapery, and Woollen Manufacturers of this Kingdom, under the Ancient Government of the Fellowship of Merchants Adventurers of England. s. 1. (ф)

10. Trevers Joseph. An Essay to the Restoring of our Decayed Trade. London, 1675. (ф)

11. Coke Roger. A Treatise wherein is demonstrated that the Church and State of England are in Equal Danger with the Trade of it. Treatise I. 1671. Reasons of the Increase of the Dutch Trade. Treatise II. 1671. England's Improvements, in Two Parts. Treatise III. 1675. How the Navigation of England may be Encreased and the Soveraingnity of the British Seas more Secured to the Crown of England. Treatise IV. 1675.

Все четыре редких памфлета в одном томе.

12. A Treatise touching the East Indian Trade, or a Discourse (turned out of French into English) concerning the Establishment of a French Company for the Commerce of the East Indies etc. London, 1676. (ф)

13. Arguments proving, that the Poor of England cannot be imployed on the Wooll Manufacture, but to a National Loss; and the Ruine of the Clothing Trade. By Philanglus. London, 1701. (ф)

14. The Interest of England, in relation to the Woollen Manufacture, in a Dialogue between Sir Thomas Flowrishing, a Merchant, and Timothy Castdown, a Clothier etc. London, 1701. (ф)

B. Проценты на капитал.— Ростовщический капитал.— Рост.

1. Holmes Nath. Usury is Injury. London, 1640. (ф)

C. Деньги и денежное обращение.— Монета.

1. * Houghton Thomas. A Book of Funds. London, 1696. (ф)

2. * Vaughan Rice. A Discourse of Coin and Coinage. London, 1675. (о)

3. Proposals for Regulating the Coin of the Nation s. 1 circa 1696. (ф)

4. Reflexions upon a Scandalous Libel, entituled An Account of the Proceedings of the House of Commons, in relation to the Re-coyning the Clipp'd Money, and falling the Price of Guinea's. London, 1697. (ф)

5. R. C. A Treatise concerning the Regulation of the Coyn of England and how the East India Trade may be Preserved and Encreased. London, 1696. (ф)

6. The Case of the Bankers and their Creditors. Stated and Examined etc. By a true Lover of his King and Country, and a Sufferer for Loyalty. London, 1674. (ф)

Памфлет принадлежит перу Томаса Турнора, с рукописными заметками в тексте.

D. Возникновение Английского банка.— Земельный банк.— Кредит.

1. A Letter to a Person of Quality Relating to the Bank of England, and Credit of the Nation, [1675]. (ф)

2. The Commission for taking Subscriptions for 1.200.000 £. Pursuant to the Act of Parliament [1695]. (ф)

E. Финансы.— Налоги.— Обложение.

1. Drake James. An Essay concerning the necessity of Equal Taxes, and the Dangerous Consequences of the encouragement given to Usury among us of late years. With some Proposals to promote the Former, and give a Check to the Latter. London, 1702. (ф)

2. Drake James. An Essay concerning the Necessity of Equal Taxes. London, 1704. (ф)

3. Some Thoughts of the Interest of England etc. By a Lover of Commerce. London, 1697. (ф)

F. Политическая арифметика.

*Petty William. Two Essays in Political Arithmetick, concerning the People, Housing, Hospitals, etc. of London and Paris. London, 1687. (o)

*Petty William. A Discourse of Taxes and Contributions. London, 1689. (o)

СОЧИНЕНИЯ А. КЛООТСА В КАБИНЕТЕ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

Среди богатого собрания книг, брошюр и газет, посвященного Великой французской революции, в Институте имеется интересная коллекция произведений Анахарсиса Клоотса, «оратора рода человеческого».

Интересна судьба этого незаурядного человека. Сын тайного советника короля прусского, богатого землевладельца, предки которого составили себе состояние морской торговлей, он родился в 1785 г. в замке Gnadenthal (около Клеве). Уже самое воспитание его носило интернациональный характер; он воспитывался сначала в Брюсселе, затем в Монсе (у иезуитов), наконец в Париже (Collège du Plessis), где пробыл шесть лет. После этого он поступил в военную академию в Берлине, но, не чувствуя склонности к военной службе, Клоотс оставляет академию после смерти отца и возвращается в Париж. Здесь он вращается в среде энциклопедистов, много путешествует. К этому времени относится его знаменитая книга «La Certitude des preuves du Mahométisme» (Londres, 1780), которая является ответом на книгу аббата Бержье «La Certitude des preuves du Christianisme» (Paris 1768); Клоотс на тех же основаниях, как и Бержье, доказывает истинность магометанства, давая блестящий памфлет против христианства и всякой богооткровенной религии. Чтобы не попасть в Бастилию за это произведение, он бежит в Англию. Свое преклонение перед Францией он выражает в своей книге: «Voeux d'un Gallophile» (Amst. 1786).

Великая революция снова привлекает его в Париж. Он становится членом Якобинского клуба и начинает подписываться «Cloots du Val-de-Grâce (Gnadenthal), baron en Allemagne, citoyen en France». Он защищает революцию против англомана Бёрка и принимает имя Анахарсиса, популярное тогда имя легендарного философа-путешественника, пришедшего из Скифии искать мудрости в Грецию, как теперь Клоотс во Францию. Космополит, он мечтает возродить Францию и вселенную и начинает помечать свои произведения: «Chef-lieu du globe». Во главе депутации иностранцев самых различных национальностей является он 19 июня 1790 г. в Учредительное Собрание с приветствием за восстание против тирании и просьбой о допущении к участию в празднике федерации, за что и получает прозвание «Orateur du genre humain».

Провозглашая себя «личным врагом Христа», Клоотс вступает в полемику с аббатом Фошэ по поводу христианского мистического социализма последнего. Мечтая о всемирной федерации наций, о всемирной республике, он считает сначала возможным ее осуществление мирными средствами, но скоро убеждается в необходимости пропаганды войны тиранам; в качестве «оратора рода человеческого» он является 31 декабря 1791 г. в Законодательное Собрание, требуя, чтобы французские войска пошли освобождать от тирании соседние нации. Возражая против мирной политики Робеспьера, он вторично является в Законодательное Собрание 21 апреля 1792 г., требуя войны тиранам и жертвуя на это дело 12.000 франков.

Богатый банкир Клоотс переводит свои деньги во Францию, скупает национальные имущества, главным образом в Пикардии, подписываясь теперь «Anacharsis, cultivateur». 26 августа 1792 г. он получает права французского гражданина вместе с Т. Пэном, Пристли, Вашингтоном, Клопштоком и другими выдающимися людьми, симпатизирующими революции. 13 сентября в газете Кондорсе «Парижская хроника» он выступает со статьей против «аграрного закона».

Два департамента (Oise и Saône-et-Loire) избирают Клоотса депутатом в Конвент, где он работает в комитетах внешних сношений и народного образования. Будучи близок первоначально с жирондистами, он порывает с ними (брошюра «Ni Marat, ni Roland» 1792), примыкает к Горе и призывает в мае 1793 г. в Якобинском клубе к восстанию против Жиронды. В конце 1793 г. он избирается президентом Якобинского клуба.

Клоотс сближается с Шометтом, является одним из инициаторов «Культа Разума». Это решает его судьбу. При «чистке» в клубе Робеспьер обрушивается на Клоотса с обвинениями в аристократизме и в немецком происхождении. Исключенный сначала из клуба, а скоро и из Конвента, он подвергается аресту, привлекается к суду вместе с эбертистами и 24 марта 1794 г. (4 germinal an II) мужественно всходит на гильотину.

Приводим список имеющихся в Институте произведений Клоотса и литературы о нем.

I. Произведения Анахарсиса Клоотса

1. A mon tour la parole. Réponse d'Anacharsis Cloots aux diatribes rolando-brissotines. (26 novembre 1792). [Paris], impr. de L. Potier de Lille, s. a. 8 p.

2. Anacharsis à Paris, ou Lettre de Jean-Baptiste Cloots à un prince d'Allemagne. Paris, Desenne, 1790. 28 p.

3 Anacharsis Cloots aux assemblées primaires du Hainaut, du Brabant, de la Flandre, etc. (23 novembre 1792). [Paris], Desenne, s. a. 7 p.

4. Appel au genre humain, par Anacharsis Cloots... (Paris, frimaire an II). S. l. et a. 20 p.

5. Aux citoyens des départements sur l'insurrection du 31 mai. (Signé: Bourdon, Champertois, Anacharsis Cloots, Duquesnoy, Sambat, Gior, Lyon et Courtois.) [Paris], impr. patriot. et républic., s. a. 14 p.

6. Frères et amis. [Aux citoyens des départements sur l'insurrection du 31 maï]. (Signé: Bourdon, Champertois, Anacharsis Cloots, Duquesnoy, Sambat, Gior, Lyon et Courtois.) [Paris], impr. patriot. et républic.. s. a. [Placard].

7. Les Bataves opprimés aux français libérateurs. De la Hollande, décembre 1792. Anacharsis Cloots aux habitants des Bouches du Rhin. [Paris], impr. de L. Potier de Lille, s. a. 15 p.

8. La Certitude des preuves du mahométisme, ou Réfutation de l'Examen critique des apologistes de la religion mahométane par Ali-Gier-Ber... Part. 1—2. Londres, 1780. 636 p.

9. Croisade civique. Discours prononcé à la société des Jacobins, le 19 août 1793..., par Anacharsis Cloots... [Paris], impr. patriot. et républic., s. a. 8 p.

10. Diplomatie révolutionnaire. Adresse d'Anacharsis Cloots aux sans-culottes bataves. (5 octobre 1793). Paris, impr. des 86 départements..., s. a. 16 p.

11. Discours prononcé à la barre de l'Assemblée nationale, par Anacharsis Cloots. Paris, impr. nationale, 1791. 8 p.

12. Discours prononcé à la barre de l'Assemblée nationale, le 21 avril 1792..., par Anacharsis Cloots... [Paris], impr. nationale, s. a. 4 p.

13. Discours prononcé à la barre de l'Assemblée nationale, au nom des federés prussiens, par Anacharsis Cloots..., le 12 auguste 1792... [Paris], impr. nationale 1792. 4 p.

14. Discours prononcé à la tribune de la convention nationale, le 27 brumaire, l'an II de la république..., par Anacharsis Cloots... Paris, impr. nationale, l'an II de la républ. 8 p.

15. Etrennes de l'orateur du genre humain aux cosmopolites. Le premier nouvel-an de la république au chef-lieu du globe, 1793. 66 p.

16. Instruction publique. Spectacles. Opinion d'Anacharsis Cloots, membre du Comité d'instruction publique. Paris, impr. nationale, l'an II de la république. 11 p.

17. Lettre sur les juifs à un ecclésiastique de mes amis, lue dans la séance publique du Musée de Paris le 21 novembre 1782, par M. le B. d. C. d. V. d. G... Berlin, 1783. XII + 90 p.

18. Ni Marat, ni Roland. Opinion d'Anacharsis Cloots... Paris, Desenne, 1792. 16 p.

19. L'Orateur du genre humain, ou Dépêche du Prussien Cloots au Prussien Hertzberg. Paris, Desenne, 1791. 177 p.

20. Procès de Louis dernier. Harangue d'Anacharsis Cloots... à la Convention nationale. [Paris], impr. nationale, s. a. 10 p.

21. La République universelle, ou Adresse aux tyrannicides, par Anacharsis Cloots... Paris, l'an IV de la rédemption. 196 p.

II. Литература о Клоотсе

Réponses au Prussien Cloots, par Roland, Kersaint, Guadet et Brissot. [Paris], impr. du Patriote français, s. a. 14 p.

Avenel, G. Anacharsis Cloots, l'orateur du genre humain. T. 1—2. Paris, Lacroix. Verboeckhoven, 1865.

Richter, C. Anacharsis Cloots. Ein historisches Bild aus der französischen Revolution von 1789. Berlin, Springer, 1865. 78 p.

Stern, S. Anacharsis Cloots, der Redner des Menschengeschlechts. Ein Beitrag zur Geschichte der Deutschen in der französischen Revolution. Berlin, Ebering, 1914. XX+262 p. (Historische Studien veröffent. von E. Ebering. Heft 119.)

СОЧИНЕНИЯ Р. ОУЭНА В КАБИНЕТЕ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛИЗМА

В Институте К. Маркса и Ф. Энгельса получено второе издание библиографии по Р. Оуэну и оуэнизму:

A Bibliography of Robert Owen, the Socialist, 1771—1858 second edition, revised and enlarged. Aberystwyth, publ. by the National Library of Wales. 1925, pp. VIII + 90, 214 × 140.

Сравнительно с первым изданием, общее число зарегистрированных в этой Библиографии изданий увеличилось с 467 до 629, при чем количество изданий произведений самого Оуэна возросло с 149 до 175 номеров.

Эта чрезвычайно тщательно составленная Библиография, охватывающая произведения самого Оуэна, журналы, им редактировавшиеся, книги и брошюры об Оуэне, статьи о нем в периодических изданиях, книги и статьи об оуэнистских общинах и даже иконографию Оуэна, является совершенно необходимым пособием для всякого работающего над идеями и личностью великого английского утописта. Тем не менее, крупные трудности библиографической работы по Оуэну привели к тому, что в Библиографии отсутствуют сведения о целом ряде изданий произведений Оуэна и работ о нем.

Перечислим некоторые из этих упущений по отношению к произведениям Оуэна.

A New View of Society.

Если сведения об издании 1-st essay в 1813—1814 гг., которые составители Библиографии считают относящимися к первому его изданию, верны (Библиография, стр. 1, № 2), то в действительности первым изданием 1-st essay является следующее, данных о котором в Библиографии нет:

1. First essay. London, R. and A. Taylor. 1813, pp. IV + 24, 228 × 142.

Отсутствуют также сведения о следующих изданиях:

2. First essay. London, R. and A. Taylor, 1816, pp. IV + 24, 215 × 135.

Это издание отличается как от 1-го издания данного essay 1813 г., так и от 2-го издания всего сочинения Оуэна, вышедшего в 1816 г.

3. Third and fourth essays. London, R. and A. Taylor [1813?] pp. 124, 223 × 130.

Это издание отличается от №№ 4 и 5 Библиографии, относящихся к 1814 г. и вышедших у того же издателя. В 3-rd essay здесь отсутствует обращение «To the proprietors of the principal Mill establishments»; в 4-th essay по сравнению с № 5 Библиографии, отсутствует последний абзац.

4. Eine neue Auffassung von der Gesellschaft. Uebersetzt und erklärt von Prof. O. Collmann. Leipzig, Hirschfeld, 1900, pp. 112, 230 × 148.

The Book of the New Moral World.

5. [Part I.] London, Cousins [1836], pp. XVI + 60, 170 × 100.
6. [Part I.] London, Cousins, 1839, pp. XVI + 60, 160 × 100.
7. Part I. London, Home Colonization Society, 1842, pp. XXXII + 80, 210 × 125.
8. Part IV. London, Watson, 1852, pp. 64, 210 × 125.

Относительно той же книги на стр. 14 Библиографии под № 72 говорится:

[another edition] London 1849, 8-vo. This is an edition of the complete work, issued in 7 parts, each separately paged...

По этому поводу отмечаем, что в 1849 г. издатель J. Watson напечатал титульный лист и оглавление для всей работы Оуэна и сброшюровал с этим листом отдельные части книги, вышедшие в 1842 и 1844 гг. Таким образом, возникает сомнение: действительно ли была книга Оуэна переиздана целиком в 1849 году?

Отсутствует указание на немецкий перевод:

9. Das Buch der neuen moralischen Welt... Nordhausen, Ernst Friedrich Fürst, 1840, pp. 152, 152 × 95.

Другие произведения Оуэна.

Не указаны в Библиографии следующие издания:

10. R. Owen's Plan [Calculations relative to R. O.'s Plan for the relief of Ireland], [1825?], pp. 14, 200 × 130.

11. Address to the Agriculturists, Mechanics, and Manufacturers, both masters and operatives, of Great Britain and Ireland. London, Rich. Taylor [1827], pp. 8, 195 × 130.

12. Memorial to the Mexican Republic and to the State of Coahnila and Texas. London, Will. Clowes, [1828], pp. 12, 248 × 202.

13. An Address delivered at the commencement of the Association of all classes of all Nations. May 1-st, 1835. London, Baker, 1835, pp. IV + 24, 248 × 203.

14. An Outline of the Rational System of Society. См. Social Bible. Laws and regulations of the Association of all classes of all nations. Social hymns for the use of the Friends of the Rational System of Society. Manchester, Froggatt and Richmond. 1835, pp. XIII — XXXIII, 115 × 70.

15. Constitution of the Association of all Classes of all Nations. Established 1-st May, 1835. Revised and finally agreed to by the Congress, 10-th May 1847. Manchester, Heywood, pp. 12, 165 × 100.

16. An Address at the conclusion of the sittings of the Congress of the Association of all Classes of all Nations, held in Manchester, from the 10-th to the 30-th of May, 1837, приложенный к Six lectures, delivered in Manchester... (Библиография, № 49).

17. The Social Bible, being an outline of the Rational System of Society, founded on demonstrable facts, developing the Constitution and Laws of human nature. London: Hetherington, 1837, pp. 16, 215 × 132.

18. [Another edition]. London, Cousins, [1842 ?], pp. 12, 174 × 115.

Содержание обеих брошюр точно совпадает с An Outline of the Rational System... (№ 40 Библиографии). Возможно, что вторая имеется в виду без указания заголовка The Social Bible на стр. 7 Библиографии (another edition... London, B. D. Cousins, [1842]), pp. 12, 178 × 107.

19. Address to all classes, sects and parties, containing an official Declaration of principles, adapted for practice by The Congress of the Universal Community Society of Rational Religionists, held in Leeds, May 1840, приведен в Библиографии под № 399 и 510, но не указано более позднее издание этого адреса в брошюре «Socialism misrepresented and truly represented» (См. ниже заметку об этой брошюре). В Библиографии не указано также, что к адресу приложена:

20. Proclamation of the Congress... addressed especially to the Governors and governed of Great Britain and Ireland.

И адрес, и прокламация подписаны Р. Оуэном.

21. To the Electors of Great Britain and Ireland. London, 28-th June 1841. London, Home Colonization Society, [1841], pp. 4, 203 × 130.

22. A Report of two addresses of the state of the Country, delivered by Mr. R. O., the South London Hall of Science... March 12, 1843. London, Cleave, [1843], pp. 16, 195 × 130.

Содержание: Two lectures of R. O. and the Preliminary Charter of the National System. By the Founder of the System.

23. A full account of the farewell festival given to R. O., Esq. on his departure for America... London, Merriman, [1844], pp. 16, 204 × 130.

Сокращенное изложение речей Р. Оуэна на прощальном торжестве перед его от'ездом в Америку, о которых упоминает № 74 Библиографии.

Здесь же содержится:

24. R. O.'s second legacy to the human race, Rose Hill, 4-th August, 1844, о котором, как и о всей предыдущей брошюре, в Библиографии сведений нет.

25. Manifesto of R. O. to the civilised world: a solution of the great problem of the age. Extr. from the American Statesman, 14-th April 1847. [New York], pp. 8, 252 × 170.

26. Adresse à l'Assemblée Nationale de France. Par. R. O., Fondateur du Système rationnel de société. Paris, 25 Mai 1848. Impr. de Napoléon Chaix et Cie. Pp. 4, 203 × 124.

27. Socialism misrepresented, and truly represented.

Содержание: English socialism according to the «Times» Newspaper of March 17, 1848; Address to all classes, sects and parties, containing an official Declaration of Principles, adapted for practice by the Congress of the Universal Community Society of Rational Religionists (socialists), held in Leeds, May 1840; The Rational state of Human Existence, and model constitution for the government of men. By *R. O.* London, March 20-th, 1848. Waterlo and Son, pp. 16, 160 × 100.

28. R. O's last legacy to the Governors and Governed of all Nations. 20-th June 1854, [London 1854], pp. 4, 220 × 140.

29. R. O's great preliminary meeting on the first day of the year 1855, in which by his previous advertisements Mr. Owen had announced that the true Millennial State of human existence should commence, with his reasons prefixed for calling these meettings. Third edition, London, Wilson, 1855, pp. XII + 32, 210 × 134.

30. Congress of the Advanced Minds of the World. [Programm]. Отдельный оттиск из R. O's Millennial Gazette, May 1st, 1857. London, M' Gowan, 1857, pp. 8, 204 × 134.

31. A Letter addressed to the Potentates of the Earth in whom the happiness and misery of the Human race are now invested... 24-th November 1857, [London, 1857], pp. 4, 205 × 134.

32. The Reporter's Report of R. O.'s May Meetings in London for 1858, [London 1858], pp. IV + 98, 205 × 130.

Что касается Supplementary appendix to the first volume of the life of R. O. etc., то эта книга напрасно отнесена составителями Библиографии к 1878 г. Она вышла, как и основной том, в 1858 году.

Наконец, в отделе журналов Роберта Оуэна отсутствует указание на то, что The Moral World с № 73 (15—XI—1845) до № 85 (24—I—1846) включительно выходил снова под названием The New Moral World.

Все указанные нами, отсутствующие в Библиографии, издания Роберта Оуэна имеются в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса.

Ответственный редактор: Д. РЯЗАНОВ.

Редакционная коллегия: А. ДЕБОРИН. И. ЛУППОЛ. Д. РЯЗАНОВ.

СОДЕРЖАНИЕ